U 68/360
65-7

II 68
360

Архимандритъ Арсеній.

ДУХОВНЫЙ ДНЕВНИКЪ

(выпускъ пятый).

1913 годъ.

Москва.

П 68/360

Архимандритъ Арсеній.

МОСКОВСКИЙ ПУБЛИЧНЫЙ И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕИ
XIV-08922

ДУХОВНЫЙ ДНЕВНИКЪ

(выпускъ пятый).

1913 годъ.

Москва.

10129

2007041539

Духовный дневникъ.

„Всѣ вы сыны свѣта и сыны дня... Будучи сынами дня, да трезвимся, облекшись въ броню вѣры и любви и въ шлемъ надежды спасенья“—(1 Θесеал. 5 г. 5, 8 ст.).

†

Съ Новымъ Годомъ! И еще одинъ годъ прошелъ... Такіе моменты жизни, какъ настоящій, когда мы стоимъ передъ неизвѣстнымъ будущимъ и пережитымъ прошедшимъ, должны понуждать насъ къ размышленію, серьезному вниманію къ себѣ. Мы прожили годъ. Что же онъ намъ новаго принесъ?... Навѣрное каждый скажетъ, что больше огорченій, скорбей, болѣзней и невзгодъ, чѣмъ радостей и утѣшеній. Но такова ужъ жизнь человѣка на землѣ, гдѣ скорби и печали разсѣяны, какъ листья въ осеннюю пору по лѣсу, а радости какъ поздній послѣдній осенній цвѣтокъ на лугу. Но что говорить о скорбяхъ, когда есть болѣе важное для человѣка,—это его душевный, внутренній міръ, его вѣчное призваніе. Что здѣсь мы усмотримъ въ своей душѣ въ мимошедшее лѣто? О, здѣсь мы найдемъ

цѣлое море всякихъ грѣховъ, всякихъ паденій и беззаконій. И что получилось бы, если собрать всѣ содѣянные нами грѣхи въ одно мѣсто?! Здѣсь мы нашли бы цѣлыя горы всякаго зла, грѣхи нашей бренной плоти, грѣхи нашего испорченнаго сердца и несовершеннаго ума. Всякій грѣхъ мерзость предъ Господомъ, но я хочу сейчасъ напомнить о грѣхѣ нашего ума, именно невѣріи. Мало того, что мы дурно живемъ, нетрезво, невоздержно, мало того, что мы обманываемъ, завидуемъ, гордимся и т. д.,—мы еще осмѣливаемся идти противъ вѣры. Сколько у насъ теперь появилось ересей, расколовъ, сектъ! Сколько у насъ такъ называемыхъ невѣрующихъ! А между тѣмъ невѣріе есть самый пагубный, самый тяжелый грѣхъ. Согрѣшитъ человѣкъ отъ несовершенства плоти, покается и Господь его проститъ, проститъ его скорѣе, чѣмъ когда онъ грѣшитъ невѣріемъ, ибо здѣсь онъ возстаетъ противъ Самого Бога. И кто возстаетъ?!..—ты, ничтожная тварь, малая пылинка въ великомъ міроздании Божіемъ. Погрузился я, однажды, въ размышленіе о неизмѣримости міроваго пространства и безконечности времени... Вотъ я представилъ себѣ необъятный міръ, безчисленное множество свѣтилъ небесныхъ. Многія изъ нихъ такъ далеки отъ земли, что только въ три года долетаетъ къ намъ отъ нихъ свѣтъ, такъ что, если бы они потухли, мы могли бы это замѣтить только черезъ три года. Многія звѣзды намъ видны, а неизмѣримое множество за предѣлами нашего зрѣнія, да и гдѣ этотъ предѣлъ? Наше человѣческое чувство и зрѣніе требуютъ конца, предѣла, нашъ умъ такъ ограниченъ, что не можетъ вмѣстить, представить безпредѣльнаго пространства, вѣчности времени... Въ самомъ дѣлѣ, можешь ли ты себѣ представить вѣчность, можешь ли уразумѣть, что начала жизни Бога не было и не будетъ конца. Твой умъ и сердце отъ такихъ размышленій приходитъ въ смятеніе, въ ужасъ и страхъ, онъ робѣетъ, съеживается и изъ этого уразумѣвай все свое ничтожество. Подумалъ я объ этомъ и при-

шелъ въ трепетъ, великій страхъ напалъ на меня. Я глубоко почувствовалъ всю необъятную силу, всемогущество и величіе Божіе и свое крайнее ничтожество. Я самъ себѣ показался какимъ-то малымъ, убогимъ, жалкимъ, безпомощнымъ существомъ и невольно взмолился Творцу міра: Господи, Всемогущій и Дивный, дай мнѣ всегда Тебя помнить, дай мнѣ всегда имѣть Тебя предъ собою, уничтожь во мнѣ всякую гордость и высокомѣріе, ибо я глубоко понялъ, какъ всякая гордость человѣческая пуста и безсмысленна!..

†

Какъ не оскорбительно для нашего религіознаго христіанскаго чувства, а надо къ сожалѣнію сказать, что были и есть люди, которые почитаніе иконъ приравниваютъ къ идолопоклонству. Въ 7 и 8 вѣкахъ возникла даже ересь иконоборческая, которая стремилась уничтожить почитаніе иконъ, а въ послѣдующее время отдѣлилась цѣлая христіанская община, которая отвергла почитаніе иконъ и всякаго рода внѣшнихъ предметовъ — именно Лютеранство. Что на это сказать? Какъ защитить христіанское иконопочитаніе? Мы не обоготворяемъ, а только почитаемъ иконы. Далѣе важенъ тотъ источникъ, изъ коего исходитъ это почитаніе. Источникъ этотъ есть Единый Истинный Богъ, Творецъ и Промыслитель міра во Святой Троицѣ славимый. Возьмемъ ли мы иконы, возьмемъ ли мощи и т. п., всѣ онѣ намъ дороги потому, что освящены благодатію Божіею, которая пріосѣняла святыхъ, значитъ въ почитаніи сихъ предметовъ прославляется нами тотъ же Единый Богъ, дивный во святыхъ Своихъ. Въ язычествѣ же каждый почитаемый предметъ представляется какъ отдѣльный самостоятельный богъ, получается многобожіе, чѣмъ Единый Истинный Богъ теряется въ сознаніи людей, или, если такъ можно сказать, стушевывается, ограничивается; многобожіе, такимъ образомъ, безмѣрно оскорбляетъ

Единаго Истиннаго Бога; здѣсь же, въ христіанскомъ почитаніи святыни, только еще болѣе и болѣе прославляется Господь. И чѣмъ христіанинъ чувствительнѣе въ почитаніи всего того, что ему напоминаетъ Господа, что такъ или иначе связано съ Богомъ, тѣмъ онъ любезнѣе Самому Господу, тѣмъ онъ и совершеннѣе. Да и можетъ ли добрый христіанинъ ко всему, что напоминаетъ ему Господа, относиться безъ благоговѣнія и почтенія? Когда онъ увидитъ священное изображеніе на бумагѣ, онъ и его не допуститъ до поруганія, найдетъ ли онъ крестикъ на землѣ, онъ и его облобызаетъ и т. п., и только христіанинъ съ притупленнымъ религіознымъ чувствомъ ко всему этому отнесется безразлично. И выходитъ отъ этого часто, что кто любитъ Бога, у того и все, что напоминаетъ Его, въ благоговѣйномъ почитаніи, а кто духовно нерадивъ и маловѣрущъ, кто далекъ отъ Бога, у того и всякая святыня въ поруганіи. Словомъ, если мы любимъ Господа, нашего Спасителя, нашего Творца и Промыслителя, мы непремѣнно должны почитать и благоговѣть и предъ всѣмъ тѣмъ, что Его напоминаетъ, гдѣ Онъ Своею благодатію присутствуетъ, ибо это почитаніе будетъ только восполненіемъ и подтвержденіемъ нашей вѣры и любви къ Нему. На этомъ-то, братіе, основано наше почитаніе св. иконъ и всѣхъ священныхъ предметовъ.

†

Одинъ подвижникъ вѣры изнемогалъ въ борьбѣ съ плотскими страстьми и воображалъ, что Господь оставилъ его смраднаго и нечистаго, ибо, думалъ онъ, какое общеніе свѣта ко тьмѣ, можетъ ли Господь обитать въ дурномъ человѣкѣ. И, вотъ, когда брань прошла и онъ почувствовалъ приливъ благодати Божіей, онъ воскликнулъ Господу: гдѣ же Ты, Господи, былъ во время моей душевной и тѣлесной скорби? И былъ ему отвѣтъ: былъ съ тобою въ твоемъ же сердцѣ.

Какъ же Ты могъ быть тамъ, когда мое сердце было такъ смрадно, такъ скверно, такъ нечисто?—А Я, говорилъ Господь, смотрѣлъ, какъ ты борешься съ злыми прилогами и, когда видѣлъ твою скорбь, твои труды, изнеможеніе и подвиги, радовался за тебя и былъ близъ тебя. Какое утѣшеніе эта повѣсть можетъ внести въ сердце каждаго христіанина, борющагося со грѣхомъ! Никогда не думай, что Господь тебя оставилъ, что ты долженъ погибнуть въ борьбѣ со страстьми. Господь никогда не допуститъ искушаться болѣе, чѣмъ сколько человѣкъ можетъ понести; только борись, молись и крѣпись въ напастяхъ и скорбяхъ.

†

Въ твореніяхъ Иннокентія архіепископа херсонскаго въ одномъ мѣстѣ есть такая замѣчательная мысль. Покаянный псаломъ царя Давида такъ сильно написанъ, такое вложено въ него покаянное чувство, что и теперь, когда кто-либо его читаетъ, врагъ рода человѣческаго дрожитъ и трепещетъ, не вынося его силы.

†

Страсть, вкоренившійся грѣхъ, порокъ, приноситъ человѣку муку, страданіе отъ двухъ причинъ: во первыхъ, самъ по себѣ порокъ мучитъ, тѣснитъ, давитъ человѣка, а съ другой,—человѣкъ терзается, мучится отъ безсилія выпутаться, высвободиться отъ порока. Кто былъ подъ властію хотя одной какой-либо страсти, тотъ хорошо знаетъ, какъ человѣкъ страдаетъ отъ страстей! И, вотъ, когда ты видишь человѣка, погрязшаго въ ужасномъ какомъ порокѣ, смотри на него, какъ на страдальца, какъ на мученика и не осуждай его, ибо силъ у него уже не хватаетъ выбраться изъ тьмы грѣховной. Если когда можно винить человѣка, такъ это до той поры, пока у него происходитъ бореніе, когда онъ въ силѣ повернуть свое внутреннее состоя-

ніе въ дурную или хорошую сторону, когда еще не парализована у него сила воли, когда у него еще не разстроенъ организмъ. Отсюда самаго страшнаго пропойцу, совершенно потеряннаго человѣка, обласкай, пожалѣй, утѣшь и согрѣй, тогда какъ только начинающаго привыкать къ пороку, напр., мальчика къ табаку, юношу къ вину—слѣдуетъ поругать, и даже съ строгостію отнестись.

†

Святая наша Церковь учитъ, что существуетъ семь архангеловъ.—Почему семь, а не больше или меньше, это тайна творенія Божія. Знаемъ мы только, что седмиричное число составляетъ одинъ изъ самыхъ главныхъ законовъ происхожденія и бытія тварей въ мірѣ духовномъ и физическомъ. Семь даровъ Духа Святаго, семь таинствъ, семь тоновъ, семь лучей, семь дней творенія.

Первый архангелъ — Михаилъ ратоборствуетъ за славу Творца, за дѣло спасенія рода человѣческаго, за Церковь. Онъ искоренитель сектъ и расколовъ, онъ хранитель Церкви Христовой, онъ вступитъ въ борьбу съ антихристомъ въ послѣднія времена и сокрушитъ его.

Второй архангелъ—Гавріилъ „служитель чудесе“, является служителемъ всемогущества Божія и посылается во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда Господь проявляетъ Свою всемогущую силу, когда Господь творитъ чудеса.

Третье мѣсто принадлежитъ архангелу Рафаилу; имя это означаетъ помощь, искупленіе. О немъ говорится въ книгѣ Товита. Имя архангела Рафаила должно быть любезно всѣмъ страждущимъ и больнымъ, но, при этомъ, послѣдніе должны помнить, что Господь подаетъ исцѣленіе тѣмъ, кто самъ милосердъ. „Блаженни милостивіи, яко тіи помиловани будутъ“.

Четвертый архангелъ—Уріилъ, т. е. свѣтъ или огнь Божій. Какъ ангелъ свѣта, онъ просвѣщаетъ умы людей

откровеніемъ истинъ для нихъ полезныхъ, какъ ангелъ огня Божественнаго, онъ воспламеняетъ сердца любовію къ Богу и потребляетъ нечистыя привязанности. Это ангелъ всѣхъ учениковъ, ищущихъ истиннаго познанія.

Пятый архангелъ есть верховный служитель молитвы, называется Салафіиломъ. Необходимо, чтобы молитвы наши были угодны Господу и были бы возносимы къ престолу Вседержителя; эту миссію и исполняетъ архангелъ Салафіилъ.

Шестой архангелъ –Эгудіилъ –поощряетъ наградами благъ вѣчныхъ труждающихся. Жизнь и труды часто въ этой жизни тяжелы. Возможно малодушіе, ропотъ, изнеможеніе. Отъ всего этого и избавляетъ насъ архангелъ Эгудіилъ.

Седьмой архангелъ—Варахіилъ раздаетъ благословенія Божіи и, конечно, тѣмъ, кто достоинъ ихъ—людямъ живущимъ и трудящимся во славу Божію. (Взято изъ слова Иннокентія Херсонскаго).

†

При движеніи дурныхъ помысловъ и чувствъ отрезвляющимъ средствомъ бываютъ для разныхъ людей и въ разное время различные способы. Одному достаточно вспомнить смерть, страшный судъ и дурные помыслы прекращаются; другому стоитъ только привести на память потерю близкихъ людей, страданія и несчастія ихъ и дурное отходитъ; третій остановится мыслію на томъ, какъ весьма шатко положеніе человѣка на землѣ; каждую минуту его можетъ постигнуть бѣдствіе, несчастный случай—и этимъ онъ умиротворяетъ дурную страсть. Пятый вообразитъ себѣ вездѣприсутствіе Божіе, близость Бога къ человѣку, Его любовь и милосердіе и этимъ приводитъ въ порядокъ свой шатающійся по распутіямъ міра умъ и успокаиваетъ услаждающееся дурною сластію сердце. Но лучше всего знать цѣну высшему благу, знать, коль сладко жить

По крайней мѣрѣ, намъ извѣстно, что эту гордость возможно проявлять и въ дѣлахъ религіознаго свойства. Въ житіи одного преподобнаго разсказывается, что онъ устроилъ большой храмъ, чѣмъ создалъ монастырю большую славу, это привело монаховъ къ гордости. И что же? Преподобный велѣлъ построенный большой храмъ разрушить.

†

Есть преданіе о праведномъ Лазарѣ, будто онъ, по своемъ воскрешеніи, никогда уже не только не смѣялся, но и не улыбался и не могъ вкушать никакой снѣди, не приправивъ ее медомъ. Какъ поучительно сіе преданіе! Земная жизнь. поистинѣ,—горька, скорбна и плачевна и—понятно, что праведный Лазарь, разъ высвободился отъ нея, то уже послѣ постоянно и еще болѣе чувствовалъ горечь этой жизни земной и имѣлъ пламенное желаніе снова возвратиться ко Господу—Христу, по слову св. ап. Павла: „желаніе имый разрѣшитися и со Христомъ быти“ (Филип. I, 23).

†

Пришлось мнѣ прочитать, однажды, сообщеніе о томъ, какъ одинъ человѣкъ съ вечера легъ спать зрячимъ, а утромъ всталъ слѣпымъ. При этомъ была описана его тревога, его испугъ, его душевное потрясеніе. Сначала онъ подумалъ, что это случайная слѣпота и старался промывать глаза — не возвратится ли зрѣніе, окружилъ себя потомъ и докторскими средствами, но все было тщетно—зрѣніе не возвращалось. Передъ нимъ стала вѣчная тьма, вѣчная ночь. Прочиталъ я это и задумался. Какъ человѣкъ долженъ быть внимательнымъ къ себѣ, вѣдь каждую минуту его можетъ постичь тяжелый ударъ, который въ прахъ повергнетъ всѣ его земныя наслажденія, каждую минуту можетъ Господь смирить тебя—о, человѣкъ!

†

Многихъ смущаетъ несоотвѣтствіе въ мірѣ семъ внѣшняго положенія людей съ ихъ внутреннимъ нравственнымъ достоинствомъ и заслугами. И можно даже слышать такой вопросъ: неужели и тамъ, за гробомъ будетъ тоже несоотвѣтствіе? Такъ называемое духовное счастье, нравственное удовлетвореніе, переживаемое человѣкомъ внутри себя и недоступное, поэтому, никому другому, разрѣшаетъ этотъ вопросъ. Это нравственное удовлетвореніе не считается съ внѣшними благами и преимуществами, оно можетъ быть у всякаго человѣка, при всякомъ положеніи, званіи и мѣстѣ. Богатые и знатные часто нравственно страдаютъ и, наоборотъ, бѣдные и нищіе духовно радуются. А такъ какъ за гробомъ вся внѣшняя обстановка отпадаетъ, мірскія преимущества и слава исчезаютъ и остается человѣкъ съ однимъ только этимъ нравственнымъ удовлетвореніемъ, которое пріобрѣтается каждымъ человѣкомъ жизнію по завѣту Христа, по заповѣдямъ Божіимъ, то это-то нравственное удовлетвореніе и только оно—одно и будетъ за гробомъ давать человѣку то или другое положеніе, то или иное его тамъ состояніе.

†

Посѣщеніе пастыремъ пасомыхъ имѣетъ большое значеніе какъ для самого пастыря, такъ и для пасомыхъ. Внутреннія переживанія отъ этихъ посѣщеній у пастыря таковы: умягченіе сердца, воодушевленіе, ириливъ новыхъ силъ, духовное утѣшеніе. У пасомыхъ—подъемъ религіознаго чувства, любовь ко всему церковному, большая преданность пастырямъ Церкви.

†

Одинъ принявшій православіе изъ лютеранъ такъ описываетъ свое душевное настроеніе. Меня, говоритъ

дай обѣщаніе, что останешься непоколебимой въ православіи, а затѣмъ еще разъ усерднѣй помолись о своей матери святѣйшему патріарху Ермогену и всѣмъ кремлевскимъ святителямъ". Ушла эта женщина, но, вотъ, черезъ нѣсколько дней опять приходитъ и говоритъ: „Я сдѣлала, какъ вы сказали, но мать все продолжала собираться, осталось снять иконы. Она поставила табуретку и стала уже снимать, какъ оступилась и упала на землю, причемъ такъ ушиблась, что полчаса лежала безъ чувствъ, теперь она что-то замолчала о своемъ отъѣздѣ и стала со мной помягче. Помолитесь, чтобы Господь ее вразумилъ и она осталась бы въ Церкви". Боже мой, Боже мой, какъ ясно ты вразумляешь заблуждающихся, подумалъ я, узнавъ все это.

†

Любить—страдать. Всякая любовь уже носитъ въ себѣ элементъ страданія. И если любовь, которая находитъ откликъ въ сердцахъ другихъ, любовь взаимная,—утѣшаетъ, ободряетъ и радуетъ, то что сказать про любовь, которой отвѣчаютъ холодностію, нерасположеніемъ, а то даже злобою. Сколько такая любовь должна страдать и мучиться? сколько здѣсь должно быть проявлено энергіи, силъ, самоотверженія, чтобы продолжать любить не смотря ни на какую враждебность. А такова и была любовь Распятаго Господа, висящаго на Крестѣ, Котораго окружала злоба людская!!!...

†

Пастырь Церкви! если ты почитаемъ пасомыми, хорошенько вдумайся, кто тебѣ далъ эту честь почитанія—твой Пастыреначальникъ -Христосъ Спаситель. Ради Его и тебя почитаютъ. Не правда ли послѣ этого, что Христосъ твое богатство, твоя честь, твое радованіе, твоя слава и величіе! Служи же Ему, Господу Христу всегда въ преподобіи и правдѣ, дабы не услы-

шать гласъ Христа: „лукавый рабъ и лѣнивый“ (Матѳ. XXV, 26).

†

Вторая заповѣдь закона Моусеева запрещаетъ идолопоклонство. Но имѣетъ ли она отношеніе къ намъ христіанамъ? Вѣдь мы не идолопоклонники? Имѣетъ отношеніе, да и еще весьма большое. Господь Спаситель говорилъ, что Онъ не пришелъ разорить законъ, а восполнить. Если мы не идолопоклонники въ смыслѣ почитанія кумировъ, идоловъ и признанія за боговъ видимыхъ предметовъ міра, то мы большіе идолопоклонники въ смыслѣ преклоненія нашего предъ страстями. Все что мы, христіане, ставимъ себѣ на мѣсто Бога, почитаемъ больше Бога, то и есть нашъ идолъ. А таковыми являются всѣ наши страсти. Разсмотримъ хотя нѣкоторыя изъ страстей, какъ они могутъ быть нашими кумирами. Вотъ, напр., пьянство. Человѣкъ, преданный ему, за вино все готовъ продать и свою честь и свое доброе имя. Однажды, рано утромъ, въ лѣтнее время пришлось намъ проѣзжать по длинной и широкой улицѣ одного подмосковнаго села. На улицахъ еще не было обычнаго движенія и только у винныхъ лавокъ уже стояли люди разнаго возраста и пола и кое-гдѣ тянулись по улицѣ туда же съ ужасными испитыми лицами и въ ужасныхъ костюмахъ. Еще пройдетъ часъ, пока откроютъ винную лавку, но страсть влечетъ поскорѣе ихъ къ винному капищу; лучше тамъ, ближе къ кумиру постоять, чѣмъ дома скучать. А разбираетъ ли пьяница праздники и святые дни? Часто бываетъ какъ разъ наоборотъ. Пришла страстная седмица, великій пятокъ, добрые христіане въ молитвенныхъ слезахъ стоятъ по примѣру Божіей Матери и апостоловъ у Гроба Господня, у плащаницы въ храмѣ Божіемъ, затаивъ отъ умиленія дыханіе, а горькій пьяница и этого великаго дня не знаетъ; онъ лучше зальетъ себя виномъ, чѣмъ поклониться Распятому за насъ Господу. Это ли не измѣна Богу, это ли не по-

клоненіе идолу пьянства. И представляется намъ картина. Сидитъ за столомъ пьяница. На столѣ бутылка съ виномъ; на нее онъ смотритъ съ услажденіемъ и эта бутылка есть для пьяницы настоящій идолъ, — настоящій кумиръ, замѣнившій ему Господа. Или, вотъ, карточная игра. За границей есть цѣлый городъ, гдѣ спеціально занимаются картежной игрой. Тамъ все устроено роскошно. Цѣлые дворцы настроены, съ огромными залами, съ безчисленнымъ количествомъ разставленныхъ игорныхъ столовъ. И сидятъ тутъ люди день и ночь, забывъ Бога, забывъ свои семьи, своихъ дѣтей, свои обязанности и упиваются этой страстной картежной игрой. И представляется намъ опять, что всѣ эти дворцы— ничто иное, какъ кумирня, а карты —идолы, а люди —поклонники ихъ. Когда-то былъ такой несчастный случай. Одинъ служитель алтаря увлекся тою же картежной игрой: онъ все уже изъ дому перетаскалъ въ игральные дома. Денегъ нѣтъ, имущества нѣтъ, что остается дѣлать, а страсть не умолкаетъ, она требуетъ удовлетворенія, она ему дороже всего на свѣтѣ, дороже Бога, дороже родного отца и, вотъ, онъ бѣдный идетъ въ храмъ, беретъ тамъ священные сосуды, въ которыхъ самъ же совершалъ евхаристическую, спасательную жертву, и продаетъ ихъ съ тѣмъ, чтобы на вырученныя деньги снова хотя немного поиграть. Это ли не измѣна Богу, это ли не идолопоклонство картамъ, этому гибельному изобрѣтенію. Кстати сказать, для кого изобрѣтены богомерзкія карты?—Для одного французскаго короля среднихъ вѣковъ, полуидіота, полусумасшедшаго. Или, вотъ, табакокуреніе. Кто не знаетъ, что эта страсть часто служитъ препятствіемъ къ исполненію нашихъ обязанностей по отношенію къ Богу. Вотъ иной пришелъ ко всенощной или къ обѣднѣ и скучаетъ продолжительностью службы. А отчего? Оттого, что его томитъ позывъ къ куренію; а то и хуже бываетъ: иной не въ силахъ бороться — курить до обѣдни. Иной готовится приступить къ Св. Тайнамъ Христовымъ,

можетъ быть, разъ въ годъ, и какъ нелегко ему провести одно утро этого дня безъ табакокуренія. Однажды я смотрѣлъ въ окно; предо мною открывался дворъ Успенскаго Собора въ Кремлѣ, была первая недѣля поста. Въ соборѣ читали мееимоны. Уже стемнѣло, служба окончилась, повалилъ изъ собора густою толпою народъ и что же я замѣтилъ? Тутъ же по выходѣ изъ собора, чуть не на порогѣ его заблистали во множествѣ спички въ толпѣ. это табакуры поспѣшили закурить, ужъ очень они истомились и заскучали по своей страсти, стоя въ святомъ храмѣ. И почудилось намъ, что эта страсть дороже имъ храма, дороже молитвы и всякой святыни. И какъ эта страсть полонитъ человѣка, всего его захватываетъ, парализуетъ всѣ добрыя чувства любви къ Богу и ближнимъ -это, напр., хорошо видно хотя бы изъ слѣдующаго. Куритъ мать младенца. Вѣдь она хорошо знаетъ, что это младенцу вредно, что черезъ куреніе онъ можетъ быть худосочнымъ, что онъ можетъ умереть, какъ дѣйствительно часто и бываетъ. И что же мать? Она, правда, убивается по умершемъ младенцѣ, подымаетъ даже ропотъ на Бога, что Онъ взялъ у нея дитя, что Онъ не внялъ ея молитвамъ, и въ то же время продолжаетъ курить и курить. Это ли не идолопоклонство, это ли не служеніе неудержимой страсти къ табаку. И представляется намъ опять, что каждый трубокуръ носитъ въ своемъ карманѣ идола — портсигаръ съ табакомъ, которому такъ усердно служитъ.

Далѣе, противно 2-й заповѣди суевѣріе. Суевѣріе богомерзко, потому что оно свидѣтельствуетъ о нашемъ забвеніи Бога, о томъ, что мы вѣру въ Бога мѣняемъ на вѣру въ что-то пустое, часто безсмысленное. Видовъ суевѣрія безчисленное множество. Сюда относится: вѣра въ слѣпую судьбу, рокъ, ворожба по Библіи, пластыри, гдѣ развернется, употребленіе суевѣрныхъ молитвъ и заклинаній; вѣра въ талисманы, въ такъ называемый „сонъ Пресвятыя Богородицы", разнаго рода привѣски на дѣтей и животныхъ для предохраненія отъ болѣзни лихого глаза, „письмо, най-

денное въ Іерусалимѣ". Послѣднее часто ходитъ по рукамъ. Въ немъ говорится о томъ, что нѣкто слышалъ въ Іерусалимѣ голосъ съ неба, который повелѣвалъ читать ему одну молитву и затѣмъ передавать ее девяти другимъ лицамъ. За исполненіе сего обѣщается награда, а за нарушеніе—наказаніе, какъ это и было, говорится въ письмѣ, въ Харьковѣ, гдѣ одинъ человѣкъ за пренебреженіе къ письму былъ наказанъ смертію сына. Я и самъ не разъ получалъ подобнаго рода письма. Какъ на суевѣрную примѣту и на это письмо не слѣдуетъ обращать вниманія, а всякій, получившій его пусть лучше перекрестится съ молитвенными словами: да сохранитъ Господь меня грѣшнаго отъ всякой напасти силою Своею крестною, а самое письмо слѣдуетъ разорвать. Къ суевѣріямъ, далѣе, относится вѣра въ домовыхъ, водяныхъ, лѣсныхъ, вѣдьмъ, русалокъ, безразсудная вѣра во всякіе сны, вѣра въ предчувствіе. Есть люди, которые только и говорятъ о томъ, что они предчувствуютъ то одно, то другое и при этомъ часто завѣряютъ, что ихъ предчувствіе должно непремѣнно исполниться. И это признакъ малодушія и недостаточной вѣры и надежды на Господа. Далѣе слѣдуетъ вѣрованіе встрѣчамъ и другимъ примѣтамъ; такъ, встрѣча со священникомъ не счастлива; понедѣльникъ для начинанія дѣлъ—тяжелъ; третья горящая на столѣ свѣча опасна; 13 человѣкъ за столомъ тоже; вообще 13 число надо избѣгать; нечаянно погашенная свѣча предвѣщаетъ гостя, новый домъ не обходится безъ умершаго и т. п. и т. п. И что удивительно, такъ это то, что суевѣріямъ легко подаются люди раньше не вѣровавшіе въ Бога, или же даже прямо невѣрующіе. Намъ передавали о жителяхъ Парижа, гдѣ кажется, никакой нѣтъ вѣры въ Бога, что суевѣрій тамъ найдете сколько хотите. Напр., особенно парижане боятся 13-е число и, вотъ, всюду его опускаютъ; если есть домъ съ многими квартирами, то вы навѣрное не найдете квартиры подъ № 13 и т. п. И намъ кажется, что суевѣріемъ какъ бы наказуются

люди за свое невѣріе въ истиннаго Бога. Вѣра дается не легко; она пріобрѣтается духовнымъ опытомъ, духовнымъ бодрствованіемъ, работой внутренней и дисциплиной ума. Нужно въ свое время духовно потрудитсься, чтобы закрѣпиться въ вѣрѣ въ Бога и, вотъ, человѣкъ въ свое время не заботится о томъ, чтобы пріобрѣсти вѣру, а поддается безъ удержу разстроенному воображенію, неправильному, несовершенному мышленію, поддается влеченію грѣховной воли своего сердца, влекущей къ похотямъ и страстямъ, проводитъ извѣстный періодъ жизни, обыкновенно расцвѣтъ физической зрѣлости, въ невѣріи. Но періодъ этотъ проходитъ, силы упадаютъ, вѣра не пріобрѣтена, а инстинктъ зависимости отъ высшей силы, болѣе могущественной никогда не пропадаетъ,— вотъ тогда то человѣкъ и впадаетъ въ страшное суевѣріе. Мы знаемъ не мало людей, которые въ свое время были невѣрующими, но потомъ подъ старость сдѣлались крайне суевѣрными. Какъ подмѣна истинной вѣры въ Бога, всякое суевѣріе противно 2-й заповѣди, требующей почитанія Единаго истиннаго Бога. И не только наши тѣлесныя страсти, запрещаетъ 2-я заповѣдь Movсея, но и духовныя какъ-то: гордость, честолюбіе, гнѣвъ и т. д.; ибо и онѣ для человѣка являются кумирами. Возмемъ напр., хотя бы самый ужасный грѣхъ—гордость. Гордый человѣкъ вѣдь самъ для себя является богомъ, какъ и было внушаемо прародителямъ въ раю; „будете якоже бози". Гордый человѣкъ ни Бога, ни людей не признаетъ. Для него существуетъ только собственное „я" и никто больше. Всѣ виды гордости хорошо каждому изъ насъ извѣстны. Мнѣ хочется сейчасъ указать только на то, что часто бываетъ гордость тайная, сокрытая, не примѣчаемая часто и тѣми, которые носятъ ее во глубинѣ своего сердца. „Чтобы познать, ощутить ее, замѣчай, какъ ты себя будешь чувствовать, когда окружающіе тебя сдѣлаютъ что-либо не по твоему, вопреки твоей воли. Если въ тебѣ рождается прежде не мысль

кротко исправить ошибку, другими допущенную, а неудовольствіе и гнѣвливость, то знай, что ты гордъ и гордъ глубоко. Если и малѣйшіе неуспѣхи въ твоихъ дѣлахъ тебя опечаливаютъ и наводятъ скуку и тягость, такъ что и мысль о Промыслѣ Божіемъ, участвующемъ въ дѣлахъ нашихъ, тебя не веселитъ, то знай, что ты гордъ и гордъ глубоко. Если ты горячъ къ собственнымъ нуждамъ и холоденъ къ нуждамъ другихъ, то знай, что ты гордъ и гордъ глубоко. Если при видѣ неблагополучія другихъ, хотя бы то враговъ твоихъ, тебѣ весело, а при видѣ неожиданнаго счастья ближнихъ твоихъ грустно, то знай, что ты гордъ и гордъ глубоко. Если для тебя оскорбительны и скромныя замѣчанія о твоихъ недостаткахъ, а похвалы о небывалыхъ въ тебѣ достоинствахъ для тебя пріятны, восхитительны, то знай, что ты гордъ и гордъ глубоко" (Изъ слова Іакова архіепископа Нижегородскаго).

†

Возлюбленные братіе! Если мы присмотримся къ своему сердцу, то увидимъ тамъ зародыши, кажется, всѣхъ грѣховъ, всѣхъ несовершенствъ. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ ли наше отношеніе къ Богу? Всѣ ли мы вѣрны; не одолѣваемся ли маловѣріемъ, сомнѣніемъ, холодностію, духовнымъ нечувствіемъ, недостойнымъ провожденіемъ праздничныхъ дней, невниманіемъ къ молитвѣ, суевѣріемъ, роптаніемъ на Бога, ложнымъ стыдомъ въ дѣлѣ вѣры, неблагоговѣніемъ ко святыни, не имѣніемъ страха Божія? Возьмемъ ли наше отношеніе къ ближнимъ. Кто скажетъ, что онъ безупреченъ въ своихъ отношеніяхъ къ братіямъ. Кто изъ насъ не грѣшенъ въ непочитаніи старшихъ, родителей, неблагодарностію къ друзьямъ и благодѣтелямъ, грубостію и невѣжествомъ въ обхожденіи, хитростью, лукавствомъ, обманомъ, утаеніемъ чужого, скупостью, сварливостью, клеветою, оговариваніемъ, осужденіемъ, ненавистью, злословіемъ, немилосердіемъ, завистію, насмѣшками,

гнѣвомъ, ругательствомъ, притѣсненіемъ, презрѣніемъ и всякимъ недоброжелательствомъ противъ ближняго. Возьмемъ ли мы отношеніе къ самимъ себѣ, къ своему душевному спасенію. О, тутъ мы увидимъ цѣлое море, цѣлую бездну грѣховъ,—всякіе плотскіе грѣхи, о нихъ же срамно есть и глаголати: гордость, тщеславіе, самолюбіе, самочиніе, хвастовство, сластолюбіе, невоздержаніе въ пищѣ и питіи, многоспаніе, разслабленіе, лѣность, роскошь, привязанность къ удобствамъ жизни, къ жилищу, одеждѣ, пищѣ, теплу, малодушіе, суету, недовольство своей участью, нетерпѣніе, пристрастіе и множество другихъ несовершенствъ. У каждаго все это есть, никто не можетъ сказать, что онъ чистъ отъ скверны. Но что хуже всего – такъ это то, что эти грѣхи черезъ повтореніе обращаются въ пороки, въ страсти, т. е. въ такое состояніе, когда грѣхъ всецѣло овладѣваетъ нами и господствуетъ. Вотъ и получается, что однимъ владѣетъ страсть винопитія, другимъ—табакокуренія, третьимъ—плотского сладострастія, четвертымъ—скупости, воровства, гордости и т. д. и т. д. И каждый изъ насъ находится въ опасности впасть въ ту или другую страсть; стоитъ только потерять нравственное равновѣсіе, стоитъ только разъ-два повторить грѣхъ, какъ онъ уже будетъ напирать на насъ и нами владѣть. Вотъ, возлюбленные, каково состояніе нашего сердца. Состояніе это въ нравственномъ отношеніи весьма шаткое. Если остаться намъ самимъ съ собою, если жить только по влеченію сердца, то скоро мы заберемся въ такую грѣховную пропасть, въ такую грѣховную тину, откуда нескоро вылѣземъ. И когда мы видимъ нашихъ братій въ такомъ состояніи, скорбію должно обливаться наше сердце и мы тогда должны такъ разсуждать: вѣдь и я могу быть въ такомъ же состояніи, видно, обстоятельства у брата были такія, что завели его въ такую грѣховность. И вотъ, чтобы не овладѣлъ нами грѣхъ, нужно, не покладая рукъ, съ нимъ бороться, противъ грѣха вооружаться, отъ него отбиваться. Какія же это средства борьбы со грѣхомъ?—

Господь не лишилъ человѣка высокихъ духовныхъ силъ ума, разума, воли, при посредствѣ которыхъ человѣкъ и можетъ вести борьбу со грѣхомъ. И прежде всего всякій христіанинъ, какъ говоритъ Спаситель, долженъ отвергнуться себя. Что это значитъ?—Это все равно, что отказаться отъ своей воли и передать ее другому, лучшему насъ. Если мы останемся сами со своею волею, то она, какъ дурная, заведетъ насъ въ грѣхъ. Какъ сосудъ, если онъ закрытъ, въ немъ можетъ быть собрано дурное, нечистое, если же мы его откроемъ, тѣмъ самымъ сосудъ провѣтримъ; такъ и наша воля, если мы остаемся замкнутыми, въ насъ можетъ таиться всякая нечистота, всякая скверна; когда же мы откроемъ свое сердце и подчинимъ свою волю лучшему насъ, этимъ самымъ предохранимъ себя отъ накопленія въ нашемъ сердцѣ всего дурного. Отсюда вытекаетъ откровеніе старцу, отсюда монашеское требованіе все дѣлать по благословенію духовника и ничего по своей волѣ дурной и грѣховной; отсюда вытекаетъ стремленіе къ частой исповѣди. Итакъ, вотъ что значитъ отвергнуться себѣ,—не имѣть своей воли, грѣховной, самолюбивой, дурной, а подчинить ее другой волѣ лучшей, подчинить ее волѣ Божіей, волѣ святой. Далѣе, въ дѣлѣ борьбы со грѣхомъ имѣетъ большое значеніе вниманіе къ своему сердцу въ связи съ укореніемъ. Въ отечникѣ разсказывается такой случай. Одинъ инокъ подошелъ къ келліи старца и слышитъ, что тотъ кого то бранитъ, называетъ свиньею и т. п. Инокъ думалъ, что кто-нибудь посторонній сидитъ въ келліи старца и когда узналъ, что никого нѣтъ, догадался, что сей старецъ бранитъ самого себя. Такъ и мы по примѣру сего богомудраго старца должны слѣдить за собой и бранить себя за свои грѣхи, срамить, гнѣваться на себя; тогда мы перестанемъ осуждать другихъ, а вмѣстѣ и бояться грѣха... Далѣе, большое значеніе для подавленія нашихъ грѣховныхъ склонностей имѣетъ аккуратность, регулярность жизни. Пріучи себя къ умѣренности во всемъ; во время ѣшь, и не объѣдайся;

во время ложись спать и не спи сверхъ мѣры; не лѣнись работать, а вмѣстѣ и не подрывай своихъ силъ и такой умѣренный образъ жизни предохранитъ тебя отъ многихъ пороковъ. Укажемъ еще на общеніе съ добрыми людьми. Одинъ въ полѣ не воинъ, говоритъ пословица, такъ и въ христіанскомъ провожденіи жизни. Хорошо имѣть духовныхъ друзей, съ которыми можно было бы поговорить по душѣ, вмѣстѣ помолиться, горемъ подѣлиться. Духовное общеніе сердецъ облегчитъ нашу трудность въ борьбѣ со грѣхомъ, а также со скорбями и невзгодами житейскими. Но всего сказаннаго, однако, недостаточно. У насъ есть страшный врагъ душевнаго спасенія діаволъ, который не даетъ ни на минуту покою, дѣлаетъ намъ козни хитрыя и ужасныя, выдвигаетъ тонкія искушенія, боретъ насъ во всякомъ мѣстѣ и во всякомъ званіи. Противъ него людямъ своими человѣческими средствами не противостать. Но у насъ есть мать - св. Церковь и ея благодатныя средства. Св. Церковь, зная наше безотрадное и трудное положеніе въ борьбѣ со врагомъ, старается вездѣ и всегда оградить насъ святыней. Въ самомъ дѣлѣ, присмотримся, что въ этомъ отношеніи дѣлаетъ для насъ Св. Церковь. Она каждый шагъ нашей жизни освящаетъ: родились мы—креститъ насъ, вступаемъ въ бракъ—благословляетъ, умираемъ — напутствуетъ насъ Св. Тайнами, а умремъ — съ молитвословіями провождаетъ до могилы. Она, Св. Церковь, наши дома, пищу, одежду, поля, воздухъ, естество водное освящаетъ, а насъ, наши тѣла иконками, крестиками, крестнымъ знаменіемъ ограждаетъ. И трудно себѣ представить, что было бы съ нами, съ нашимъ внутреннимъ существомъ, если бы Св. Церковь насъ святынею не ограждала; кажется, злой змій, врагъ рода человѣческаго, и всякій грѣхъ съ ногъ до головы насъ бы опуталъ и полонилъ. И если еще существуетъ христіанская жизнь, существуютъ добрые христіане, то только благодаря этой ограждающей насъ святыни. Больше того, Св. Церковь и внутреннее наше существо старается освятить, такъ Она

предлагаетъ намъ пить св. воду, св. масло и что выше всего и больше всего, питаетъ насъ Св. Тайнами, Тѣломъ и Кровію Господа Христа.

†

Много теперь пишутъ о книгѣ старца Иларіона: „на горахъ Кавказа", гдѣ говорится о важнѣйшей вещи въ духовномъ дѣланіи,—молитвѣ Іисусовой. Молитва Іисусова всегда высоко ставилась св. отцами подвижниками. Смыслъ ея хорошо уже разъясненъ. Во время боренія ограждай себя молитвою Іисусовой, т. е. внимательно читай ее, молись Господу Іисусу, призывай Его себѣ на помощь, углубляйся въ молитву и этимъ ты помощью Господа Іисуса будешь предохранять себя отъ дурныхъ, сквернныхъ, нечистыхъ, хульныхъ, грѣховныхъ помысловъ и чувствъ. Не вдавайся, приэтомъ, ни въ какія мечтанія относительно Господа Іисуса, т. е. не старайся подъ внѣшними формами зрѣть Господа, не создавай себѣ искусственно образы и виды, а также берегись искусственнаго разгоряченія крови своей—все это не полезно, все это ведетъ къ прелести и самообольщенію. Внутренно, сердцемъ, съ вѣрою, любовію и надеждой,—во всѣхъ случаяхъ, будешь ли ты молиться молитвою Іисусовой или другою какою,—чувствуй Господа. Всякое лишнее мечтаніе отгоняй и не доискивайся до глубины непостижимаго и неизмѣримаго никакимъ разумомъ человѣческимъ существа Божія. Молись молитвой Іисусовой и въ то время, когда ты спокоенъ отъ брани, ибо постоянное упражненіе въ сей молитвѣ созидаетъ тебя духовно, т. е. ты пріобрѣтаешь ею духовную настроенность. Вотъ что богомудрые отцы—аскеты намъ преподали относительно молитвы Іисусовой. Къ сожалѣнію, пошли у насъ большія препирательства относительно самого имени Іисусова. Какъ понимать Божественное имя „Іисусъ", какъ будто бы до этого времени никто его не понималъ и о немъ не думалъ. Послѣдуя ученію Православной Церкви, изложенному

седьмымъ вселенскимъ соборомъ всѣ имена Божіи суть великая святыня, суть словесные образы Божіи, подобно тому, какъ существуютъ живописные образы, святыя иконы и честной крестъ. Что же сказать относительно возникшихъ о имени Іисусовомъ споровъ? Тяжелы они и прискорбны. Кажется, всѣ должны согласиться съ слѣдующими положеніями: Всевысочайшее Существо—Господь Богъ слабымъ человѣческимъ умомъ непостижимъ и необъятенъ и словомъ человѣческимъ неописуемъ. Будемъ ли мы касаться Существа Божія, будемъ ли говорить о дѣйствіяхъ Господа въ мірѣ. Нельзя постичь, изобразить и вмѣстить Господа и въ имени Его. И кто силится дѣлать это, тотъ впадаетъ въ духовную гордость. Кто измѣритъ разумъ Божій и кто постигнетъ глубину Премудрости Его, восклицаетъ пророкъ Давидъ. Къ тому же еще хорошо извѣстно, что духовное не всѣ могутъ постигать, не говоримъ уже описывать. Духовное духовнымъ востязуется. А если такъ, то зачѣмъ силиться говорить о духовныхъ предметахъ тѣмъ, кто быть можетъ слабъ духовнымъ опытомъ. Припоминается изъ жизни св. отцовъ Церкви золотого 4-го вѣка слѣдующее. Когда въ ихъ время возникли большія сужденія о Тайнѣ Св. Троицы, спорили о семъ предметѣ всѣ и вездѣ на рынкахъ и на перекресткахъ, св. отцы выступили со словами обличенія, въ которыхъ убѣждали православныхъ не спорить о такомъ высокомъ предметѣ, а съ благоговѣніемъ, вѣрою и страхомъ содержать ученіе о Св. Троицѣ такъ, какъ преподала это ученіе Св. Церковь. Въ Ветхомъ Завѣтѣ изъ-за благоговѣнія запрещалось громко и безъ необходимости произносить страшное имя Іеговы. А мы Божественное имя Іисуса къ сожалѣнію сдѣлали предметомъ спора и даже поруганія. Вотъ и намъ вмѣсто того, чтобы спорить и препираться, выходить изъ себя и раздражаться, нужно было бы спокойно и съ благоговѣніемъ содержать тайну имени Іисусова, тѣмъ болѣе, что въ молитвѣ Іисусовой вся суть, все дѣло не въ умозрѣніи, а въ

практическомъ ея значеніи именно въ пріобрѣтеніи черезъ эту молитву духовнаго устроенія нашего сердца, нашей души. Всѣ св. отцы учили и постановили творить молитву Іисусову, имѣя въ виду отъ нея пользу нравственную,—они поясняютъ, какъ молитвою Іисусовой отгоняются помыслы, какъ подавляются дурныя чувства, какъ искореняются страсти, какъ водворяется въ сердцѣ миръ и радость, но мало кто изъ отцевъ задавался мыслію доказывать умозрительно смыслъ имени Іисусова, и если они объ этомъ говорили, то вскользь, выражаясь каждый разъ такъ, какъ умѣли, а не такъ, чтобы своимъ выраженіемъ точно и для всѣхъ понятно изъяснить имя „Іисусъ". Они хорошо знали, что тайна имени Іисусова не словами доказывается и не умомъ понимается, а сердцемъ чувствуется и притомъ только тѣми людьми, кого Господь сподобитъ имѣть духовный опытъ.

†

Что такое лицепріятіе?—Это когда человѣкъ судитъ о дѣлѣ и вообще дѣйствуетъ не во имя правды, истины и справедливости, а ради самаго пріятнаго для него лица, а пріятное лицо это можетъ быть по всякимъ причинамъ. Пріятно оно, потому что—высокопоставленное, слѣдовательно, выгодно для моихъ дѣлъ. Пріятно потому, что красиво, возбуждаетъ во мнѣ плотскую страсть, пріятно, такъ какъ одного со мной званія одной націи и мѣстожительства.

†

Зависть духовная—это, когда человѣкъ завидуетъ успѣхамъ другихъ въ дѣлахъ нравственнаго преуспѣянія Зависть духовная проявляется въ недовѣріи, въ критикѣ тѣхъ лицъ, кому мы завидуемъ. Эта зависть свидѣтельствуетъ, что у насъ или слишкомъ низокъ нравственный ростъ, или мы имѣемъ много внѣшняго благочестія, много духовной гордости, самомнѣнія. Глубоко

сознаніе своей грѣховности, своего убожества парализуетъ всякую духовную зависть.

†

27 ноября 1912 года я имѣлъ счастіе участвовать въ освященіи храма въ честь преподобнаго Серафима Саровскаго, устроеннаго въ нижней части большого Ѳеодоровскаго храма собственнаго Его Величества своднаго полка и поднести Его Величеству и всей Его Августѣйшей Семьѣ икону святителя Алексія древняго письма XVI в. съ частицей его честныхъ мощей. Какое мнѣ выпало счастье! Въ молельнѣ храма, гдѣ подносилъ икону, я нѣсколько минутъ пробылъ одинъ съ Царской Семьей въ молитвенномъ обращеніи къ святителю. И казалось мнѣ, что самъ святитель Алексій пожелалъ явиться сюда къ Державному Царю со своимъ небеснымъ благословеніемъ и утѣшеніемъ. Служа въ обители святителя Алексія и часто молясь у раки его честныхъ мощей, я всею душею возчувствовалъ, что какъ сей святитель можетъ любить и какой великій даръ утѣшенія данъ ему Господомъ Богомъ. Только и ты люби его и всего себя предавай ему. О, дай же, Милосердый Господи, молитвами святителя Алексія, митрополита Московскаго и всея Россіи чудотворца Всей Царской Семьѣ и наипаче Царственному отроку Алексію, сему носителю имени великаго святителя, небесное благословеніе, благодатное утѣшеніе и доброе здравіе на многая лѣта!

†

Что такое лицемѣріе? -это когда человѣкъ сознательно, обдуманно, съ извѣстною цѣлью показываетъ себя не такимъ, какой онъ есть на самомъ дѣлѣ. Напр., пьющій вино показываетъ себя непьющимъ, курящій табакъ людямъ является некурящимъ; или въ сердцѣ нѣтъ молитвы, а ты становишься на колѣни и являешь

себя людямъ молящимся, осуждаешь властей, старшихъ, недоволенъ ими, а показываешь себя предъ ними преданнымъ и исправнымъ. Но вопросъ? Развѣ всегда нужно себя являть такимъ, какимъ ты по сердцу- -вѣдь тамъ множество нечистоты и всякаго зла, -обнаруживать все это значитъ соблазнять другихъ, наносить нравственный вредъ ближнему. Всякій человѣкъ можетъ быть испорченнымъ до извѣстной степени, но онъ должен сознавать свою испорченность, жалѣть о ней, стремиться къ исправленію, искать правды и добра и, вотъ, такой человѣкъ, если и скроетъ свое дурное отъ другихъ, то лишь потому, чтобы не нанести вреда ближнему. И это не лицемѣріе. Внутренняя борьба парализуетъ лицемѣріе. А то можетъ дѣло обстоять иначе. Я не сознаю своей порочности, она мнѣ льститъ, я услаждаюсь грѣхомъ, я убѣжденъ въ извѣстной мысли, я опредѣленныхъ взглядовъ и чувствъ, а во внѣ стараюсь показаться инымъ, ради своей выгоды, конечно, выгоды корыстной, низкой, матеріальной. Тутъ уже лицемѣріе. Напр., въ извѣстномъ кругу, на извѣстныхъ должностяхъ должны быть люди, только съ извѣстнымъ направленіемъ, но, вотъ, можетъ искать, добиваться тамъ мѣста человѣкъ только ради матеріальной выгоды; такой значитъ будетъ лицемѣрить. И лицемѣріе—весьма опасное явленіе. Лицемѣры по душѣ иные, чѣмъ въ дѣйствительности, и то, что у нихъ на душѣ, что составляетъ для нихъ смыслъ жизни, они при всякомъ удобномъ случаѣ исподволь, постепенно, хитро, коварно будутъ проводить въ жизнь. А восторжествуетъ ихъ убѣжденіе, о, тогда они открыто станутъ проводить свои взгляды. Какъ поэтому опасны лицемѣры на высшихъ государственныхъ постахъ, отъ которыхъ зависитъ жизнь страны, народа. Какъ противоположность лицемѣрію—это искренность.

†

Есть люди настолько твердые духомъ, что смѣло ведутъ борьбу со зломъ. Обыкновенно стараешься

дѣйствовать такъ, чтобы никого не обидѣть, никто тебя не проклиналъ, никто тебя не обижалъ. Но такимъ способомъ дѣйствій можно только давать силу злу, злобѣ, можно только потворствовать злу. Зло, какъ зло, требуетъ часто твердой, упорной, безбоязненной борьбы. И тѣ люди, которые смѣло, безбоязненно борются съ нимъ, весьма рѣдки -это геніи своего рода. Какъ это, однако, нужно знать правителямъ, начальникамъ и руководителямъ людей.

†

Служащій съ вѣрою, проникновенно Божественную Литургію пастырь есть какъ бы живой источникъ. Приходилось ли вамъ когда-нибудь встрѣчать свѣжій, сильный ключъ воды? Онъ непрестанно бьетъ и, сколько не почерпай, онъ все продолжаетъ источать воду и узнаютъ объ этомъ источникѣ далеко, далеко и приходятъ отовсюду почерпать изъ него воду. Такимъ живительнымъ ключемъ является и священникъ, проникновенно совершающій Божественную Литургію, и приходятъ къ нему издалеча почерпать воду живу,—благодать Духа Святаго.

†

ХРИСТОСЪ—МИРЪ НАШЪ.

Пріидите земнороднїи со Ангелы и мы составимъ ликъ: слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ! (Праздн. стихиры Р. Хр.).

Возлюбленныя братія и сестры!

Была ночь. Древній языческій міръ, погрязшій въ грѣхахъ, порокахъ и преступленіяхъ спалъ. Онъ спалъ и казалось, что лучше было бы ему заснуть и никогда уже не пробуждаться, ибо земля стонала отъ злодѣяній и непотребствъ людскихъ. Въ самомъ дѣлѣ, что только

не творилъ древній, жившій до Христа человѣкъ?! Тогда царствовала грубая физическая сила, тогда ничуть не уважалась человѣческая жизнь, тогда родители убивали дѣтей, а дѣти родителей, тогда людьми заключенными въ темницѣ кормили цирковыхъ животныхъ, на борьбу съ этими послѣдними выводили узниковъ, при этомъ публика восторгалась, когда звѣрь одолѣвалъ изнемогшаго борца и растерзывалъ его на куски. Тогда изъ труповъ казненныхъ дѣлали факелы для освѣщенія царскихъ садовъ (Неронъ). Тогда развратъ, чревоугодіе и другіе пороки доходили до крайнихъ предѣловъ. Стоитъ только вспомнить обѣды римскихъ богачей, чтобы представить себѣ всю бездну нравственнаго паденія общества того времени. Эти обѣды состояли изъ безчисленнаго множества самыхъ изысканныхъ блюдъ, въ родѣ блюда изъ соловьиныхъ язычковъ, причемъ во время обѣда пирующіе гости принимали рвотное, дабы высвободить свои желудки отъ пищи и затѣмъ снова ѣсть... Тогда люди какъ бы соперничали и состязались въ порокахъ и преступленіяхъ. Казалось послѣ этого, что древній міръ нравственно совершенно погибъ, потерялъ всякую надежду на спасеніе и его ожидало вѣчное наказаніе отъ правосуднаго Господа. Но безконечно милосердіе Божіе! Это милосердіе Божіе въ предвѣчномъ совѣтѣ Своемъ положило спасти погибшее созданіе человѣка черезъ Единороднаго Сына Божія, Господа нашего Іисуса Христа.

Была ночь, безпримѣрная, великая въ исторіи человѣчества ночь. Міръ грѣховный спалъ, утомившись отъ совершенныхъ днемъ преступленій. И вотъ въ это время въ пещерѣ, близъ города Виѳлеема совершалось великое таинство спасенія человѣчества, тамъ рождался Христосъ, примиритель Бога и человѣковъ.

Родился Онъ и съ этого же момента началось водвореніе мира на землѣ. Уже миръ царитъ въ Виѳлеемской пещерѣ. Здѣсь смиренная, кроткая Божія Матерь мирно повиваетъ Своего божественнаго Младенца и полагаетъ Его въ ясли. Здѣсь старецъ Іосифъ благо-

говѣйно взираетъ на совершающееся таинство и радостно поклоняется родившемуся Господу. А вотъ пастухи въ полѣ. Прежде, въ темныя ночи имъ не разъ, быть можетъ, становилось среди однообразной пустыни скучно, жутко, ибо они не имѣли въ сердцѣ своемъ отрады, не имѣли предъ собою никакого смысла жизни. Со дня на день предъ ними была голая степь, а въ сердцѣ вѣчный холодъ и не видно было для нихъ впереди огонька, куда бы они могли устремиться и обогрѣть свою душу. Но вотъ въ ночь рожденія Спасителя, на небѣ явилось множество ангеловъ, воспѣвающихъ хвалебную пѣснь родившемуся Господу: „слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе“. Это ангельское пѣніе огласило дикую пустыню, оживило ее и отразилось радостнымъ отзвукомъ въ сердцахъ простыхъ пастуховъ. Они почувствовали, что какая-то живительная струя проникла въ ихъ изстрадавшуюся, пустую душу и они спѣшатъ поклониться виновнику ихъ душевной радости, поклониться рожденному въ пещерѣ Господу.

А вотъ волхвы отъ востока, издалека, направляются къ той же пещерѣ Виѳлеемской, нося въ душѣ своей миръ и отраду. Они посвятили всю свою жизнь на изученіе природы и человѣка и пришли къ убѣжденію, что въ мірѣ существуетъ разладъ, который можетъ быть уничтоженъ только божественною силою. Волхвы сознавали, что міръ гибнетъ отъ грѣха, ожидали небесной, божественной помощи и изстрадались ожидая. Кто знакомъ съ чувствомъ ожиданія, тотъ хорошо знаетъ, что въ этомъ чувствѣ есть элементъ страданія. И чѣмъ ожиданіе продолжительнѣе, тѣмъ болѣе страданія и самой радости при достиженіи цѣли. Волхвы ожидали Мессію, Примирителя неба и земли, много перестрадали, наконецъ, по звѣздѣ они узнаютъ, что Мессія родился, томительное чувство ожиданія смѣняется у нихъ радостію и они спѣшатъ въ Виѳлеемскую пещеру поклониться рождшемуся Христу.

Родился Христосъ и миръ разлился по всей землѣ. Теперь сдѣлалось возможнымъ примиреніе человѣка съ самимъ собою, Богомъ и людьми. Съ самимъ собою... Прежде, до Христа, человѣкъ въ душѣ своей всегда чувствовалъ разладъ, его сердце исполнено было страстей и беззаконія и онъ не имѣлъ средствъ уничтожить ихъ. Чувствовалъ человѣкъ, что грѣхъ чуждъ его природѣ, что онъ приноситъ ему страданіе, что онъ терзаетъ его совѣсть и нигдѣ не могъ найти себѣ успокоенія. Онъ бросался въ разныя стороны ища счастія -то онъ погружался въ массу чувственныхъ удовольствій и пороковъ, то проповѣдывалъ полное равнодушіе къ жизни, то предавался самоумерщвленію посредствомъ грубыхъ холодныхъ внѣшнихъ формъ аскетизма. Состояніе человѣка безъ Христа хорошо изображено самими язычниками въ сказаніи о Прометеѣ. Нѣкто Прометей похитилъ небесный огонь и за это былъ наказанъ тѣмъ, что былъ прикованъ цѣпями за руки къ одной скалѣ, при этомъ воронъ постоянно клевалъ его сердце. Прометей—это падшій человѣкъ, нарушившій райскую заповѣдь о невкушеніи плода отъ древа познанія добра и зла и за это получившій въ наслѣдіе вѣчное терзаніе совѣсти, вѣчную душевную муку. Но вотъ Христосъ пришелъ и принесъ миръ. Теперь человѣку подается божественная благодать, при помощи которой онъ можетъ одерживать побѣду надъ своими страстями, примиряться со своею совѣстью. Правда, трудна эта борьба съ грѣхомъ и теперь, но съ помощью благодати Божіей она даетъ благіе результаты. Посмотрите на угодниковъ Божіихъ—они боролись со страстями и достигали мирнаго, безстрастнаго, блаженнаго состоянія духа.

Теперь, стало возможнымъ примиреніе человѣка съ Небомъ. Древній человѣкъ повиненъ былъ предъ Богомъ. Онъ не смѣлъ возвести очей къ Нему, подобно тому, какъ провинившійся противъ насъ прямо не смотритъ намъ въ глаза. Господь для падшаго человѣка былъ грозный Судія и онъ могъ ожидать отъ

Него только наказанія. Но — Христосъ смылъ грѣхъ людской и человѣкъ сталъ имѣть Бога своимъ отцемъ, благодѣтелемъ. Теперь мы свободно, безбоязненно можемъ приходить къ Нему во всѣхъ своихъ нуждахъ съ полной надеждою, что Господь не отринетъ насъ. Какъ дочь или преданный сынъ оплакиваютъ на груди своей матери или любящаго отца скорбь, изливаютъ предъ ними искренно, откровенно, безбоязненно всю свою душу, такъ теперь христіанинъ можетъ все повѣдать, всего себя отдать Отцу Небесному и Онъ приметъ его. Теперь христіанинъ можетъ взывать къ Богу самыми любезнѣйшими именами: Отче мой, Создатель, сладчайшій мой Іисусе, возлюбленнѣйшій мой Жениже и т. п. Теперь онъ смѣло можетъ подымать взоры къ небу въ минуты скорби, обнимать подножіе креста Господня, лобызать ликъ Его, язвы Его и что дороже всего—соединяться съ Нимъ въ таинствѣ святаго причащенія.

Пришелъ Христосъ и теперь стало возможнымъ примиреніе человѣка съ ближними. Нося въ сердцѣ своемъ постоянную злобу, терзаніе совѣсти, человѣкъ до Христа не могъ жить въ мирѣ и съ людьми. Вражда, ненависть—вотъ что господствовало тогда въ семьѣ и во всѣхъ человѣческихъ общеніяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, какова была семья до Христа? Здѣсь господствовалъ деспотизмъ, грубое право главы семейства, который смотрѣлъ на своихъ домашнихъ какъ на собственность, какъ на вещь и распоряжался ими по произволу — продавалъ въ рабство, казнилъ... А бѣдная, бѣдная женщина—она была забыта, унижена, она не смѣла думать о супружеской вѣрности своего мужа, ибо послѣдній по произволу мѣнялъ своихъ женъ и заразъ имѣлъ по нѣскольку; она лишена была ласки своихъ дѣтей, которыя часто отнимались у нея. У женщины того времени какъ бы насильственно убивали инстинкты жены, матери. Въ христіанствѣ же женщина возвышена. Она заняла въ семьѣ теперь почтенное мѣсто вѣрной жены и доброй любвеобильной матери. Теперь

мужъ не смотритъ на нее какъ только на сосудъ для удовлетворенія чувственныхъ своихъ удовольствій, но онъ оберегаетъ ея права какъ жены и матери; онъ не бросаетъ ее при неизлѣчимой болѣзни и старости, внимаетъ ея страданіямъ, хранитъ ее до смерти. Теперь сдѣлалось возможнымъ семейное счастіе. Вотъ оно. Праздникъ Рождества Христова. Добрая христіанская семья въ сборѣ. Предъ св. иконами горитъ лампада, освѣщая божественный ликъ нашего Христа Спасителя и Божіей Его Матери. Мирная, святая обстановка царитъ здѣсь. Сердца всѣхъ членовъ семьи исполнены любви къ Господу и ближнимъ. Маленькія дѣти лепечутъ о Христѣ —Младенцѣ днесь родившемся въ пещерѣ Виѳлеемской, нѣжная мать старается добрыми разсказами согрѣть, усилить порывы любви, бьющейся въ ихъ маленькихъ сердечкахъ, отецъ своимъ благодушіемъ и твердою вѣрою въ Господа пополняетъ гармонію этого семейнаго счастія.

Со Христомъ улучшились и общественныя отношенія людей. До Христа цѣнили человѣка со стороны его пригодности, такъ сказать, матеріальной, его цѣнили со стороны приносимой имъ практической пользы. Тотъ человѣкъ былъ хорошъ, кто обладалъ физическою силою, практическимъ умомъ, могъ работать и созидать внѣшнюю культуру. Больные же, слабые и старики считались лишними людьми. Ихъ не жалѣли, а часто даже умерщвляли. Въ одномъ греческомъ государствѣ напр., была скала, откуда бросали въ пропасть немощныхъ стариковъ и слабыхъ дѣтей... Въ христіанствѣ цѣнится душа каждаго человѣка, ибо за всѣхъ Христосъ пролилъ Свою кровь—отсюда устройство въ христіанскихъ обществахъ богадѣленъ, пріютовъ, больницъ, гдѣ призрѣваются наши немощные, слабые, больные братія и сестры. И если въ язычествѣ сила физическая могла наводить только страхъ на немощныхъ, въ христіанствѣ отъ этой силы слабые ожидаютъ себѣ помощи, покровительства; на нее они съ упованіемъ смотрятъ. И если тамъ умъ человѣческій изощрялся

только въ томъ, какъ бы придумать больше удобствъ жизни, то въ христіанствѣ онъ получилъ способность созерцать высокія міровыя идеи, созерцать божество.

Миръ принесъ Христосъ на землю. Намъ теперь остается только усваивать этотъ миръ, проводить его въ нашей жизни. Но, о, горе намъ! Какъ часто мы бываемъ безчувственны къ призыву Христа, какъ часто невнимательны къ подаваемой намъ благодати Божіей. Нужно было бы намъ всецѣло устремиться къ Господу Спасителю, всѣми силами души отдаться Ему, увѣровать въ Него какъ Сына Божія и сообразно съ этимъ, измѣнить свою дурную, исполненную пороковъ и преступленій жизнь на лучшую, добродѣтельную, а мы погрязаемъ въ невѣріи и пребываемъ въ развращеніи. И какое же тогда наше преимущество предъ язычниками? Мы тогда не лучше ихъ бываемъ, а скорѣе даже хуже, ибо язычники могутъ руководиться своимъ естественнымъ, нравственнымъ законамъ, мы же, когда отвергаемъ Христа, то попираемъ всякіе божескіе законы, отвергаемъ Духа благодати и отдаемъ себя всецѣло во власть духа тьмы, діавола. Вотъ почему въ обществѣ христіанскомъ возможны тѣ ужасные пороки и преступленія, свидѣтелями которыхъ мы теперь являемся. Но спаси и помилуй насъ Христе Боже! Просвѣти наши сердца Твоею благодатію, укрѣпи въ насъ вѣру, умудри насъ во спасеніе! Ты днесь родился и принесъ на землю миръ. Пусть же онъ наполнитъ наши сердца, искоренитъ въ насъ всякое злое произволеніе и примиритъ насъ со всѣми людьми о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ.

Архимандритъ Арсеній.

Епископъ Арсеній.

ДУХОВНЫЙ ДНЕВНИКЪ

(выпускъ шестой).

1914 годъ.

Москва.

Епископъ Арсеній.

И 68/360

ДУХОВНЫЙ ДНЕВНИКЪ

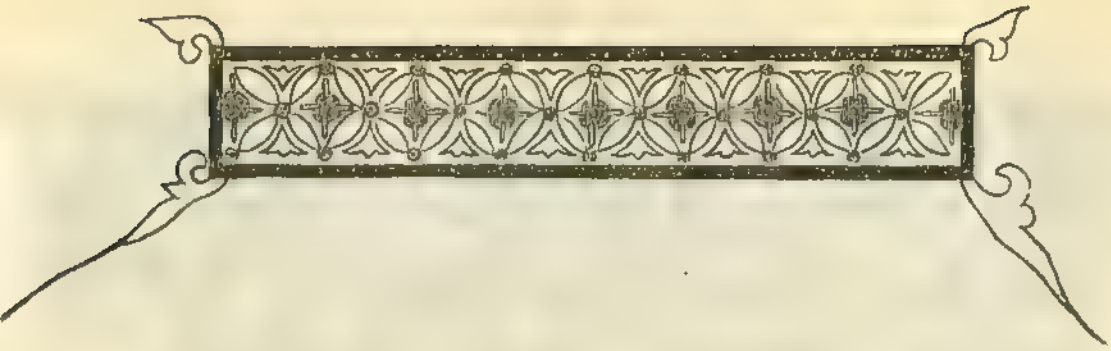
(выпускъ шестой).

1914 годъ.

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ
XV-03668
И РУМЯНЦЕВСКІЙ МУЗЕЙ

Москва.

ПЕЧАТНЯ А. СНЕГИРЕВОЙ
МОСКВА
ТРУДЪ



Духовный дневникъ.

За 1914-й годъ.

†

Господь есть любовь, поэтому, связывать насъ съ Нимъ можетъ точно также только любовь наша къ Нему. Сила же любви, энергія любви есть въ каждомъ изъ насъ и чѣмъ больше у кого пристрастія къ чему-нибудь, тѣмъ сильнѣе у насъ эта природная сила любви. Отъ того, въ какую сторону повернешь эту силу, зависитъ и свойство и качество самого человѣка. Поверни--въ сторону добра и получится человѣкъ религіозный, человѣкъ святой, богоугодной жизни, любящій Господа, чѣмъ и объясняется, что часто прежде великіе грѣшники, по обращеніи къ Господу, становились великими праведниками. Всю прирожденную любовную силу они въ этомъ случаѣ обращали ко Господу... Но поверни только ту же силу въ сторону зла,—и получится человѣкъ злой, порочный, падшій. Выходитъ, такимъ образомъ, кто имѣлъ несчастіе увлечься чѣмъ-либо дурнымъ, для того всегда есть возможность перемѣниться и начать добрую жизнь съ такимъ же рвеніемъ и силою, какова была передъ тѣмъ и сила увлеченія. Вотъ, предъ нами встаетъ образъ св. ап. Павла,—прежде великаго гонителя Христа, а затѣмъ—перваго изъ Апостоловъ; образъ Маріи Египетской—прежде великой грѣшницы, а затѣмъ земного ангела,

встаютъ образы многихъ другихъ подвижниковъ, въ мірѣ жившихъ сладко и грѣховно, въ пустынѣ же — сурово и праведно. И тамъ и здѣсь — чувство привязанности, и тамъ и здѣсь—любительная сила движетъ человѣкомъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что направляется она совершенно въ различныя стороны.

†

Все ли равно подавать милостыню на виду у всѣхъ или же тайно? Далеко не все равно! Когда вы творите милостыню открыто, то не является ли тогда желаніе, чтобы васъ похвалили за это и сказали бы вамъ: „какіе вы добрые"..., не стремитесь ли вы тогда къ тому, чтобы васъ поблагодарили тѣ люди, которымъ вы благодѣтельствуете, ибо, въ случаѣ не полученія отъ нихъ благодарности, вы сами же послѣ говорите: „какіе они неблагодарные"... Но такая благотворительность не имѣетъ цѣны въ очахъ Божіихъ... Она основывается не на любви къ бѣдному, который остается гдѣ-то въ тѣни, вдали..., а на любви насъ къ самимъ себѣ, на желаніи славы, чести... И часто отъ такой нашей милостыни мы ничего радостнаго не чувствуемъ, не увеличиваемъ въ себѣ никакого прироста добра... Какъ-то пусто и сухо на душѣ послѣ нея... Но вотъ, ты постарался сотворить милостыню тайно... Ты, скажемъ, положилъ у двери бѣдняка мѣшочекъ муки и сразу же почувствовалъ на душѣ отраду, и это понятно,— почему. Тайно благотворя, ты руководился уже не своимъ честолюбіемъ, не своею славою, а исключительно только любовію къ бѣдному, несчастному брату. Такая милостыня, поистинѣ, — доброе дѣло, а всякое доброе дѣло сопровождается и духовнымъ плодомъ — миромъ, отрадою на сердцѣ... Тайная милостыня и бѣдняку приноситъ бо́льшую радость, чѣмъ открытая. Кто открыто получаетъ подаяніе, тотъ нерѣдко испытываетъ смущеніе... Ему совѣстно, ему неловко, ему кажется, что онъ безпокоитъ подающаго, особенно это такъ бы-

ваетъ, если бѣднякъ—человѣкъ чистой души. Тайная же благотворительность избавляетъ бѣдняка отъ всего этого. Тайная благотворительность способна вызвать слезы у бѣдняковъ, слезы благодарности къ Богу и благотворителю. Представьте себѣ такую картину. Вотъ, живетъ бѣдная вдова съ дочерью. Вдова благороднаго званія — болѣзненная, слабая, неспособная къ труду. Дочь — молодая неокрѣпшая ни тѣломъ, ни душею, 14-няя дѣвица. Мужъ вдовы и отецъ дочери—офицеръ—умеръ въ молодыхъ годахъ, не оставивъ семьѣ никакого обезпеченія. Какъ же имъ теперь жить? Просить подаянія?—Но, вѣдь, къ этому нужно еще привыкнуть, на это нужно еще рѣшиться?—И онѣ кое-какъ перебиваются... Скоро долженъ наступить праздникъ Рождества Христова, а онѣ со скорбію ожидаютъ того, какъ имъ придется, быть-можетъ, въ голодѣ и великомъ холодѣ встрѣчать и провожать этотъ праздникъ. Но вотъ, почти наканунѣ праздника, бѣдное семейство получаетъ пакетъ съ деньгами отъ неизвѣстнаго благотворителя. Представьте себѣ ихъ радость!.. Думаю, всѣ послѣдующіе праздники мать и юная дочь будутъ жить мыслію о своемъ благотворителѣ; онѣ помолятся о немъ въ церкви на заутрени рождественской и литургіи, онѣ и дома, купивъ на полученныя деньги деревяннаго масла, зажгутъ предъ св. иконой лампаду и горячо-горячо помолятся Богу о своемъ невѣдомомъ благодѣтелѣ... Хорошо дѣлаетъ тотъ, кто ищетъ такихъ бѣдняковъ, не дожидается, пока они сами у него станутъ просить, помнитъ, что есть бѣдные, которые не просятъ и не смѣютъ просить, однако живутъ въ холодныхъ помѣщеніяхъ, болѣютъ, голодаютъ и страдаютъ безъ помощи людской...

†

Какъ понимать слова Священнаго Писанія: „нѣсть бо иного имене подъ небесемъ, даннаго въ человѣцѣхъ, о немъ же подобаетъ спастися намъ“ (Дѣян.

IV, 12). Что нужно разумѣть подъ именемъ? Конечно, единаго Господа Бога. Имя здѣсь служитъ только обозначеніемъ одного и того же Господа Бога, а потому оно и употребляется въ словесной и письменной рѣчи часто безразлично съ названіемъ Господь Богъ.

†

Какое множество видимъ мы въ мірѣ красоты! Красиво звѣздное небо въ лѣтнюю тихую погоду. Красивы горы, покрытыя лѣсомъ, и луга, испещренные цвѣтами. Красивъ и человѣкъ — это Божіе прекраснѣйшее въ семъ мірѣ созданіе. Все это — красота природы естественная, совершенно независящая по своему происхожденію отъ воли человѣка. Но и самъ человѣкъ можетъ создавать красоту: — когда онъ поддерживаетъ вокругъ себя порядокъ, наблюдаетъ чистоту и опрятность, когда онъ украшаетъ свое жилище, созидаетъ культуру полей, садовъ, растеній, воплощаетъ свой внутренній міръ въ искусствѣ, въ пѣніи, музыкѣ и живописи. Что же это за красота, каково ея происхожденіе, откуда она? Что касается первой, — красоты природы, то она представляетъ собою остатокъ той красоты, какую Богъ исперва создалъ, въ началѣ творенія міра: „и видѣ Богъ вся, елика сотвори: и се добра зѣло". (Быт. I, 31). Что же касается красоты, устрояемой самимъ человѣкомъ, то она представляетъ изъ себя произведеніе тѣхъ духовныхъ даровъ человѣка, какіе даны были ему Творцемъ при сотвореніи міра, когда человѣкъ былъ созданъ по образу и подобію Божію. Но прекрасный міръ былъ испорченъ грѣхомъ человѣка же, грѣхъ повредилъ красоту міра, онъ подавилъ ее, стушевалъ, обезобразилъ, омрачилъ. Теперешняя красота міра есть только жалкіе остатки, отблески чудnаго, въ совершенствѣ созданнаго Господомъ міра. А если и теперь мы наслаждаемся красотой, любимъ ее, ею поражаемся и ею восхищаемся, то

въ какой же духовный восторгъ мы пришли бы, если бы увидали красоту первобытнаго міра! Итакъ настоящая, видимая нами красота есть напоминаніе мірового совершенства, она носитъ въ себѣ печать Божественной, небесной красоты. вотъ почему она такъ пріятна намъ, вотъ отчего она такъ насъ къ себѣ привлекаетъ. Больше того, какъ имѣющая въ себѣ такую печать высшаго совершенства—красота способна насъ облагораживать, умягчать, внутренно преображать и привлекать ко Господу, виновнику всякой красоты. Любите, поэтому, братіе, красоту. Любите этотъ красивый цвѣтокъ и, когда видите его, возвышайтесь мыслію къ Создателю его—Господу Богу. Любите это красивое—тихое смиренное пѣніе, и, когда слышите его, поминайте пѣніе ангеловъ на небесахъ, немолчно восхваляющихъ Трiпостаснаго Бога. Любите эту живопись, изображающую добродѣтель человѣка, и сами возгрѣвайте сердце ваше къ добру. Любите всякаго человѣка — это Божіе созданіе, всматривайтесь болѣе въ его умъ, въ его духовныя дарованія и переноситесь мыслію къ Верховному уму.

†

Замѣчено, что въ предсмертный часъ душа переживаетъ особенное какое-то состояніе. Этотъ предсмертный моментъ отличается, между прочимъ, тѣмъ, что человѣкъ совершенно теряетъ всякій интересъ ко всему его окружающему и ищетъ полнаго уединенія. Онъ ищетъ умереть въ безмолвіи, такъ, какъ бы никто этому не мѣшалъ. Вотъ почему, многіе, умирая, просятъ удалиться, уйти отъ ихъ смертнаго одра даже самыхъ близкихъ родныхъ. Старецъ—іеромонахъ Исидоръ Геѳсиманскаго скита, когда умиралъ, то велѣлъ всѣмъ выйти, ибо, говорилъ онъ, я буду сейчасъ умирать и потому никто мнѣ не долженъ мѣшать, даже велѣлъ потушить лампаду, чтобы и свѣта не было въ келліи.

Другая предсмертная черта, также ясно замѣченная, это—люди въ моментъ умиранія или чувствуютъ предвкушеніе блаженства, того состоянія души, при которомъ нѣсть ни печаль, ни воздыханіе, или же—страхъ трепетъ. Одинъ путешественникъ по альпійскимъ горамъ разсказываетъ, что онъ, при восхожденіи на горы, оборвался и свалился въ пропасть, гдѣ уже замерзалъ, и оставался одинъ моментъ до смерти и въ этотъ-то моментъ онъ чувствовалъ необыкновенную сладость и блаженство, но, вотъ, его схватили, вытащили и спасли отъ смерти. И что-же? какъ только привели его въ чувство, онъ застоналъ, почувствовалъ боль во всемъ тѣлѣ и, приэтомъ, выразилъ окружающимъ сожалѣніе, зачѣмъ они не дали ему умереть, а возвратили его опять къ страданіямъ земнымъ.

Наблюдается у умирающихъ и такое состояніе духа, что у нихъ мгновенно проходитъ въ сознаніи вся прожитая ими жизнь со всѣми ея мельчайшими подробностями. Отсюда познавай возможностьи быстроту всеобщаго суда. Нѣкоторые недоумѣваютъ, какъ возможенъ всеобщій судъ всѣмъ людямъ всѣхъ временъ? Если, говорятъ, требуется значительное время для того, чтобы разсказать всю свою жизнь, то сколько же нужно времени для суда жизни всѣхъ людей? Но, если даже въ нашемъ сознаніи дана возможность въ одно мгновеніе охватывать всю нашу жизнь, то что же удивительнаго или невѣроятнаго въ мгновенномъ всеобщемъ судѣ для Бога—Творца сáмаго времени!

†

Ты съ одной стороны замѣчаешь, что посѣщеніе больныхъ, сочувствіе страждущимъ, милостыня—отодвигаютъ у тебя въ сторону дурные инстинкты и возвышаютъ твой духъ. Но съ другой—рядомъ съ этимъ добрымъ и возвышеннымъ твоимъ настроеніемъ у тебя появляются отъ духовнаго разслабленія и дурныя чувства, которыя могутъ тебя нравственно загрязнить,—

вотъ, чтобы этого не случилось съ тобою, ты чаще и прибѣгай къ тому, что возвышаетъ и бодритъ твой духъ и ты, такимъ образомъ, будешь постоянно парализовать въ себѣ всё дурное.

†

Когда замѣчаешь у другого обнаруженіе и присутствіе таланта, напр., одинъ прекрасно говоритъ, художественно пишетъ, другой—чудный пѣвецъ, искусный музыкантъ и т. д., то смотри на все это, какъ на проявленіе въ человѣкѣ дара Божія. Ты тогда радуйся за человѣка, утѣшайся мыслію, что какъ благъ и щедродателенъ Господь къ намъ людямъ и старайся проявленіемъ этого Божія дарованія у твоего ближняго воспользоваться для своего назиданія, утѣшенія и духовно-нравственной пользы. Зависть, критическое отношеніе къ талантамъ другого—противное, вредное чувство. Его не должно у насъ быть.

†

Говорятъ, что администрація погибшаго большого американскаго парохода „Титаникъ“ предъ навигаціей и послѣднимъ его выходомъ въ море, вывѣсила объявленіе, что безопасность въ плаваніи совершенно обезпечена. Здѣсь гордость человѣческая, которую такъ явно Господь посрамляетъ. Вавилонскую башню хотѣли построить „даже до небесе“, но Господь за это смѣсилъ языки строившихъ и разсѣялъ ихъ „по лицу всея земли“ (Быт, XI, 1—9). Въ Москвѣ, на Кремлевской площади, стоитъ разбитый колоколъ—Царь-Колоколъ вѣсомъ въ 12000 пудовъ, который, говорятъ, упалъ, когда его тащили на колокольню, вслѣдствіе чего въ него ни разу даже и не звонили. Тутъ, повидимому, была религіозная цѣль—устроить большой такъ называемый „красный“ звонъ. А кто знаетъ, можетъ-быть и здѣсь Господь посрамилъ гордость нашихъ предковъ?

По крайней мѣрѣ, намъ извѣстно, что эту гордость возможно проявлять и въ дѣлахъ религіознаго свойства. Въ житіи одного преподобнаго разсказывается, что онъ устроилъ большой храмъ, чѣмъ создалъ монастырю большую славу, это привело монаховъ къ гордости. И что же? Преподобный велѣлъ построенный большой храмъ разрушить.

†

Есть преданіе о праведномъ Лазарѣ, будто онъ, по своемъ воскрешеніи, никогда уже не только не смѣялся, но и не улыбался и не могъ вкушать никакой снѣди, не приправивъ ее медомъ. Какъ поучительно сіе преданіе! Земная жизнь, поистинѣ,—горька, скорбна и плачевна и—понятно, что праведный Лазарь, разъ высвободился отъ нея, то уже послѣ постоянно и еще болѣе чувствовалъ горечь этой жизни земной и имѣлъ пламенное желаніе снова возвратиться ко Господу—Христу, по слову св. ап. Павла: „желаніе имый разрѣшитися и со Христомъ быти“ (Филип. I, 23).

†

Пришлось мнѣ прочитать, однажды, сообщеніе о томъ, какъ одинъ человѣкъ съ вечера легъ спать зрячимъ, а утромъ всталъ слѣпымъ. При этомъ была описана его тревога, его испугъ, его душевное потрясеніе. Сначала онъ подумалъ, что это случайная слѣпота и старался промывать глаза — не возвратится ли зрѣніе, окружилъ себя потомъ и докторскими средствами, но все было тщетно—зрѣніе не возвращалось. Передъ нимъ стала вѣчная тьма, вѣчная ночь. Прочиталъ я это и задумался. Какъ человѣкъ долженъ быть внимательнымъ къ себѣ, вѣдь каждую минуту его можетъ постичь тяжелый ударъ, который въ прахъ повергнетъ всѣ его земныя наслажденія, каждую минуту можетъ Господь смирить тебя—о, человѣкъ!

†

Многихъ смущаетъ несоотвѣтствіе въ мірѣ семъ внѣшняго положенія людей съ ихъ внутреннимъ нравственнымъ достоинствомъ и заслугами. И можно даже слышать такой вопросъ: неужели и тамъ, за гробомъ будетъ тоже несоотвѣтствіе? Такъ называемое духовное счастье, нравственное удовлетвореніе, переживаемое человѣкомъ внутри себя и недоступное, поэтому, никому другому, разрѣшаетъ этотъ вопросъ. Это нравственное удовлетвореніе не считается съ внѣшними благами и преимуществами, оно можетъ быть у всякаго человѣка, при всякомъ положеніи, званіи и мѣстѣ. Богатые и знатные часто нравственно страдаютъ и, наоборотъ, бѣдные и нищіе духовно радуются. А такъ какъ за гробомъ вся внѣшняя обстановка отпадаетъ, мірскія преимущества и слава исчезаютъ и остается человѣкъ съ однимъ только этимъ нравственнымъ удовлетвореніемъ, которое пріобрѣтается каждымъ человѣкомъ жизнію по завѣту Христа, по заповѣдямъ Божіимъ, то это-то нравственное удовлетвореніе и только оно—одно и будетъ за гробомъ давать человѣку то или другое положеніе, то или иное его тамъ состояніе.

†

Посѣщеніе пастыремъ пасомыхъ имѣетъ большое значеніе какъ для самого пастыря, такъ и для пасомыхъ. Внутреннія переживанія отъ этихъ посѣщеній у пастыря таковы: умягченіе сердца, воодушевленіе, ириливъ новыхъ силъ, духовное утѣшеніе. У пасомыхъ—подъемъ религіознаго чувства, любовь ко всему церковному, большая преданность пастырямъ Церкви.

†

Одинъ принявшій православіе изъ лютеранъ такъ описываетъ свое душевное настроеніе. Меня, говоритъ

онъ, поразила та тишина, миръ и благодатная обстановка, какую я сталъ испытывать при посѣщеніи православныхъ храмовъ — особенно это я чувствовалъ, когда бывалъ у раки пр. Сергія Радонежскаго чудотворца. Эта-то тишина и дала мнѣ толчекъ стремиться къ православію, а когда я перешелъ въ него, то я испыталъ еще и слѣдующее чувство: лютеранство, въ которомъ я прежде находился, давало мнѣ пить изъ чаши духовной только отчасти, наполовину, въ Православіи же я эту чашу сталъ пить всю полную.

†

То обстоятельство, что ты часто бываешь мелоченъ, несерьезенъ, гнѣвливъ, безсодержателенъ, нечистъ въ помыслахъ—все это должно тебя убѣждать, насколько ты несовершенъ и укрѣплять тебя въ смиреніи. Но ты не думаешь о себѣ, не внимаешь своему „я“, не замѣчаешь своихъ несовершенствъ, которыя, повторяясь безпрепятственно, свободно — создаютъ въ тебѣ человѣка дурного, сквернаго, во всѣхъ отношеніяхъ несовершеннаго, ограниченнаго.

†

Какъ хорошо быть свободнымъ отъ дурныхъ, нечистыхъ помысловъ и чувствъ! Это здорово не только въ нравственномъ, но и физическомъ отношеніи. Тогда чувствуешь свободу, широту духа, не стѣсняешься прямо смотрѣть въ глаза людямъ, тогда сердце открыто бываетъ для любви къ ближнему и на всякое благо, тогда ощущается свѣжесть, бодрость всего организма. И, наоборотъ, загрязненность души сказывается въ тѣснотѣ, подавленности настроенія, тогда стыдишься людей, тогда не такъ скоро двигаешься на что-либо доброе, а организмъ бываетъ вялъ или нервно возбужденъ.

†

Когда мы видимъ молящагося, то проникаемся къ нему уваженіемъ и чувствуемъ, что этотъ человѣкъ

совершаетъ высокое дѣло. И это потому, что молитва дѣйствительно такова есть. Она для души тоже, что пища для тѣла. Если лишимъ тѣло пищи, то тогда ноги слабѣютъ, въ рукахъ появляется дрожь и весь организмъ ослабѣваетъ. Такъ, если изъ души вытравлена молитва, то тогда помыслы наши разсѣиваются, воля слабѣетъ, чувство грубѣетъ. Но вотъ организмъ подкрѣпленъ пищею,—тогда онъ бодръ, свѣжъ и трудоспособенъ; и наша душа, когда есть у насъ молитвенное настроеніе, удобоподвижна на все доброе. И думается намъ, что та неустроенность нашего внутренняго состоянія, какая замѣчается нынѣ—именно происходитъ отъ того, что у насъ нѣтъ молитвы. Нѣтъ молитвы и умъ нашъ склоняется къ невѣрію и разсѣянности, нѣтъ молитвы и воля наша не можетъ устоять противъ всякаго рода искушеній и соблазновъ, нѣтъ молитвы и сердце наше не понимаетъ и не ищетъ высшихъ духовныхъ наслажденій, а утопаетъ въ чувственныхъ удовольствіяхъ и порокахъ. Молитва же дѣлаетъ человѣка духовно-настроеннымъ и высоко нравственнымъ.

†

Замѣчено, что появленіе у насъ тоскливаго состоянія духа стоитъ какъ бы въ зависимости отъ нашего внутренняго настроенія. Нечистота сердца, дурные помыслы,—обыкновенно бываютъ спутниками указанной тоски. Провѣрьте себя. У васъ гадко нечисто на душѣ,—навѣрное послѣ этого появляется у васъ и тоскливое состояніе духа и наоборотъ чистота сердца вызываетъ отраду и радость и бодрость духа. Отсюда познавай, что источникомъ тоски является скверна, а радости—чистота. И если продолжимъ сіе представленіе далѣе, то поймемъ, что мученіе въ будущей жизни—явится какъ результатъ всякаго грѣха и зла—и блаженство—добра и святости.

†

Протестанты отвергаютъ Преданіе. Они говорятъ, что истина заключена только въ Св. Писаніи, а Преданіе нужно отнести къ измышленіямъ человѣческимъ. Но мы спросимъ—обходятся ли сами протестанты безъ Преданія? Вѣдь у нихъ существуетъ извѣстный порядокъ богослуженія и ихъ пастыри надѣваютъ при богослуженіяхъ особую одежду и т. д.. вѣдь и это все у нихъ дѣлается по преданію. Но они скажутъ: такъ дѣлалъ Лютеръ. Теперь и сравните. Протестанты основываютъ свое Преданіе на Лютерѣ и другихъ подобныхъ ему реформаторахъ церковныхъ, а мы Преданіе основываемъ на Св. Церкви. которая дана намъ по Слову Божію, какъ непогрѣшимая истолковательница и хранительница Св. Преданія. Только то, что проходитъ черезъ сознаніе церковное, что принято Св. Церковью, то только и признается у насъ истиннымъ преданіемъ. Впрочемъ, протестанты не дорожатъ своимъ преданіемъ и готовы его измѣнять и это у нихъ выходитъ послѣдовательно, ибо всякое человѣческое измышленіе, дѣйствительно, измѣнчиво. Мы же не можемъ такъ относиться къ Преданію, ибо это значило бы поправлять Св. Церковь, которая дана намъ, какъ чистая невѣста, не имущая скверны и нечистоты, и ни иного чего отъ таковыхъ. Церковь дана намъ какъ столпъ и утвержденіе истины. И какое счастье имѣть Преданіе Церковное! Представьте себѣ, вы входите въ домъ, въ которомъ не находится ничего, кромѣ голыхъ стѣнъ, не имѣется здѣсь скамеекъ, гдѣ бы можно было вамъ присѣсть, нѣтъ стола, на которомъ могли бы вкусить пищи, нѣтъ камина, у котораго могли бы обогрѣться. Или вы входите въ домъ устроенный, тамъ все для васъ готово и вы довольны, счастливы и утѣшены. Тоже и въ Церкви Христовой. Преданіе исполнило ее богатствомъ и обиліемъ духовнаго благолѣпія. Здѣсь

ты найдешь для своей души все потребное для спасенія, въ Церкви Православной ты не будешь жаловаться на неуютность, пустоту и скуку. Она, Св. наша Церковь, благодаря Преданію, дала просторъ для развитія всѣхъ благородныхъ искусствъ и дарованій духа человѣческаго, дала возможность развиваться нашему духу до совершенства, къ которому призвалъ его нашъ Творецъ.

†

Псалтирь—книга молитвенныхъ изліяній души ко Господу. Псалтирь написана по вдохновенію отъ Духа Святаго. По этому чтеніе и пѣніе псалмовъ спасительно для души христіанской. Какъ богодохновенные, псалмы, и особенно нѣкоторые, имѣютъ поистинѣ чудодѣйственную силу. Таковъ псаломъ 50-ый или покаянный. Святитель Иннокентій Херсонскій о немъ говоритъ: въ 50-ый псаломъ такое вложено чувство покаянія, что врагъ рода человѣческаго и доселѣ отъ чтенія его трепещетъ и бѣжитъ [1]). Большую пользу приноситъ христіанину чтеніе его при бореніяхъ и искушеніяхъ. Въ этомъ отношеніи его можно сравнить съ молитвою Іисусовой, которую подвижники рекомендуютъ читать при бореніяхъ. Не меньшую силу имѣетъ псаломъ „Живый въ помощи“. Его читаютъ въ путешествіяхъ, въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, на полѣ брани. Помнится, какъ отецъ, отправляя насъ изъ провинціи въ школу въ губернскій городъ, становился предъ иконами, прочитывалъ этотъ псаломъ и затѣмъ уже преподавалъ прощальное благословеніе. Много передаютъ разсказовъ о томъ, какъ предохраняетъ воиновъ отъ пуль въ битвѣ сей псаломъ, который если не читается ими, то по крайней мѣрѣ носится на груди зашитымъ въ ладонкѣ. Великую силу имѣетъ и псаломъ: „благо-

[1]) Слово въ недѣлю св. праотецъ.

слови душе моя Господа". Чтеніе его высоко настраиваетъ нашу душу и исполняетъ сердце благоговѣйныхъ чувствъ предъ Творцемъ вселенной. Псаломъ этотъ полезно читать при помыслахъ невѣрія, которое исчезаетъ, пропадаетъ при чтеніи и пѣніи его. Древніе христіане весьма любили псалмы. Св. Амвросій Медіоланскій свидѣтельствуетъ, что выйдешь въ поле, встрѣтишь земледѣльцевъ, услышишь здѣсь навѣрное и пѣніе псалмовъ, войдешь въ домъ, застанешь за прялкой женщинъ—здѣсь и аллиллуіа. Наши предки русскіе также не разставались съ псалтирью. Они даже учились по ней. И какъ это хорошо. Грамота открываетъ наши очи, „еже разумѣти доброе и злое". И вотъ, если обученіе грамотѣ происходило по богодохновенной священной книгѣ, то не закрѣплялось ли черезъ это само сердце въ добрѣ, а очи не привыкали ли только зрѣть святое и отвращаться отъ суеты и скверны? Между прочимъ, у насъ и доселѣ есть обычай читать псалтирь по покойникамъ. Прекрасный обычай. Чтеніе псалмовъ успокаиваетъ, умиротворяетъ, утѣшаетъ,—а какъ это все нужно бываетъ для насъ, когда мы переживаемъ скорбь отъ потери близкихъ намъ людей.

†

Какъ опасно пренебрегать религіозными обязанностями! Сначала простая лѣность, нежеланіе потрудиться, пойти лишній разъ въ храмъ, затѣмъ охлажденіе, отчужденіе отъ всего церковнаго, религіознаго, и, наконецъ, полная индифферентность въ дѣлѣ вѣры, забвеніе Церкви и ея установленій, когда человѣкъ уже не дорожитъ своею вѣрою. И какъ постепенно идетъ охлажденіе въ вѣрѣ, такъ и, наоборотъ, вѣра возвращается съ большимъ трудомъ. А это-то и страшно! Безвѣріе начинаетъ безпокоить, томить, мучить человѣка. Временами вспоминается счастливое время вѣры и пробуждается желаніе снова вѣрить, но не легко вѣру возвратить... Мы знаемъ много случаевъ, когда потеряв

шій вѣру при всемъ своемъ желаніи снова вѣрить—не можетъ. Такой человѣкъ часто плачетъ о потерянной вѣрѣ, какъ о потерянной жемчужинѣ. И даже какія-то внѣшнія причины или лучше препоны начинаютъ тормазить его пробудившееся религіозное чувство. Одинъ мой знакомый, 15 лѣтъ не бывшій у исповѣди и св. причащенія и совершенно забывшій храмъ, рѣшилъ, наконецъ, поговѣть. И что-же, много времени и усилій ему пришлось потратить, чтобы привести свое намѣреніе въ исполненіе. Вотъ онъ уже соберется и назначитъ день для исповѣди, какъ физическая болѣзнь или необычайный страхъ остановятъ его. Пришлось не считаться съ его выборомъ дня, а употребить нѣкоторую властность надъ его волею—приказать ему явиться въ такой-то день въ храмъ. Такимъ людямъ непремѣнно нужно протягивать руку помощи, а безъ этого они безпомощны. И если Господь поможетъ имъ возстановиться въ вѣрѣ, о, тогда необыкновенно трогательна бываетъ ихъ вѣра! Они говорятъ о ней уже, какъ о миломъ, дорогомъ для сердца сокровищѣ, которое стараются всячески беречь, боясь снова потерять его, они способны дѣлаются тогда къ исповѣдничеству.

†

Пастырь Церкви! если ты желаешь пасти словесное стадо съ любовію и охотою, то вооружись терпѣніемъ. Безъ терпѣнія ты изнеможешь и не понесешь пастырскихъ трудовъ. Среди твоихъ духовныхъ чадъ будутъ такія больныя душей, которыхъ ты не въ состояніи ублаготворить, успокоить, они всегда будутъ томиться душей, у тебя искать поддержки, тебѣ надоѣдать, тебя безпокоить, тебя осаждать. Нужно много терпѣнія, чтобы не пренебречь ими, ихъ не оттолкнуть, не огорчить своимъ невниманіемъ, холодностью. Далѣе, каждый твой пасомый знаетъ только свои нужды, съ ними онъ къ тебѣ и обращается, онъ не видитъ и не замѣчаетъ того, что и другіе подобно ему также ищутъ пастыр-

ской поддержки; онъ не входитъ въ положеніе другого, не желаетъ ему уступить мѣста, не считается и съ твоимъ здоровіемъ, съ твоими дѣлами и занятіями. ему нужно во чтобы то ни стало тебя видѣть, съ тобою говорить..... И тутъ опять пастырю нужно терпѣніе — всѣхъ выслушать, не показать вида, что ты усталъ, что ты тяготишься пріемомъ просителей. А выслушивать приходится не только неинтересное, но и томительное. Одинъ проситъ рекомендаціи, другой опредѣлить дѣтей, третій — поставить на мѣсто, четвертый — денежнаго пособія, пятый — нравственной поддержки, шестой — молитвъ въ болѣзняхъ и т. д. и т. д. Всѣмъ не поможешь, всѣхъ не примешь,—отсюда ропотъ, недовольство—и только терпѣніе помогаетъ пастырю стоять твердо на своемъ посту. А исповѣдь, выслушиваніе грѣховности людской, сколько здѣсь требуется нравственной силы и терпѣнія! Терпѣніе главная добродѣтель для пастыря. Если для тѣлеснаго врача оно важно и необходимо, то для духовнаго тѣмъ болѣе, насколько душа важнѣе тѣла.

†

Насъ посѣщаетъ то одинъ, то другой духъ злобы. То духъ уныніе насъ одолѣетъ, то духъ нечистоты. самомнѣнія и тщеславія, то духъ скупости, гнѣва, раздражительности. А могутъ насъ полонить нѣсколько такихъ злобныхъ состояній. Спаситель, говорится во св. Евангеліи, изъ Маріи Магдалины изгналъ седмь бѣсовъ. Равно какъ, наоборотъ, сердце человѣка можетъ исполняться: то духовной радости, то чувства умиленія, чистоты, цѣломудрія и т. д. И если первыя состоянія появляются отъ нашей грѣховности и духовъ злобы, и питаются дурными началами, то, наоборотъ, вторыя навѣваются человѣку отъ Духа Святаго и поддерживаются благодатными средствами. А если такъ, то побольше давайте мнѣ этихъ средствъ, ибо я хочу быть добрымъ христіаниномъ, а не сыномъ погибельнымъ!

†

Переходъ въ Православіе изъ лютеранства свободнѣе совершается, чѣмъ изъ другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, и это потому, что лютеранство слишкомъ сжало, стѣснило обнаруженія религіознаго чувства въ христіанинѣ. Не почитай святыхъ, священныхъ изображеній, не нужно таинствъ, а между тѣмъ христіанское сердце чуткое и религіозное склонно все это признавать. Отсюда и бываетъ, что многіе лютеране религіозно-настроенные въ душѣ согласны бываютъ съ Православнымъ міровоззрѣніемъ, а благопріятный случай,—они готовы и присоединиться къ Православной Церкви.

†

Устраивай каждый день твоей жизни такъ, какъ ты желалъ бы устроить всю твою жизнь, пусть каждый день будетъ схемой всей твоей жизни. У тебя несомнѣнно предносится жизненная задача, которую бы ты желалъ осуществить, желалъ бы нравственно исправиться, перестать когда-либо грѣшить, желалъ бы въ покаяніи умереть и т. д. Старайся же то, что намѣчаешь на всю жизнь—исполнять и осуществлять въ теченіе каждаго дня, старайся вести себя такъ, чтобы къ вечеру могъ ты сказать, что ты изъ всей твоей жизненной задачи хотя малую пылинку выполнилъ, иными словами, всегда готовься къ вѣчной жизни, готовься умирать, ибо не знаешь, не будетъ ли этотъ день послѣднимъ въ твоей быстротечной жизни.

†

Мы, теперешніе христіане, не чувствуемъ силы искупленія, совершеннаго Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ—оттого мы такіе плохіе, безчувственные, оттого мы такъ легко смотримъ на грѣхъ, оттого мы не понимаемъ церковныхъ службъ—особенно Божественной

Литургіи и скучаемъ за ней. Не такъ было въ первую пору христіанства. Первые христіане жили мыслію и чувствомъ объ искупленіи. Искупленіе—былъ жизненный нервъ для нихъ. Писали они, говорили, дѣйствовали,—все у нихъ направлялось, именно, къ великому акту искупленія человѣчества Спасителемъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ творенія святыхъ отцевъ, акты мученическіе, исторія первохристіанской общины. А, вѣдь, и мы такіе же грѣшники, какъ люди всѣхъ временъ, а, вѣдь, и для насъ вся сущность жизни должна быть въ усвоеніи дѣла Христова—именно—искупленія. Господи, умягчи же мое безчувственное сердце и дай мнѣ познавать всею глубиною души—великую тайну искупленія человѣчества Крестною Смертію Спасителя!

†

Большая или меньшая нравственная польза отъ присутствія на Божественной Литургіи зависитъ отъ нашего переживанія на ней акта искупленія. Ты можешь простоять всю Литургію, даже, если священнослужитель, совершать ее и не понимать, не чувствовать сердцемъ всей ея глубины и силы. Переживаніе на Божественной Литургіи именно акта искупленія—для нашей души необыкновенно спасительно. Чѣмъ чаще и сильнѣе бываетъ это переживаніе, тѣмъ богаче, выше дѣлается твоя духовная настроенность. О. Іоаннъ Кронштадтскій поражалъ окружающихъ своимъ переживаніемъ, своимъ сильнымъ подъемомъ духа во время служенія Божественной Литургіи и что же—онъ былъ свѣтильникъ—горяй и свѣтяй.

†

Когда Господь Іисусъ Христосъ однажды говорилъ іудеямъ о томъ, что вѣрующіе въ Него будутъ вкушать плоть Его, то слушающимъ показалось это слово жестокимъ и, вотъ, многіе стали уходить отъ Него, не дослушавъ Его бесѣды. Тогда Господь обратился къ

оставшимся и такъ сказалъ: „Не хотите ли и вы отойти“ (Ін. VI, 67)?..... Церковь Христова Православная предлагаетъ свое ученіе вѣры и нравственности членамъ своимъ. Многимъ, однако, современнымъ людямъ не по вкусу приходится ея ученіе. Что дѣлать въ этомъ случаѣ св. Церкви: уступать, приспособляться, чего желали бы люди? Нѣтъ, св. Церковь есть столпъ и утвержденіе истины. И какъ Христосъ нѣкогда сказалъ: не думаете ли вы уйти?—такъ и св. Церковь какъ бы предлагаетъ непокорнымъ тотъ же вопросъ. Къ св. Церкви нужно прислушиваться, ей повиноваться, ей внимать и подчиняться. А кто этого не хочетъ, уходи и не ожидай, что ты Церковь можешь передѣлать.

†

Ты чувствуешь, что слабъ, немощенъ и склоненъ къ дурнымъ мыслямъ, чувствамъ и дѣламъ—это должно въ тебѣ все болѣе и болѣе укрѣплять убѣжденіе, что Господь твой хранитель, твоя защита, твоя сила. Ввѣряйся же всецѣло въ водительство Господа, всего себя отдавай Ему и такъ всегда молись и чувствуй, что если не Господь, то ты на каждомъ шагу могъ бы погибнуть. Господи, будь же Ты мой покровитель, на Тебя надѣюсь, къ Тебѣ очи мои возвожу! Если-бы не Ты, то я давно бы не существовалъ.

†

Святитель Меѳодій Патарскій говоритъ, что даже въ томъ обстоятельствѣ, что тѣло наше подвергается тлѣнію, нужно усматривать милость Божію. Тѣло наше со всѣми своими чувствами бываетъ причиною, или лучше сказать, органомъ всѣхъ нашихъ грѣховъ—голова дурныхъ помысловъ, сердце чувствъ, руки дѣлъ, но вотъ все это истлѣваетъ и этимъ до нѣкоторой степени потребляются содѣланные нами черезъ указанные органы, грѣхи такъ что наше тѣло воскреснетъ дѣйстви-

тельно уже въ обновленномъ видѣ, свободнымъ отъ узъ грѣховной плоти.

†

Когда переживешь благополучно какое-либо искушеніе, то чувствуешь необыкновенную легкость, просторъ въ сердцѣ. И, наоборотъ, поддашься искушенію,— свяжешь свою душу, какъ бы клещами, отъ которыхъ нужно будетъ высвобождаться раскаяніемъ, сокрушеніемъ, укорененіемъ, слезною молитвою ко Господу.

†

Когда умираетъ человѣкъ во цвѣтѣ лѣтъ или, какъ говорятъ, безвременной кончиной, то невольно задаешь себѣ вопросъ: почему такъ рано умеръ этотъ человѣкъ?— вѣдь, другіе доживаютъ до старости, когда и сами начинаютъ ожидать смерти и окружающіе легко примиряются, въ случаѣ послѣдуетъ ихъ кончина? Впрочемъ, когда умираетъ какой-либо несчастный страдалецъ, больной, бѣдный или злой человѣкъ, то мы находимъ оправданіе такой смерти и говоримъ: слава Богу— Господь взялъ его, прекратились его страданія; а когда злодѣй умираетъ, мы даже радуемся и думаемъ, что со смертію его будетъ меньше зла на землѣ. Но, вотъ, когда умираетъ безвременно рабъ Божій, человѣкъ добрый, полезный и счастливый, что тогда сказать, какъ примириться съ его смертію? О кончинѣ такихъ людей Слово Божіе говоритъ: „да не измѣнитъ злоба разума его или лесть не прельститъ сердца его, угодны были Богу дѣла его, вотъ почему онъ изъятъ изъ среды лукавствія". Это значитъ, если бы этотъ добрый человѣкъ продолжалъ жить на землѣ, то злоба- грѣхъ могъ бы поколебать его разумъ, коварство могло овладѣть его сердцемъ, ибо пока живъ человѣкъ—всегда онъ можетъ измѣниться въ дурную сторону, но Господу былъ пріятенъ этотъ добрый человѣкъ, вотъ почему Господь и взялъ его къ Себѣ, не мѣсто ему было жить среди развращеннаго міра.

†

Какая сильная связь нашего духовнаго устроенія съ свободой нашего сердца отъ плотскихъ привязанностей, чувствъ и услажденій! Нѣтъ послѣднихъ и настроеніе твое высоко, духовно, радостно и молитвенно. Одолѣваешься ты плотскими чувствами и настроеніе твое бываетъ подавленное, низменное, богомерзкое, скверное, противное. Поистинѣ, чистота отъ плотскихъ чувствъ есть источникъ, корень духовнаго роста человѣка. Отсюда понятно все стараніе преподобныхъ отцевъ хранить себя въ чистотѣ и цѣломудріи. Отсюда понятны и такія требованія св. Православной Церкви, какъ безбрачіе епископовъ, которые должны быть во всемъ свѣтильниками своему стаду.

†

Одна 95 лѣтняя старушка поразила меня своимъ глубокимъ переживаніемъ любви Божіей къ человѣку. Она говорила: „я чувствую такую любовь Господа ко мнѣ грѣшной, что даже страхъ меня беретъ, какъ Господь можетъ меня такъ сильно любить недостойную. Представляю я, съ одной стороны, любовь Божію безконечную, реальную, а, съ другой, свое ничтожество, грѣховность,—и стыжусь себя, своей наготы душевной, и плачу отъ умиленія. Любовь Божія мое сердце умягчаетъ и растаеваетъ, какъ огонь воскъ“.

†

Гордость —врагъ всякаго прогресса. Гордость, какъ завѣсой застилаетъ намъ доступъ къ расширенію какихъ бы то ни было знаній, ибо гордый думаетъ, что онъ все уже знаетъ, а потому отказывается выслушивать и учиться у другихъ.

†

На дняхъ я посѣтилъ въ Москвѣ Хитровъ рынокъ, гдѣ живетъ людъ безработный. Въ помѣщеніи Народ-

ной Трезвости отслужилъ молебенъ. Пѣли обитатели сего мѣста, пѣли хорошо, такъ какъ здѣсь проживаетъ много опустившихся на дно пѣвчихъ. Послѣ молебна я похвалилъ пѣвцевъ и между прочимъ случайно спросилъ ихъ, а почему бы вамъ не пѣть въ церкви. „Одеженки приличной у насъ нѣтъ", сказали они мнѣ, „а въ нашей на клиросъ не пускаютъ". Объ этомъ напечатано было въ газетахъ. И что же, черезъ нѣсколько дней послѣ этого пришелъ ко мнѣ одинъ добрый человѣкъ, не пожелавшій открыть свое имя, и передалъ мнѣ пакетъ съ деньгами, съ надписью: „на одежду пѣвчихъ Хитрова рынка". Въ пакетѣ оказалось 500 рублей. Слава Богу! Не перевелись еще у насъ на Руси истинные евангельскіе благодѣтели, которые ищутъ благотворить не только тайно, но и черезъ епископа, полагая въ этомъ какъ бы особую духовную пріятность благотворенія. И въ первые вѣка христіанства такъ именно и было. Епископъ являлся не только душепопечителемъ своихъ пасомыхъ, но заботился и о внѣшнемъ, матеріальномъ ихъ благополучіи. Какъ несправедливы поэтому тѣ, которые подымаютъ вопросъ о денежныхъ средствахъ епископа. Не объ этомъ нужно говорить и думать, а вникать, какъ епископъ пользуется этими средствами. Чѣмъ больше матеріальныхъ средствъ у епископа, тѣмъ больше онъ можетъ благотворить—а за это нужно только Господа благодарить.

†

Окружающая толпа имѣетъ какое-то мистическое на насъ вліяніе. Когда ты въ народѣ, когда вокругъ тебя суетятся, или когда на тебя направлено вниманіе толпы, ты чувствуешь какіе-то тиски, сдавленность, несвободу духа. Но, вотъ, толпы нѣтъ, вниманіе отъ тебя отвлечено и ты развязанъ, освобожденъ отъ этихъ оковъ. Это чувство каждый разъ я переживаю, когда по какимъ-нибудь причинамъ народу прекращаютъ доступъ въ Кремль и нашъ дорогой Чудовъ монастырь

остается въ скитскомъ уединеніи. Какъ легко, свободно тогда бываетъ на душѣ! И кажется—вліяніе окружающей толпы на нашъ духъ такъ ощутительно, что, если бы тебя посадили въ домъ съ запертыми окнами и дверями, а вокругъ этого дома стояла бы толпа и говорила бы о тебѣ, — ты, навѣрное, чувствовалъ бы стѣсненность, несвободу духа, хотя бы и не доносилось до тебя говора и ты бы не зналъ о присутствіи около тебя людей.

†

Если ты отражаешь внутреннія боренія, то когда они оканчиваются, наступаетъ въ твоемъ сердцѣ необыкновенное спокойствіе, миръ, тишина и это вѣрный признакъ того, что брань пережита тобою благополучно, что ты хотя и страдалъ и изнемогалъ отъ этой брани, но не желалъ поддаваться дурнымъ влеченіямъ, сознавалъ всю ихъ гнусность, боролся и сколько могъ отражалъ ихъ.

†

Мирное, спокойное, ровное настроеніе духа — почва для духовнаго дѣланія, для высшихъ духовныхъ созерцаній. Знаетъ это врагъ рода человѣческаго—и, вотъ, всѣми мѣрами старается волновать, смущать нашу душу. То онъ воздвигаетъ мысленную брань, то повергаетъ насъ въ скуку, печаль, уныніе, то приводитъ насъ въ раздраженіе и гнѣвъ, то вселяетъ въ насъ много попечительность о земномъ, бренномъ и т. п.,—этимъ равновѣсіе нашего душевнаго настроенія теряется и тѣмъ тормазится нашъ духовный ростъ. А потому, когда видишь мирно-спокойно настроеннаго человѣка, то знай—онъ обладаетъ великимъ даромъ, великимъ сокровищемъ, на которое онъ можетъ многое купить для спасенія своей души.

†

Когда была объявлена война съ нѣмцами, то почувствовалась сразу какая-то необычайная на душѣ

теплота. Какъ при наступающей грозѣ — трепещешь, раскаты грома и блескъ молніи наводятъ страхъ, а когда гроза настанетъ, то, затаивъ дыханіе, только ждешь и молишься, какъ бы она благополучно миновала, такъ и при войнѣ. Вначалѣ томленіе, нудное состояніе духа а затѣмъ выжидательное положеніе съ крѣпкимъ желаніемъ скорѣйшаго и счастливаго для насъ исхода войны.

†

Чистота, цѣломудріе привлекаютъ благодать Божію. Въ указанныхъ нравственныхъ качествахъ сокрыта сила духовная, благодатная, подобно тому, какъ въ волосахъ Сампсона содержалась сила физическая. Потерялъ Сампсонъ волосы и лишился силы своей; потеряй чистоту, цѣломудріе и ты лишишься благодати Св. Духа. Жизнь подвижниковъ много объ этомъ свидѣтельствуетъ. Сказанное—непреложная истина.

†

Русь Святая! Не въ томъ смыслѣ, что она по жизни высока, а, какъ говоритъ славянофилъ Хомяковъ, ея идеалъ быть святой. И, дѣйствительно, если обратить вниманіе на черты, свойства, характеръ русскаго человѣка, его смиреніе, кротость, терпѣніе, простоту, принять въ разсчетъ, что Русь православная, то дѣлается понятнымъ названіе ее святой. Въ историческихъ своихъ судьбахъ Русь многое осуществила и продолжаетъ осуществлять изъ своего идеала: „святость“. Какъ, поэтому, ей нужно дорожитъ всѣми завѣтами предковъ хранить свои основы жизни, держаться св. Православной вѣры, ибо потерять все это—значитъ, потерять и свой идеалъ: „святость“.

†

Почему мы стремимся къ общенію съ духовно-нравственными людьми и особенно усиленно о нихъ мо-

лимся? Первое, пожалуй, понятно. Есть пословица: „скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ, а я тебѣ скажу, кто ты таковъ". Человѣкъ по природѣ своей не можетъ не любить добра и гдѣ онъ видитъ его проявленіе, туда льнетъ и его сердце. Но, вотъ, казалось бы молиться намъ нужно болѣе о грѣшникахъ, чѣмъ нравственно-порядочныхъ людяхъ. А между тѣмъ выходитъ какъ бы наоборотъ. Услышитъ русскій человѣкъ о какомъ нибудь старцѣ, подвижникѣ и начинаетъ его записывать въ свои помянники, поминаетъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Какъ это явленіе объяснить? Здѣсь опять проявляется любовь христіанина къ добру.

Молясь за праведныхъ людей, мы этимъ самымъ какъ бы сами желаемъ причаститься ихъ блаженному состоянію, а вмѣстѣ заручиться ихъ предстательствомъ предъ Господомъ Богомъ за насъ грѣшныхъ, когда они войдутъ въ Небесный Чертогъ.

†

Смиреніе, терпѣніе, кротость — какіе это благоухающіе цвѣты въ букетѣ нравственнаго міропорядка! Эти добродѣтели настойчиво и постоянно внушаетъ намъ св. Православная Церковь. И, если ты, святая Церковь, зиждешь на такихъ чудесныхъ добродѣтеляхъ наше спасеніе, то какъ ты высока, какъ ты свята, какъ ты несравнима ни съ какими другими исповѣданіями! Будь же ты милой, любезной всегда моему сердцу, св. мать наша Провославная Церковь!

†

Во время одной скорби я такъ дерзнулъ молиться ко Господу: „Господи! я чувствую все свое безсиліе, все ничтожество, всю свою безпомощность. Ты же однимъ мановеніемъ все можешь совершить, припадаю къ Тебѣ и молитвенно взываю — помоги мнѣ, я лежу у Твоихъ ногъ и до тѣхъ поръ буду лежать, пока Ты

мнѣ не поможешь. Больше того: я даже, что страшно выразить словами, требую отъ Тебя помощи. Требую потому, что знаю, что Ты только одинъ силенъ помочь мнѣ". И почувствовало мое сердце послѣ такой молитвы, что Рука Божья коснулась моего существа и отъяла отъ меня скорбь.

†

Когда ты бываешь въ бореніяхъ, страдаешь, нудно тебѣ отъ нихъ бываетъ, когда ты даже нѣсколько поддаешься искушеніямъ и отъ этого еще больше скорбишь, молишься и плачешь, пользуйся всѣмъ этимъ для выработки въ себѣ смиреннаго чувства, покорности волѣ Божіей и твердой рѣшимости всѣми силами всегда бороться со грѣхомъ — этимъ врагомъ нашей духовной, стремящейся къ Богу, природы.

†

Возможно ли въ міру спастись?

Часто приходится слышать — трудно спастись въ міру, много тамъ соблазновъ и всякаго рода суеты. Дѣйствительно справедливо, что міръ ставитъ много препонъ для спасенія. Вы сейчасъ въ храмѣ, мысль ваша направлена на святое, сердце ваше легко здѣсь можетъ подвигнуться на доброе, но выйдете изъ храма, пойдете на шумную улицу столицы,—и вы почувствуете, какъ сейчасъ же васъ охватитъ круговоротъ житейской суеты. Здѣсь вы увидите заносчивыя, гордыя, насмѣшливыя лица, увидите блескъ, и сразу станетъ въ вашемъ сердцѣ какъ-то пусто, холодно, непривѣтливо.

Представьте же себѣ, что можетъ быть съ человѣкомъ, который постоянно вращается въ мірской суетѣ?

Она его всего можетъ поглотить, сдѣлать рабомъ своимъ. Вѣдь, говорятъ же — среда заѣдаетъ, засасываетъ. У мірского человѣка легко духовные интересы отходятъ въ сторону и, если когда проявляются, то большею частію случайно, подъ вліяніемъ скорби, бо-

лѣзни, смерти близкихъ и другихъ превратностей нашей жизни. Теперь всѣми признается, что міръ осуетился, развратился и забылъ Бога. А потому, если когда, то въ настоящее время въ особенности трудно спасаться въ міру.

Но, возлюбленные,—удивительное явленіе! Какъ ни развращенъ міръ, какъ ни много онъ имѣетъ соблазновъ, а, посмотрите,—и въ міру во всѣхъ сословіяхъ и классахъ общества, во всѣхъ званіяхъ и положеніяхъ есть еще люди, ревнующіе о благочестіи, есть добрые христіане.—Они попадаются въ семьѣ, въ рабочихъ организаціяхъ, въ простыхъ и въ высшихъ интеллигентныхъ кругахъ. Предъ нами семья осуетившаяся, невѣрующая. Нѣтъ здѣсь добраго примѣра отъ родителей, нѣтъ выдержки у дѣтей. Веселье, удовольствіе, свободомысліе занимаютъ всѣхъ; но, вотъ, одинъ изъ членовъ этой семьи стоитъ особнякомъ, онъ, какъ-бы чужой для нея, онъ сосредоточенъ въ себѣ, не любитъ свѣтскихъ удовольствій, а интересуется всѣмъ духовнымъ. Всѣ родные его забыли церковь и пренебрегаютъ ея установленіями, а онъ любитъ бывать въ храмѣ Божіемъ и является послушнымъ сыномъ Церкви святой. На фабрикахъ, въ разнаго рода мастерскихъ какія условія для жизни! Несдержанность въ словѣ и дѣлѣ, дерзкое, отчаянное, развязное настроеніе духа, всякаго рода плотоугодіе,—вотъ, атмосфера, въ которой вращается простой нашъ рабочій людъ. Кажется, въ такой обстановкѣ нельзя найти ничего добраго. Если здѣсь пропитаніе общее, артельное — то, значитъ, тутъ и несоблюденіе постовъ. Если здѣсь общія помѣщенія, такъ называемыя спальныя, то тутъ нѣтъ мѣста для богомыслія и молитвы. Если здѣсь работаютъ совмѣстно мужчины и женщины, то тутъ поводъ для дурныхъ помысловъ, словъ—возможенъ и развратъ. Но, опять, и среди рабочаго класса, какіе бываютъ добрые, примѣрные люди! Есть такіе, которые умудряются даже въ указанной обстановкѣ и посты хранить и цѣломудренно жить. Намъ приходится встрѣчать рабочихъ, которые,

живя въ общихъ помѣщеніяхъ, дѣлаютъ изъ своей койки какъ-бы келліи. Трудно выставить имъ на виду святыя иконы,—тогда они хранятъ ихъ въ изголовьѣ своей постели; трудно имъ молиться, когда всѣ въ спальной бодрствуютъ, шумятъ и безчинствуютъ, тогда они ночью встаютъ на молитву и у постели своей изливаютъ чувство вѣры и любви къ Господу; трудно имъ соблюдать посты, ибо каждый не имѣетъ возможности себѣ въ отдѣльности готовить пищу, такъ какъ для этого нѣтъ ни времени, ни приспособленій, тогда они въ постъ пробавляются сухояденіемъ—хлѣбомъ, водой, да еще кое-чѣмъ. А высшій чиновничій, дворянскій, ученый кругъ? Самая обстановка жизни этого круга убиваетъ всякую религіозность. Изнѣженность отъ самаго дѣтства, препровожденіе времени въ свѣтскихъ удовольствіяхъ, театрахъ, вечеринкахъ, гуляньяхъ, танцахъ, картежной игрѣ, постоянное чтеніе газетъ и книгъ либеральнаго характера, гдѣ и вѣра наша осмѣивается, гдѣ и Святая Церковь оскорбляется,—вотъ условія, въ которыхъ живетъ теперешнее наше интеллигентное общество. Но, опять, и здѣсь бываютъ поразительнѣйшіе примѣры религіозности. Насъ не разъ до глубины души трогало слѣдующее обстоятельство. Бывало, поѣдешь въ глухую, тихую, святую обитель,—пустынь. Зимнее время. Проѣздъ до пустыни затруднительный. Остановишься въ монастырской гостинницѣ. Мертвая тишина въ ней. Но, вотъ, обнаруживается, что кое-кто остановился—узнаешь, знакомишься, и что же оказывается? Какой нибудь докторъ, преподаватель, студентъ или иной интеллигентный человѣкъ пріѣхали сюда отдохнуть душой, открыться на исповѣди во всемъ батюшкѣ-старцу, искренно поговѣть и причаститься Святыхъ Животворящихъ Таинъ Христовыхъ. Это люди, хотя и интеллигентные, но крѣпко вѣрующіе. Они живутъ въ городахъ, въ условіяхъ весьма неблагопріятныхъ для удовлетворенія своихъ религіозныхъ запросовъ. По временамъ у нихъ является желаніе всею душею отдаться Господу, подумать о себѣ, крѣпко помолиться. Нельзя этого сдѣ-

лать среди житейской сутолоки; вотъ, они и уединяются въ тихую обитель, гдѣ такъ все располагаетъ къ богомыслію и молитвѣ. И, замѣтьте, съ какимъ усердіемъ, съ какимъ смиреніемъ они во время пребыванія здѣсь подчиняются монастырскому порядку, съ какою любовію относятся къ насельникамъ св. обители. И среди учащейся молодежи, несмотря на охватившее ее теперь свободомысліе и невѣріе, и среди военныхъ, при ихъ веселости и разгульной жизни, среди богатыхъ, ученыхъ и простыхъ,—вездѣ, вездѣ можно встрѣтить добродѣтельныхъ людей. Значитъ, возлюбленные, жизнь въ міру не исключаетъ возможности достигать добродѣтельной жизни. И святая Церковь наша прославляетъ многихъ угодниковъ, пожившихъ въ міру благочестно. Преподобный Захарій былъ шорникомъ, преподобный Маркъ—могильщикомъ, святый Александръ епископъ—угольщикомъ, святый Вонифатій отправлялъ должность слуги, св. Павлинъ, епископъ Команскій, добровольно продалъ себя въ рабство и несъ тяжелые труды раба, св. Евхаристъ былъ пастухомъ. Остановимся на жизни св. Евхариста. О немъ повѣствуется слѣдующее: двумъ старцамъ, жившимъ въ пустыни, было возвѣщено, что они далеко не сравнялись въ святости съ простолюдиномъ Евхаристомъ и женой его Маріей, живущими близъ Египта. Иноки пошли отыскивать этихъ людей и скоро нашли ихъ. Евхаристъ привѣтливо принялъ странниковъ, умылъ имъ ноги и предложилъ вкусить пищи. „Нѣтъ“, сказали монахи: „ты сначала повѣдай свои добрыя дѣла, мы ради сего духовнаго брашна пришли къ тебѣ, а потомъ вкусимъ у тебя пищи.“ Евхаристъ смиренно отвѣчалъ: „Не знаю, какія у меня добрыя дѣла—я простой пастухъ,—живу съ женой въ деревнѣ“.—„Самъ Богъ послалъ насъ узнать твою жизнь; скажи намъ, не дѣлаешь ли чего-либо особеннаго?“ — „Если съ такою цѣлью вы пришли, то повѣдаю вамъ мою жизнь: я пасу овецъ, которыхъ получилъ отъ родителей, и прибыль отъ нихъ дѣлю на три части; одну—расходую на церковь и бѣдныхъ, другую на при-

нятіе въ домъ пастырей духовныхъ и странниковъ, третью употребляю на свои нужды. Съ женою мы хранимъ чистую жизнь; каждодневно молимся Богу, носимъ грубую одежду, ѣдимъ простую пищу, не знаемъ ссоръ и брани." Услышавъ это, старцы прославили Бога и, получивъ назиданіе, удалились во свояси.

Обратите вниманіе, возлюбленные, на черты жизни св. Евхариста въ міру: это—вѣра въ Господа, преданность Ему и затѣмъ простая, скромная, нравственная жизнь. Какихъ либо подвиговъ мы здѣсь не видимъ. Да, прежде всего, чтобы, живя въ міру, быть добродѣтельнымъ, нужна вѣра въ Бога. Вѣровать можно при всякихъ условіяхъ жизни, при всякой обстановкѣ. Вѣра—внутренній актъ нашей жизни, внѣшнія обстоятельства, при нашей силѣ воли, не въ состояніи ея сдвинуть. Намъ, пожалуй, не дадутъ молиться, не пустятъ въ храмъ, заставятъ быть свидѣтелями веселья и разнаго рода непотребствъ, не дадутъ намъ положенной Церковію пищи, но вѣры, если мы захотимъ, никто у насъ не уничтожитъ. Пусть вокругъ меня развращеніе, а я вѣрую въ Бога, преданъ Ему всей душей и внутри сердца моего всегда молюсь Ему и каюсь.

Вы говорите, трудно въ міру спасаться среди соблазновъ и суеты. Позвольте же мнѣ вамъ теперь предложить совѣтъ. Не теряйте никогда вѣры въ Господа, не слушайте, когда проповѣдуютъ вамъ противное вѣрѣ и Церкви, не поддавайтесь никакимъ непризваннымъ проповѣдникамъ. И если вы сохраните вѣру, не ослабѣете въ ней, то для васъ, далѣе, открывается возможность бороться со всѣми мірскими искушеніями. Вѣра понудитъ васъ итти въ церковь, вѣра отвлечетъ отъ разгула и удовольствій, вѣра заставитъ блюсти постъ, вѣра подвигнетъ на милостыню и любовь къ ближнимъ, вѣра пріучитъ къ сдержанности въ словахъ и поступкахъ, вѣра приведетъ васъ къ сознанію грѣховности, своей немощи, вѣра научитъ васъ постоянно внимать себѣ, каяться и часто прибѣгать къ принятію Св. Животворящихъ Таинъ Христовыхъ. Укрѣпитесь въ вѣрѣ

и жизнь ваша улучшится въ нравственномъ отношеніи; укрѣпитесь въ вѣрѣ и вы будете трезвыми, добрыми труженниками въ міру, сдѣлаетесь потомъ и наслѣдниками Царства Небеснаго. Аминь.

†

„Молю убо васъ... достойно ходити званія, въ неже звани бысте"... (Ефес. IV гл. 1 ст.).

По слову апостола Павла во всякомъ званіи и положеніи возможно спастись, а званій и положеній этихъ безчисленное множество. Одни изъ насъ — знатные, другіе—простые; одни—богатые, другіе бѣдные; одни живутъ въ шумныхъ городахъ, другіе—въ тиши сельской и деревняхъ. Сообразно съ этимъ различны условія для спасенія болѣе благопріятныя и менѣе. Что касается насъ съ вами, насъ жителей столицы, то мы, повидимому, имѣемъ самыя неблагопріятныя условія для спасенія. Въ самомъ дѣлѣ, что представляетъ изъ себя столица?—Здѣсь, прежде всего, бываетъ скопленіе богатствъ въ рукахъ отдѣльныхъ людей. И такъ какъ въ столицѣ можно найти всѣ предметы роскоши, то богатые, пріобрѣтая ихъ, начинаютъ утопать въ нѣгѣ и черезъ то теряютъ святую простоту. Съ другой стороны, люди недостаточные, черезъ дороговизну столичной жизни, впадаютъ въ крайную бѣдность, а гдѣ бѣдность, тамъ часто гнѣздится и порокъ. Далѣе, въ столицѣ процвѣтаетъ промышленная и фабричная дѣятельность. На фабрикахъ, мастерскихъ, заводахъ массами собирается молодой народъ, и подобное собраніе весьма неблагопріятно для нравственности собирающихся. Гдѣ молодая компанія, тамъ — разгулъ, тамъ — безчинства, тамъ и безобразные разговоры. Здѣсь много значитъ еще оторванность отъ семьи. Семья, какъ извѣстно, сдерживаетъ, смиряетъ человѣка. Въ семьѣ хозяинъ въ праздникъ находитъ себѣ отдохновеніе и утѣшеніе. Не

то фабричный... Послѣ работы, гдѣ онъ найдетъ себѣ отдохновеніе, чѣмъ восполнитъ онъ свое одиночество? Вотъ и идетъ онъ разгонять свою скуку виномъ и разгуломъ... Наконецъ, столичный блескъ, сутолока, усиленная борьба за существованіе на каждаго изъ насъ дѣйствуютъ весьма неблагопріятно. Столица заставляетъ насъ жить внѣшними впечатлѣніями, жить, что называется „во внѣ", оставляя въ сторонѣ нашъ внутренній міръ, для котораго требуется уединеніе, тишина, сосредоточенность. Въ такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ для спасенія находимся мы, жители столицы. Но, какъ сказано, по слову апостола,—„во всякомъ званіи и положеніи возможно спастись". Значитъ и мы не лишены совершенно средствъ нравственно преуспѣвать, жить по Закону Христову. Такъ, прежде всего, извѣстно, что, гдѣ больше искушеній и соблазновъ, тамъ больше и средствъ для выработки нравственнаго характера. Грѣховное искушеніе для души то же, что физическое препятствіе для тѣла. Преодолѣвъ послѣднее, тѣло пріобрѣтаетъ ловкость, и оно дальше не такъ уже страшится его; преодолѣвъ и искушеніе, душа подвигается на шагъ впередъ въ дѣлѣ нашего нравственнаго роста. Искушеніе—то же, что холодъ, морозъ для тѣла. Опасенъ холодъ для насъ, ибо черезъ него мы легко можемъ простудиться, но въ то же время черезъ него закаляется нашъ организмъ. Такъ и черезъ всякое отраженное искушеніе укрѣпляется въ добрѣ наша душа. Во вторыхъ, въ столицѣ та суета, та внѣшность, которая такъ насъ увлекаетъ и портитъ, можетъ производить и обратное дѣйствіе. Она можетъ насъ вести къ убѣжденію, что не во внѣшнемъ благополучіи—сущность для человѣка. „Преходитъ убо плоть, подобаетъ же прилежати о души вещи безсмертной", поемъ мы преподобнымъ. Все внѣшнее - - скоропреходяще. И богачей постигаетъ общая участь—смерть и тлѣніе. И они, послѣ роскошныхъ помѣщеній, послѣ роскошнаго стола, послѣ почета и уваженія очутятся въ той же, общей для всѣхъ, тѣсной, холодной, сырой могилѣ. Далѣе,

въ столицѣ лучше, чѣмъ гдѣ либо, можно исполнять заповѣдь Христову о служеніи ближнему. Возьмемъ ли твореніе милостыни. — Сколько въ столицѣ нужно имѣть больницъ, чтобы всѣ больные могли находить себѣ пріютъ, а между тѣмъ часто приходится отъ больныхъ слышать: „Не принимаютъ нигдѣ въ больницу, говорятъ: мѣста нѣтъ". Значитъ у насъ еще есть недостатокъ въ больницахъ, значитъ заповѣди Христовой о служеніи больнымъ мы, жители столицы, еще не исполнили въ совершенствѣ. Возьмемъ ли утѣшеніе ближняго... Но гдѣ, какъ ни у насъ, много скорбящихъ, разстроенныхъ и подавленныхъ жизнью. Не они ли нуждаются въ утѣшеніи, ободреніи, успокоеніи? Наконецъ, укажемъ еще на слѣдующую благопріятную сторону жизни въ столицѣ нашей. Здѣсь, какъ извѣстно, центръ православія. Сколько у насъ святынь, самыхъ близкихъ, самыхъ дорогихъ для русскаго сердца! Сколько у насъ св. мощей, сколько чудотворныхъ иконъ! Здѣсь каждый можетъ получать духовное утѣшеніе. Здѣсь нѣтъ надобности долго искать святыни. На каждой улицѣ, на каждомъ перекресткѣ у насъ красуется храмъ Божій, гдѣ приходящему подаются благодатные дары Св. Духа. Итакъ, мы, жители столицы, не лишены условій для нравственнаго преуспѣнія. Нужно только жить со Христомъ, а жить съ Нимъ можно вездѣ, гдѣ бы мы ни были. Будемъ ли мы находиться высоко на горѣ, на свободѣ, будемъ ли мы сдавлены и ввержены въ пропасть, будемъ ли мы жить въ городѣ или скитаться въ пустыни, въ семьѣ, въ одиночествѣ, на сушѣ, на морѣ — вездѣ мы можемъ быть со Христомъ, вездѣ мы можемъ носить Его въ своемъ сердцѣ. А что это такъ, приведу я вамъ слѣдующій разсказъ. Есть такъ называемыя шахты. Это — участки земли, гдѣ добываются различнаго рода минералы—желѣзная руда, каменный уголь и т. п. Шахты представляютъ изъ себя длинные подземные корридоры, которые постепенно продѣлываются отъ добытаго минерала. Работа на шахтахъ — весьма тяжелая и унылая. Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ—

копаться въ глубинѣ земли въ удушливомъ воздухѣ, при слабомъ свѣтѣ лампочки, при этомъ копаться одному, ибо каждый рабочій долбитъ свой корридоръ. Днемъ шахтичъ работаетъ въ подземельи, ночью, хотя онъ и выходитъ наружу, но вслѣдствіе наступленія ночи также не видитъ Божьяго свѣта, такъ что для него стоитъ какъ-бы вѣчная ночь, что весьма не благопріятно отражается на его характерѣ. Мрачною ночью дѣлается его душевное настроеніе. Работающіе на шахтахъ обыкновенно бываютъ мрачны, угрюмы, грубы и склонны къ грубочувственнымъ поступкамъ. Но вотъ на однѣхъ изъ южныхъ шахтъ среди подобнаго рода рабочихъ выдѣлился одинъ старикъ, давно уже здѣсь работавшій. Страннымъ онъ казался для всѣхъ. Онъ ни съ кѣмъ не водилъ компаніи, а жилъ самъ по себѣ... Его никто никогда не видалъ разговаривающимъ съ кѣмъ либо. По окончаніи работы, медленно онъ шелъ въ свою убогую лачугу на покой, а придетъ утро – раньше всѣхъ направлялся на работу въ подземелье, при этомъ всегда онъ что-то бормоталъ... Прошло много лѣтъ жизни на указанныхъ шахтахъ. Все, повидимому, шло благополучно. Но, вотъ, однажды, для шахтъ выпалъ злополучный день. Рабочіе, по обыкновенію, утромъ спустились въ свои корридоры и старикъ съ ними. Долго ли, мало ли они тамъ работали, только вдругъ раздался страшный гулъ въ подземельѣ. Произошелъ взрывъ газа (что бываетъ иногда въ шахтахъ); послѣдовало во многихъ мѣстахъ разрушеніе. Послышались крики и стоны придавленныхъ и погибающихъ рабочихъ. Оставшіеся въ живыхъ бросились къ выходу, но не могли уже его найти. Нѣсколько человѣкъ, между прочимъ, сбѣжались въ помѣщеніе, куда подвозили на телѣжкахъ руду, и между этими сбѣжавшимися рабочими оказался загадочный старикъ. Не слышавшіе отъ него прежде ничего, рабочіе теперь услышали слѣдующую рѣчь старика: „Вотъ Онъ, мой Спаситель, вотъ Онъ, пойдемте — Онъ выведетъ насъ". Съ этими словами старика рабочіе двинулись впередъ. Труденъ былъ ихъ путь... Имъ

приходилось переступать черезъ погибшихъ товарищей, разгребать груды каменьевъ. А, вотъ, встрѣтилось и такое препятствіе: рабочіе подошли въ упоръ къ стѣнѣ... Дальше идти было некуда. Назадъ ворочаться—то же значило, что идти на вѣрную смерть, ибо много они уже преодолѣли на пути препятствій. Положеніе ихъ было отчаянное. Но старикъ нашъ по-прежнему повторялъ: „Вотъ Онъ, мой Спаситель, Онъ выведетъ насъ", и съ этими словами первый сталъ бить ломомъ въ злополучную стѣну. Рабочіе слѣдовали его примѣру. Долго не поддавалась стѣна. У многихъ уже ослабли силы и они, прекративъ работу, лежали полумертвые. Но старикъ не ослабѣвалъ. Повторяя непрестанно: „вотъ Онъ, мой Спаситель", онъ употребилъ послѣднее усиліе —сильно ударилъ ломомъ въ стѣну и ломъ далеко проскользнулъ впередъ, причемъ изъ новаго отверстія полилась струя свѣжаго воздуха. Рабочіе поняли, что недалеко выходъ, пріободрились и скоро проломили стѣну. Еще нѣсколько они прошли, и вотъ старая полусгнившая забытая лѣстница кверху, а тамъ, надъ головами дыра съ виднѣвшимся желаннымъ голубымъ небомъ. Старикъ первый взошелъ по лѣстницѣ и выбился наружу; за нимъ послѣдовали остальные. Но, когда они вышли, то здѣсь сдѣлались свидѣтелями слѣдующей трогательной картины. Нашъ старикъ, продолжая повторять: „Вотъ Онъ, мой Спаситель, Онъ насъ спасъ", лежалъ съ поднятыми къ небу глазами и переходилъ въ вѣчность — онъ умиралъ. Скоро старикъ совсѣмъ умолкъ. Что же это былъ за старикъ? Это былъ человѣкъ, который и при столь неблагопріятныхъ условіяхъ, какъ жизнь на шахтахъ, съумѣлъ жить со Христомъ и черезъ то самъ не былъ погребенъ заживо въ землѣ и другихъ спасъ отъ подобной же смерти. Его жизнь была Христосъ... Его замѣчали что-то самому себѣ говорящимъ. Это онъ творилъ молитву, призывалъ прелюбезное имя Господа Іисуса... А когда онъ спускался въ шахты, онъ и здѣсь, имѣя передъ глазами лишь груды камня, умѣлъ и въ нихъ находить цѣле-

сообразность и красоту природы и продолжалъ непрестанно восхвалять премудраго Творца міра. Я передалъ этотъ разсказъ, чтобы показать, что вездѣ можно жить со Христомъ. Наша жизнь въ столицѣ, какъ я въ началѣ замѣтилъ, весьма неблагопріяна для духовной жизни. Мы здѣсь суетимся, мы здѣсь забываемъ часто Христа... Но пусть и столица не вырываетъ изъ нашего сердца Спасителя... Пусть Онъ всегда пребываетъ съ нами... Какое положеніе мы ни будемъ занимать здѣсь, рабочіе ли мы, торговцы, должностныя ли лица, пусть съ нами будетъ Христосъ, наше счастье, наша отрада, „ибо нѣтъ другого имени, подъ небомъ даннаго человѣкамъ, о немъ же подобаетъ намъ спастися“, (Дѣян. IV. 12) развѣ имени сладчайшаго Господа Іисуса, Которому подобаетъ всякая честь и слава во вѣки.

†

Что сіе видѣніе, возлюбленные братіе! Господь и Богъ нашъ, осужденный, какъ какой-либо преступникъ, терпитъ позорную крестную смерть и, какъ обыкновенный человѣкъ, предается погребенію. Ты ли это, Господи, который одѣваешься свѣтомъ, яко ризою, простираешь небо, яко кожу? Ты ли это, Господи, призираяй на землю, и творяй ю трястися: прикасаяйся горамъ и дымятся? (псал. С III, 2, 32). Вѣдь, Ты, Господи, приведый всяческая отъ небытія въ бытіе, Своею державою содержишь всю тварь, и Своимъ Промысломъ строишь весь міръ: Тебе поетъ солнце, Тебе славитъ луна, Тебѣ присутствуютъ звѣзды, Тебя трепещутъ бездны. Ангельскія силы Тебѣ служатъ. Архангельскія лица Тебѣ кланяются, многоочитіи херувимы и шестокрилатіи Серафимы, окрестъ стояще и обстояще, страхомъ неприступныя Твоея славы покрываются. Ты — Богъ неописуемъ и безначаленъ. Ты — нашъ Владыка и Творецъ. Мы же — Твои твари. Кто же Тебя, Господи, столь Преславнаго и Великаго, довелъ даже до распятія, даже до смерти? Да, мы же, мы—ничтожныя Твои твари. Человѣческій грѣхъ сдѣлалъ это. Ты, по Своей

милости и милосердію, не могъ болѣе терпѣть, видя мучимый отъ діавола родъ человѣческій. Ты не захотѣлъ, Творецъ нашъ и Господь, дабы мы погибли во грѣхѣ, а снова снисшелъ къ намъ — Твоимъ тварямъ, и потребилъ въ насъ этотъ, пребывающій отъ діавола, грѣхъ. Такъ, вотъ кто, — человѣческій грѣхъ, онъ довелъ Тебя, Господи, до крестныхъ страданій и смерти! Ты, проклятый грѣхъ, все это сдѣлалъ. Ты, грѣхъ, нѣкогда отвергъ меня отъ моего Господа и Творца; ты, грѣхъ, лишилъ меня рая; ты, грѣхъ, ввергъ меня въ бездну страстей, самыхъ сквернихъ, самыхъ нечистыхъ, оскверняющихъ богоподобную мою душу и тѣло и уподобляющихъ меня безсмысленнымъ скотамъ. Ты, грѣхъ, принесъ мнѣ болѣзни, скорби, слезы, страданія и, наконецъ, даже самую смерть. Это ты, грѣхъ, сдѣлалъ то, что уязвлена терновымъ вѣнцомъ глава Моего Господа за мои дурные, нечистые помыслы; это ты, грѣхъ, сдѣлалъ то, что прободено копіемъ ребро моего дражайшаго Спасителя за мои злонравныя чувства злобы, коварства и вражды: это ты, грѣхъ, сдѣлалъ то, что гвоздями изранены пречистыя руки и ноги моего Господа за мои дурныя дѣла и злыя дѣянія. Какъ же, послѣ этого, я долженъ возненавидѣть грѣхъ! Я тебя долженъ презирать, отъ тебя бѣжать, тебя ужасаться, ибо ты грѣхъ и мнѣ несчастье принесъ, и моего Господа и Творца довелъ до Креста... И если, возлюбленные братіе, безсиленъ былъ человѣкъ въ борьбѣ со грѣхомъ до крестной смерти Спасителя, если до нея онъ могъ только мучиться отъ грѣха, томиться, страдать, постоянно искать выхода изъ такого безотраднаго положенія и не находить, то что сказать о состояніи человѣка теперь? Правда, онъ и теперь слабъ, немощенъ и грѣховенъ, но у него уже есть Спаситель. Теперь, какъ бы онъ ни былъ грѣшенъ, онъ можетъ припасть къ Распятому за него Господу, — взирать на Него, молиться Ему, вопить къ Нему, обнимать подножіе креста своего Спасителя и Господа и не отходить отъ него до тѣхъ поръ, пока не потребитъ въ

себѣ грѣха. Но, Господи, неужели же и послѣ этого, какъ Ты искупилъ насъ отъ грѣха, проклятія и смерти, мы будемъ слѣдовать грѣху, насъ погубившему? Не будетъ ли это значить, что мы вторично будемъ распинать Тебя? О, несчастные мы люди! А въ дѣйствительности такъ и бываетъ. Тебя, Господи, распинаемъ... Ты намъ далъ и высочайшее званіе —христіанъ, Твоимъ крестомъ мы всюду стараемся ограждаться; крестъ, на которомъ Ты распялся, мы вездѣ стараемся ставить предъ собой, какъ напоминаніе о Тебѣ, Спасителѣ-Христѣ, и несмотря на это, льнемъ ко грѣху. Бѣдные же мы люди! Какъ мы неблагодарны, какіе мы измѣнники, какія мы злыя твари! Но, Господи, пошли намъ благодать возчувствовать всю свою скверну грѣховную и познать Твои благодѣянія къ намъ. Пошли намъ эту благодать, Господи! Тогда мы, дѣйствительно, будемъ врагами грѣха и присными Тебѣ, нашему Господу и Спасителю.

†

Предъ Своими страданіями Спаситель сказалъ ученикамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣмъ Своимъ послѣдователямъ: „Въ мірѣ скорбни будете“ (Іоан. XVI, 33). И, дѣйствительно, христіанина часто посѣщаютъ болѣзни, несчастія, скорби и бѣды. Что же? — Будемъ ли мы унывать и падать духомъ при всякомъ несчастіи? Нѣтъ, вспомнимъ, что, видя растлѣвшее грѣхомъ существо человѣческое, Господь, въ теченіи всей Своей жизни, глубоко страдалъ за всѣхъ насъ и, взявъ всего міра бремя грѣховное, Онъ и сейчасъ о всѣхъ печется и всѣмъ только и „хощетъ спастися и въ разумъ истины пріити“ (Тим. II, 4). Но для того, чтобы ввести насъ въ небесное Свое царство, Онъ уготовляетъ различные, Одному Ему вѣдомые, пути. Такъ, одному Господь даетъ путь тернистый и скорбный, другому же, наоборотъ, — болѣе легкій, счастливый, когда человѣку все благопріятствуетъ въ этой жизни. Но это только повидимому: опытъ показываетъ, что богатство и здоровье—

вообще счастье земное, нерѣдко, привязывая совершенно человѣка къ землѣ, отвлекаютъ его отъ Бога и, поэтому, заграждаютъ путь въ Царство Небесное, которое, по слову Спасителя, „нудится“ и только „нуждницы восхищаютъ е“ (Мѳ. XI, 12). А потому, терпишь ли ты невзгоды житейскія, болѣешь ли, — знай, что Господь не оставляетъ тебя, напротивъ, ты Его избранникъ. Быть можетъ, Онъ испытываетъ въ этихъ несчастіяхъ твою вѣру, и какое благо тебя ожидаетъ, если ты терпѣливо перенесешь ниспосланное тебѣ испытаніе! Вспомни Авраама, Іова, которые, подвергаясь тяжелому испытанію, не впадали, однако, въ унынiе, а, напротивъ, продолжали надѣяться на помощь Божію. „Господь далъ, Господь и взялъ: да будетъ имя Господне благословенно!“ (Іов. I, 21), говорилъ, среди постигшихъ несчастій, праведный Іовъ. По человѣческой немощи, правда, тяжело иногда переносить несчастія земныя, тяжело хоронить близкихъ сердцу людей, тяжело испытывать болѣзни! Слеза невольно катится у насъ изъ глазъ отъ печали и горя! Придетъ, напр., лѣто красное или праздникъ Господень, народъ веселится, ликуетъ, чувствуетъ силу, здоровье, дышетъ легко, а ты, быть можетъ, сидишь въ своей душной хижинѣ, томимый тяжкимъ недугомъ, кашляешь кровью, не можешь даже пройти нѣсколько шаговъ, глядишь въ окно, изнываешь духомъ и увлажаешь глаза свои слезами... А, вотъ, ты хоронишь близкаго твоему сердцу человѣка, вспоминаешь при этомъ, какъ вмѣстѣ съ умершимъ дѣлилъ ты радости и горе, вспоминаешь, далѣе, что больше не придется уже тебѣ видѣть его, что холодная могила скоро навѣки скроетъ его отъ твоихъ глазъ, и ты плачешь, тоска надрываетъ твое сердце... И мало ли въ жизни встрѣчается невзгодъ, когда невольно слезы катятся изъ нашихъ глазъ!.. Но, какъ бы ни велики были твои несчастья, не падай духомъ, не унывай, а надѣйся на милость Божію и постоянно въ сердцѣ своемъ повторяй: „Да будетъ воля Господня, Онъ – премудрый нашъ Отецъ!“

Утѣшай себя и той мыслью, что всему на землѣ придетъ конецъ, а въ томъ числѣ и твоему горю и несчастію. Да и есть ли на землѣ истинное счастіе? Тутъ все кропится слезами, скорбь — всѣмъ близкая родня и, между цвѣтами счастія, грусть таится, какъ змѣя... Скорбнымъ путемъ намъ опредѣлено идти въ Царство Небесное, только крестъ намъ небо отверзаетъ, только крестъ намъ блаженство даетъ, только тотъ, кто на землѣ засѣваетъ слезами, пожнетъ на небѣ съ улыбкой...

Но слезы наши должны быть невинны, въ нихъ не должно быть укора или ропота на Бога. Въ слезѣ должна мольба сіять, любовь струиться, надежда блистать... Утѣшай себя и тѣмъ, что за твое земное кратковременное страданіе Господь тебя наградитъ небеснымъ, вѣчнымъ веселіемъ... Есть и еще одно средство, которое облегчаетъ перенесеніе нами скорбей, бѣдъ и несчастій. Средство это—молитва. Болѣешь ли ты, терпишь ли утѣсненія, осиротѣлъ ли — во всѣхъ твоихъ несчастіяхъ усиль твою молитву, припади къ Спасителю, обойми подножіе Креста Господня, излей предъ Нимъ всю свою скорбь, все свое горе, воззови къ Нему въ сокрушеніи сердечномъ: „Боже мой, Боже мой! я немощенъ и скорбенъ, я изнемогаю подъ бременемъ несчастій земныхъ, помоги же мнѣ, Царь неба и земли, терпѣливо нести мой крестъ земной, направь всю жизнь мою на благое. При этомъ, твердо вѣрь, что Господь слышитъ тебя и продолжай молитву свою до тѣхъ поръ, пока на твоихъ глазахъ покажется слеза, пока ты почувствуешь въ душѣ своей миръ и успокоеніе, пока благодатное утѣшеніе, подобно тому, какъ бальзамъ, не разольется по всему твоему существу... Послѣ такой молитвы ты сдѣлаешься бодрымъ, почувствуешь крѣпость духа, ощутишь новыя силы для борьбы съ бѣдствіями твоей жизни. Тебя уже, потомъ, не будутъ страшить ни болѣзнь, ни бѣдность, ни сиротство. Итакъ, добрый христіанинъ, „когда тропой тернистой Господь ведетъ тебя—ступай; и лишь молитвой чистой

себѣ дорогу расчищай. Когда кругомъ тебя -лишенья, потери, скорби и бѣды, - въ колѣнопреклоненіяхъ себѣ отраду находи. Когда позоръ, проклятья на голову спадутъ, — молись ты у Распятья — замолкнутъ, побѣгутъ. Пусть на тебя весь міръ, всѣ люди ополчатся, а ты терпи, молись... Зачѣмъ въ бѣдѣ теряться? Нѣтъ, — бодрствуй и крѣпись! Страдалецъ, вѣрь въ спасенье; на Бога уповай и никогда не забывай, что Онъ за горе, за терпѣнье намъ обѣщалъ небесный рай".

†

Пресвятая Дѣва Марія удостоилась быть Матерію нашего Господа Іисуса Христа, а такъ какъ Господь называлъ вѣрующихъ въ Него Своею братіею (Евр. II гл. 11—12 ст.), то Пресвятая Дѣва Марія есть мать и всѣхъ насъ — христіанъ, есть мать всего рода христіанскаго. Предъ тѣмъ, какъ Ей отъ земли войти въ небесный чертогъ Сына Своего, Она, Царица Небесная, обѣщала Свой покровъ и заступленіе апостоламъ, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ намъ. „Не оставлю васъ сиры", говорила Она. И поистинѣ, Божія Матерь есть утѣшительница и заступница всѣхъ скорбящихъ и обремененныхъ. „Утоли болѣзни многовоздыхающія души моея, утоливша всяку слезу отъ лица земли", такъ молится, въ одной церковной пѣсни, страждущій нашъ братъ Божіей Матери. „Не имамъ иныя помощи, токмо Тебе, о Мати всѣхъ скорбящихъ"... „Царица Моя Преблагая, надежда моя Пресвятая, зриши мою напасть, зриши мою скорбь", воздыхаетъ христіанинъ, въ другихъ церковныхъ пѣсняхъ. А сколько онъ проливаетъ слезъ Божіей Матери безъ словъ и вдали отъ взоровъ человѣческихъ - въ несчастіяхъ и въ скорбяхъ!.. Христіанинъ и самыя чудотворныя иконы Пресвятыя Богородицы называетъ соотвѣтствующими получаемымъ отъ нихъ утѣшеніямъ именами: „утоли моя печали", то „взысканіе погибшихъ", то „всѣхъ скорбящихъ радости", то — „милующая". О чемъ же, возлюбленные

братіе, свидѣтельствуютъ всѣ эти многоболѣзненные вопли христіанина къ Божіей Матери и такія названія Ея чудотворныхъ иконъ? Не о иномъ чемъ, какъ о томъ, что съ одной стороны, дѣйствительно, много скорбей и несчастій приходится переносить христіанину въ этой жизни, а съ другой — о томъ, что во всѣхъ этихъ несчастіяхъ Божія Матерь является несомнѣнной Заступницей и покровительницей нашей. Насъ такъ часто поглощаютъ житейскіе интересы, собственное наше счастіе, что мы и не замѣчаемъ страдающаго, быть можетъ, близъ насъ брата. А между тѣмъ, возлюбленные, такихъ страдальцевъ въ мірѣ много... Если бы вынести наружу все то горе, какое переживаютъ люди, если бы представить его предъ нашими глазами, то здѣсь мы увидѣли бы цѣлые потоки слезъ, раздирающіе душу вопли и рыданія, которыя бы затопили и наполнили бы собою цѣлый міръ.

Вотъ, напримѣръ, подвалъ городского дома — грязный, темный, сырой... Свѣжему человѣку трудно въ немъ побыть и нѣсколько часовъ. Но и здѣсь ютятся бѣдные люди. Несчастная вдова съ малыми дѣтьми только здѣсь могла найти себѣ пріютъ. Не выдержало, однако, слабое тѣло женщины этой нищеты,—и бѣдная страдалица стала чахнуть, а, вотъ, она и совсѣмъ слегла. Ужъ она кашляетъ кровью, ужъ она, по временамъ, теряетъ сознаніе, а бѣдныя дѣти не понимаютъ, что мать ихъ умираетъ. Скоро и совсѣмъ затихла страдалица... Она умерла... И пришли чужіе люди и унесли трупъ умершей. А бѣдныя, бѣдныя дѣти — сироты; кто теперь имъ замѣнитъ мать, ея любовь и заботливость?.. А, вотъ, похоронная процессія... За гробомъ идутъ родные умершаго; на лицахъ ихъ отпечатлѣвается горе: но особенно безутѣшно скорбитъ молодой человѣкъ — онъ хоронитъ жену. Идетъ онъ за гробомъ, но ничего не видитъ предъ собою, ибо слезы великой скорби застилаютъ ему глаза, тѣснятъ его грудь, сжимаютъ его дыханіе. Вотъ, ужъ подошли къ нововырытой могилѣ и проситъ бѣдный страдалецъ еще разъ

поднять крышку гроба, онъ поправляетъ голову умершей, проситъ не особенно трясти гробъ, совершенно забывая о томъ, что хладный трупъ ужъ ничего не чувствуетъ... Еще мгновеніе, - и гробъ опускаютъ... И рвется несчастный страдалецъ къ могилѣ, онъ готовъ ринуться въ нее, готовъ рядомъ лечь съ умершей, но его удерживаютъ... А, вотъ, и еще картина людского горя, картина, которую намъ, однажды, пришлось наблюдать. Вокзалъ Всѣ въ ожиданіи прихода поѣзда. Народъ суетится. Кто ожидаетъ пріѣзда дорогихъ родныхъ и, поэтому, сердце ихъ наполнено чувствомъ радости. Кто горитъ нетерпѣніемъ скорѣе сѣсть на поѣздъ, который долженъ доставить ихъ въ родныя мѣста. Тутъ же можно замѣтить небольшую группу людей и посреди ихъ женщину. Послѣдняя невольно обращаетъ на себя вниманіе проходящихъ. Она находится въ какомъ-то изступленіи... То она что-то заговоритъ, то засмѣется, то вдругъ зарыдаетъ, то неистово вскрикнетъ... Видно, тяжелое несчастіе переживаетъ эта женщина. Но, вотъ, и поѣздъ подошелъ. Народъ засуетился; послышались привѣтствія радостной встрѣчи. Рванулась къ поѣзду и скорбящая эта женщина. Но что ей поѣздъ привезъ?!—Двери товарнаго вагона отворились и открыли ей безмолвный гробъ съ умершимъ ея мужемъ. Не выдержала несчастная страдалица и, какъ мертвая, упала наземь. Два мѣсяца тому назадъ мужъ ея заболѣвъ, отправился въ теплый край лѣчиться. Сильна была надежда у супруговъ на благополучный исходъ болѣзни. И, вотъ, теперь, несчастная жена встрѣчаетъ своего дорогого мужа бездыханнымъ, безмолвнымъ... И зачѣмъ много еще распространяться въ описаніи людского горя когда скорбь всѣмъ намъ близкая родня, когда на землѣ все кропится слезами... Возлюбленные слушатели! — добрые мои братіе и сестры! Да возымѣимъ любовь другъ къ другу! Сплотимся въ одно общество братское, дружное! Будемъ смотрѣть на каждаго человѣка, какъ на своего брата дорогого, близкаго намъ. Кто богатъ, пусть матеріально помогаетъ

страждущимъ, а кто не имѣетъ средствъ, тотъ пусть, по крайней мѣрѣ, любовію награждаетъ несчастныхъ. Ибо тогда, возлюбленные, легче будетъ всѣмъ намъ переносить скорби и печали сей земной жизни. Вы знаете, что горе наше уменьшается, когда съ нами его раздѣляютъ другіе. Семейный сынъ легче переноситъ смерть отца, чѣмъ одинокій, ибо въ первомъ случаѣ скорбь какъ бы дѣлится между многими членами семьи, во второмъ -она всею своею тяжестью падаетъ только на одного. Это въ семьѣ обыкновенной, родственной. А что было бы, если бы всѣ мы—всѣ христіане составили изъ себя одну братскую семью, повѣрьте, легче было бы намъ жить, легче бы и переносить несчастія и скорби, которыя такъ часто насъ постигаютъ. Но, къ великому прискорбію, не всѣ люди добры. О, какъ часто надежда на людей, на ихъ сочувствіе и состраданіе остается тщетною! Какъ часто нашъ страждущій братъ не получаетъ отъ насъ никакой поддержки и утѣшенія! Часто мы даже сами бываемъ причиною скорби нашего брата, его болѣзни и несчастія. Мы связаны другъ съ другомъ, находимся въ зависимости другъ отъ друга—и эта наша зависимость отъ людей нерѣдко бываетъ причиною нашихъ печалей и несчастій. Если бы ты зависѣлъ только отъ добрыхъ людей, отъ такихъ людей, которые бы входили въ твое положеніе, жили бы твоею жизнію, интересовались бы твоимъ покоемъ и счастіемъ, тогда бы меньше было у тебя скорбей, но какъ часто ты зависишь отъ людей своекорыстныхъ, самолюбивыхъ, гордыхъ... И ихъ-то собственное счастье и покой и дѣлаются причиною твоего несчастія и слезъ... Не надѣйся, поэтому, возлюбленный братъ, на людей... Есть у тебя великая покровительница и заступница—Матерь Божія. Ей ты въ минуты скорби и несчастія повѣдай свою скорбь, свое горе, открой свою душу, къ Ней ты устреми свои слезящіеся взоры, къ Ней ты припади и воззови изъ глубины души о помощи, и Она, Премилосердная, не оставитъ тебя, не оттолкнетъ тебя, какъ часто оттал-

киваютъ тебя люди! Она прольетъ елей утѣшенія въ твое сердце, примиритъ тебя съ твоею несчастною долею, устроитъ твою жизнь такъ, какъ полезнѣе для тебя и для спасенія твоей души.

†

Храмъ... домъ Божій... церковь... какъ много съ этими названіями соединяется у каждаго истиннаго христіанина святыхъ воспоминаній и добрыхъ пережитыхъ чувствъ! Перенесемся мыслію къ своему дѣтству. Вспомнимъ, какую духовную радость наша юная душа переживала въ торжественные моменты рождественской или пасхальной заутрени? Какой духовный восторгъ и трепетъ охватывалъ тогда наше сердце! И, замѣтьте, — дитя, несмотря на то, что еще почти ничего въ это время не понимаетъ, что поютъ и читаютъ въ храмѣ, такъ какъ умъ его еще мало вникаетъ въ смыслъ воспоминаемыхъ церковью событій, однако, и оно въ эти высокоторжественные моменты также радуется, и это потому, что его чистое сердце всецѣло открыто для дѣйствія на него спасительной благодати Божіей. Но, къ сожалѣнію, многіе изъ насъ, по мѣрѣ того, какъ они приходятъ въ возрастъ, а вмѣстѣ съ этимъ теряютъ и дѣтское чистосердечіе, и, по мѣрѣ того, какъ, со временемъ, черствѣетъ ихъ и сердце, уже не тѣ святыя чувства переживаютъ и они сами въ храмѣ Божіемъ. Придетъ праздникъ. Мы, правда, хотя и въ церкви, но не легко у насъ на душѣ. Даже, какъ будто-бы болѣе, чѣмъ когда либо наше сердце именно въ это время испытываетъ тоску и затаенную грусть. Отчего же, это, спросите вы, отчего въ столь великіе моменты болитъ наша душа? Чтобы отвѣтить на такой вопросъ, надо знать, что сколько-бы человѣкъ не грѣшилъ, какъ-бы и чѣмъ бы ни загрязнена была у него совѣсть, зажженная въ человѣкѣ искра добра—въ душѣ его никогда не потухаетъ. Эта искра можетъ иной разъ теплиться, какъ едва-едва примѣтный вдали огонекъ, но совсѣмъ

она не гаснетъ. Напротивъ, при лучшихъ условіяхъ жизни, при другой обстановкѣ эта искра можетъ разгорѣться въ цѣлый огонь, распространиться и освѣтить омраченную грѣхомъ нашу душу. Вотъ, въ эти дни, присутствуя въ храмѣ, наша грѣшная душа, какъ-бы особенно пробуждается отъ грѣховнаго сна и начинаетъ болѣе и болѣе тосковать по потерянной благодати. И, естественно, что при этой боли душевной мы вспоминаемъ не что либо другое, а наше дѣтство, какъ самую лучшую пору нашей жизви, вспоминаемъ съ восторгомъ тѣ счастливыя минуты духовной радости, какія пришлось намъ тогда переживать. Но, возлюбленные,—вы теперь видите, что внѣшнія впечатлѣнія, получаемыя отъ храма, стоятъ въ самой тѣсной связи съ внутреннимъ состояніемъ нашей души. Добрая душа христіанская всегда найдетъ себѣ въ храмѣ Божіемъ отраду и утѣшеніе. Спросите истинныхъ христіанъ, какія чувства они переживаютъ, напримѣръ, послѣ достойнаго причащенія Св. Таинъ Христовыхъ, или послѣ усердной молитвы въ храмѣ и они вамъ скажутъ, что радостъ ихъ тогда бываетъ превыше всякой радости. Состояніе души ихъ въ тѣ моменты неописуемо. Спросите ихъ, что они тогда созерцаютъ. И они отвѣтятъ вамъ, — красоту, которая превосходитъ всякую красоту земную. Спросите ихъ, что вкушаютъ они тогда, и они скажутъ вамъ—благость — превыше всякой благости. То, что тогда переживаетъ и чувствуетъ душа истиннаго христіанина, не поддается описанію,—это блаженное неизглаголанное состояніе духа. И намъ—всѣмъ христіанамъ стоитъ только вникнуть, углубиться въ самихъ себя, подумать хорошенько, вызвать наружу скрытыя гдѣ то тамъ, въ тайникѣ нашей души, добрыя начала и мы поймемъ все значеніе храма Божія, оцѣнимъ его по достоинству. Въ самомъ дѣлѣ, — смотрите — внѣ храма житейскій шумъ, заботы, суета, треволненія. Въ храмѣ же царитъ спокойствіе и тишина. Внѣ храма обуреваютъ насъ страсти — зависть, гнѣвъ, злоба, обманъ,— въ храмѣ же всему этому нѣтъ мѣста. Внѣ храма—одинъ притѣ-

сняетъ другого, сильный угнетаетъ слабаго, бѣдный раболѣпствуетъ богатому, въ храмѣ же—мы всѣ братья, всѣ дѣти одного Отца Небеснаго. Здѣсь рядомъ могутъ стоять: царь и воинъ, и нищій и богатый, знатный и простой, слуга и свободный. Внѣ храма—обнаруживается во всемъ безобразіи наша испорченная природа,—тамъ бранныя слова, безобразныя игры, въ храмѣ же — все свято и чинно. Храмъ это тихая пристань для всѣхъ христіанъ, наипаче же скорбящихъ и обремененныхъ. Больны ли мы, стряслась бѣда надъ нами — въ храмѣ мы найдемъ подкрѣпленіе и успокоеніе. Храмъ — духовная врачебница наша. Согрѣшимъ ли мы, произошелъ ли разладъ у насъ съ совѣстію, опять, если мы поспѣшимъ въ храмъ, обоймемъ здѣсь подножіе креста Господня, помолимся въ сокрушеніи сердечномъ, — мы всегда успокоимся духомъ. Въ храмѣ мы получаемъ прощеніе грѣховъ въ таинствѣ покаянія и сподобляемся принятія Тѣла и Крови Господа Іисуса Христа, которыя ведутъ насъ въ жизнь вѣчную. Храмъ, — мѣсто, гдѣ проходятъ и освящаются всѣ важнѣйшіе моменты въ жизни христіанина: здѣсь начинается первая и новая во Христѣ жизнь, когда его младенцемъ приносятъ въ храмъ для крещенія и воцерковленія, здѣсь его благославляютъ для семейной жизни въ таинствѣ брака, здѣсь онъ и оканчиваетъ свое земное существованіе, когда его, уже умершаго, приносятъ въ храмъ для совершенія надъ тѣломъ его погребенія и когда Св. Церковь, любвеобильная мать наша, напутствуетъ усопшаго христіанина послѣднимъ своимъ благословеніемъ. А если такое значеніе для насъ христіанъ имѣетъ храмъ Божій, то какъ же намъ его не почитать, братіе, и не любить?!

Спѣшите-же, возлюбленные братіе, въ домъ Божій, когда вы свободны, не мѣняйте его легкомысленно на мірскія развлеченія и удовольствія, ибо въ храмѣ отдыхаетъ ваша богоподобная душа, предназначенная для вѣчной, блаженной жизни!

†

Есть два начала въ мірѣ, возлюбленные братіе, земное и небесное, матеріальное и духовное, злое и доброе. Всѣ предметы и существа въ мірѣ причастны тому или другому, но непремѣнно какому либо одному изъ этихъ началъ. Такъ, напр., дерево, камень, такъ какъ въ себѣ не имѣютъ духа, то они — матеріальны и, наоборотъ, ангелы — которые не имѣютъ матеріи, тѣла,—духовны и, среди всѣхъ существъ, только одинъ человѣкъ — одинаково причастенъ, какъ матеріи, такъ и духу. Онъ, поэтому, можетъ слиться и съ матеріей, всецѣло подчиниться ей, и, по апостолу, быть плотянымъ; онъ можетъ уподобиться безсмысленнымъ скотамъ, сдѣлаться звѣроподобнымъ человѣкомъ, потерять всѣ духовныя качества и стремленія, забыть Бога, добро, огрубѣть, очерствѣть. Но тотъ же самый человѣкъ можетъ и удалить отъ себя стѣсняющую его матеріальную оболочку, высвободиться изъ оковъ мертвеннаго тѣла, подчинить всю свою матеріальную природу высшему, духовному началу, изъ плотяного человѣка, по тому же апостолу, стать духовною, новою тварію во Христѣ Іисусѣ, сдѣлаться во плоти ангеломъ. Но это возможно лишь при помощи свѣта благодати Христовой, которымъ былъ осіянъ Христосъ въ моментъ Преображенія, на горѣ Ѳаворѣ, и которымъ исполняются и всѣ святые угодники Божіи. Они сподобляются этого благодатнаго свѣта сами, а затѣмъ сей благодатный свѣтъ разливаютъ и вокругъ себя всѣмъ съ ними соприкасающимися. Возьмемъ, напр., пр. Серафима, чудотворца Саровскаго. Благодатный свѣтъ Христовъ осіялъ еще при жизни его. Онъ сдѣлался во плоти ангеломъ. Онъ подавилъ въ себѣ грубую собственную плотяную природу, которая потомъ не смѣла уже заявлять ему о земныхъ наслажденіяхъ, пресыщеніи ѣдой и т. п. Такъ какъ всѣ чувства его одухотворились, то Онъ и Самъ весь преобразился и сталъ сіять свѣтомъ — Христовымъ, онъ сталъ душею свѣтелъ, какъ солнце, чистъ,

какъ снѣгъ. А такой Его благодатный свѣтъ распространяется и на всѣхъ, кто входитъ съ нимъ въ соприкосновеніе. Сегодня память открытія мощей пр. Серафима и мнѣ хочется вспомнить это событіе, свидѣтелемъ коего и я удостоился быть.

Православный народъ, узнавъ объ открытіи мощей преп. Серафима, тысячами устремился къ его гробницѣ, и мы были свидѣтелями того, какъ благодатный свѣтъ Христовъ, тотъ свѣтъ, которымъ преисполненъ былъ преп. Серафимъ, распространялся на всѣхъ, кто къ нему шелъ, кто жилъ имъ въ это время. Вотъ, одинъ за другимъ движутся къ Сарову богомольческіе поѣзда. Въ обыкновенное время, если вы войдете въ вагонъ поѣзда, то здѣсь встрѣтите самое безобразное время препровожденіе. Одни, забывъ среду или пятокъ, нарушаютъ св. постъ; другіе завели игру въ карты, а третьи — азартныя игры; а тамъ собралась компанія людей, которые кощунственно смѣются надъ вѣрою, Церковью, духовенствомъ... Не то въ богомольческомъ поѣздѣ. Здѣсь всѣ воодушевлены добрыми религіозными чувствами. Вотъ, сидитъ человѣкъ съ добрымъ лицемъ, окруженный калѣками, разслабленными... Что это, братья, родственники его? —Нѣтъ. Ѣдучи къ угоднику, онъ встрѣчалъ этихъ несчастныхъ на различныхъ станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, и, полный сочувствія къ ихъ горю и болѣзнямъ, онъ внялъ просьбамъ довезти ихъ до Сарова, и, вотъ, теперь на пути кормитъ ихъ, ухаживаетъ за ними... А вотъ, нѣсколько человѣкъ внимаютъ словамъ душеспасительной книги, чтеніе которой совершается, какъ видно, какой-то вѣрующей душей. Слышно и тихое, умилительное пѣніе... Это любители собрались и поютъ духовныя пѣснопѣнія: „Заступница усердная“, „Не имамы иныя помощи“... И если въ обыкновенное время, въ вагонѣ, преимуществуетъ право сильнаго, господствуетъ грубость, невѣжество, вслѣдствіе чего одинъ не хочетъ, напр., ни за что уступить мѣста другому, то теперь царитъ привѣтливость и какая-то ласковость. Что это? Откуда такое доброе настроеніе во всѣхъ? —

Это благодатный свѣтъ Христовъ, осіявающій пр. Серафима, распространился и на тѣхъ, кто жилъ имъ въ это время. А, вотъ, и Саровъ. Вокругъ монастыря на большое пространство расположились богомольцы... Здѣсь видны шалаши, бараки, подводы, между которыми снуетъ народъ. Съ перваго взгляда можно подумать, что здѣсь ярмарка,—рынокъ... Но какая глубокая разница между обычнымъ ярмарочнымъ народнымъ торжищемъ и этимъ благочестивымъ Саровскимъ собраніемъ народа! Тамъ крикъ и ругательства оглашаютъ воздухъ, здѣсь слышится лишь сдержанный благочестивый разговоръ и молитвенные вздохи... Тамъ обманъ и страсть волнуютъ каждаго, здѣсь исполнены всѣ смиренія и покаяннаго сокрушенія духа... Идетъ всенощная подъ 19-е іюля, во время которой должно совершиться открытіе св. мощей. Монастырскій дворъ вмѣщаетъ въ себѣ лишь небольшое число собравшихся богомольцевъ со всѣхъ концовъ необъятной Россіи. Большая часть остаются внѣ монастыря. До нихъ не доносится звуковъ церковной службы, они не видятъ гробницы с. дорогими останками преподобнаго. Но посмотрите: они рады, хотя и издали смотрѣть на тотъ куполъ храма, гдѣ происходитъ великое церковное торжество; стоятъ они съ лицами, обращенными къ обители и горячо, горячо молятся. Здѣсь слышно громогласное чтеніе акаѳиста. Это группа людей выбрала изъ свой среды благоговѣйнаго чтеца и вмѣстѣ съ нимъ возноситъ хвалу Господу. А тамъ оглашается воздухъ пѣніемъ... Поютъ „Воскресеніе Христово видѣвше“, „Хвалите имя Господне“... Вездѣ народъ молится... Представьте себѣ, при этомъ, тихую лѣтнюю погоду, вообразите, что каждый старался съ горящей свѣчей простоять всенощную,—и вы поймете сколь умилительна и поразительна была картина всенароднаго саровскаго моленія... Но что же это? Откуда такой подъемъ религіознаго чувства, откуда такое святое времяпрепровожденіе?—Вѣдь мы привыкли видѣть, что гдѣ собирается народъ толпой, тамъ—безпорядочный шумъ, тамъ—ссоры, тамъ

обиды наносятся другъ другу. Это благодатный свѣтъ преп. Серафима воодушевилъ этихъ людей, онъ заставилъ ихъ молиться, пробудилъ въ нихъ вѣру, надежду и любовь къ Богу... Пойдемте дальше въ монастырскую ограду. Сюда, во время служенія всенощной, было позволено войти больнымъ. Пронесся слухъ, что такъ Царь-Батюшка распорядился молившійся въ это время въ соборѣ. Открылась трогательнѣйшая картина. Въ главныя монастырскія ворота повалилъ народъ, сопровождавшій больныхъ. И какихъ только больныхъ не видно было здѣсь! Иныхъ несли на носилкахъ, другихъ на рукахъ; тутъ были и слѣпые, и хромые, и бѣсноватые; кто кричалъ, кто стоналъ, а кто и плакалъ. Больные расположились вокругъ собора. Не мало больныхъ и несчастныхъ мы встрѣчаемъ и въ обыкновенной нашей жизни. Войдите, напр., въ любую больницу, пріютъ,— и вы увидите здѣсь разнаго рода несчастныхъ. Но какая, опять скажемъ, разница между этими послѣдними и больными, которые удостоились находиться близъ многоцѣлебныхъ мощей преп. Серафима въ моментъ ихъ открытія. Обыкновено больные ищутъ помощи у врачей, на которыхъ только надѣются, оставляя въ сторонѣ всемогущаго Господа, въ рукахъ котораго дыханіе и жизнь наша... Обыкновенно больные, не получая помощи, приходятъ въ уныніе, отчаяніе, дѣлаются раздражительными, несносными для лицъ ихъ окружающихъ. Не то было въ Саровѣ. Здѣсь больные, хромые, слѣпые, разслабленные, бѣсноватые, расположившись вокругъ церкви, на этотъ разъ возложили всю свою надежду лишь на одного Господа, дивнаго во святыхъ своихъ. Они съ надежною и вѣрою, со слезами взывали къ преподобному, молили его утѣшить, исцѣлить, укрѣпить ихъ, и надежда на Господа многихъ изъ нихъ не посрамила... Вотъ, кто-то изъ больныхъ сильно вскрикнулъ... Узнаютъ причину этого и что же оказывается! Слѣпой, не видавшій свѣта Божія, прозрѣлъ и испугался, увидѣвъ предъ собою величіе природы... Въ разныкъ мѣстахъ неистовствуютъ бѣсноватые, — окружающіе ихъ

люди молятся за нихъ и о, чудо!—многіе изъ нихъ успокаиваются, приходятъ въ себя и начинаютъ молиться преподобному, котораго предъ этимъ въ неистовствѣ проклинали... Тамъ проталкивается женщина, пропуская предъ собою мальчика, опирающагося на двѣ палочки... „Этотъ мальчикъ", объявляетъ радостно женщина: „мой сынъ. Онъ шесть лѣтъ не вставалъ, и, вотъ, сегодня, по молитвамъ преподобнаго, попросилъ палочки и самъ бодро пошелъ. Дивится народъ всему этому, бросается то въ ту, то въ другую сторону, гдѣ объявляютъ о чудотвореніяхъ, и, видя исцѣленія, горячо, горячо проливаетъ слезы умиленія и благодарности къ Господу, столь милосердному къ страждущимъ... Но почему такъ? Отчего здѣсь такъ утѣшаются больные и страждущіе?— Благодатный духъ преподобн. Серафима, скажемъ еще разъ, передался всѣмъ, пришедшимъ почтить его память, возбудилъ во многихъ изъ больныхъ вѣру въ Бога и, по вѣрѣ ихъ, Господь сотворилъ многія чудеса. Видите ли, возлюбленные братіе, какъ спасительно для насъ входить въ соприкосновеніе со святыней. Наше сердце, наша природа удобопреклонна къ грѣху. Грѣхъ, всякое зло легко развиваются и укрѣпляются въ насъ. И, какъ помѣщеніе нуждается въ томъ, чтобы его провѣтривать, иначе въ немъ можетъ испортиться воздухъ, или, какъ мясо, если его не посолить, скоро портится, такъ и наше сердце безъ освѣщенія его святыней благодати Божіей, грубѣетъ, все болѣе и болѣе наполняется грѣхомъ. Нужно намъ, непремѣнно нужно, возлюбленные братіе, освѣжать свое сердце благодатными средствами, къ которымъ принадлежатъ — посѣщеніе храма Божія, принятіе Св. Таинъ, молитва и общеніе съ благочестивыми людьми. И какъ только замѣтите вы, что на сердцѣ у васъ не хорошо, лишь только почувствуете, что зараза грѣховная въ васъ распространяется, — спѣшите скорѣе освѣжить себя указанными средствами. А иначе будетъ плохо. Мясо не осоленное сплошь покрывается червями, загниваетъ, — и наше сердце — также можетъ безъ святыни обратиться въ

сплошной грѣховной струпъ, покрыться неисцѣльной раной, когда уже не въ состояніи оно будетъ воспринимать никакія спасительныя средства. И наоборотъ, если мы чаще будемъ заглядывать въ себя, будемъ поддерживать и укрѣплять свой духъ благодатію Божіею, то мы пріобрѣтемъ чистоту души, сдѣлаемся сонаслѣдниками и друзьями святыхъ и Самого Господа, Которому подобаетъ слава и держава во вѣки вѣковъ.

†

Господь „всѣмъ человѣкомъ хощетъ спастися и въ разумъ истины пріити“ (I Тим. II, 4). Зналъ я одного человѣка, окончательно преданнаго пагубной страсти винопитія. Онъ былъ пріемнымъ сыномъ извѣстнаго въ Москвѣ добраго, благочестиваго доктора Д. С. Т. Послѣдній далъ своему пріемному сыну образованіе, вывелъ его, какъ говорится, въ люди и даже женилъ его. Но, къ великому несчастію и горю отца, сей пріемный сынъ, какъ его звали „Петя“, заразился пагубнымъ винопитіемъ. Любвеобильный отецъ принималъ всевозможныя средства къ спасенію Пети. Бывали даже нерѣдко такіе случаи, что придетъ „Петя“ домой совершенно раздѣтымъ и, несмотря на это, отецъ его опять одѣнетъ, снова устроитъ. Но, видно, страсть слишкомъ уже вкоренилась. Не милъ былъ „Петѣ“ такой отеческій пріютъ, не милъ отцовскій домъ. Придетъ время, и онъ опять пойдетъ бродить по улицамъ, испытывая изъ-за вина и голодъ, и холодъ, и поруганія, и насмѣшки... Прибѣжитъ, бывало, онъ и ко мнѣ, прося дать ему малую лепту подаянія, подашь, — онъ благодаритъ и молится. Между тѣмъ время шло, пьянство брало свой верхъ, совершало свое дѣло и, вотъ— сей „Петя“ дошелъ до крайняго истощенія. Однажды, въ осеннюю пору, въ нетрезвомъ видѣ, онъ полежалъ гдѣ-то на улицѣ и его—больного отвезли въ городскую больницу, гдѣ вскорѣ у него образовалась скоротечная чахотка. Помню я, какъ прибѣжалъ ко мнѣ отецъ

Пети и съ глубокою скорбію мнѣ сообщилъ слѣдующее: „А Вы знаете, мой Петя умираетъ, у него чахотка. Прошу Васъ, поѣдемте въ больницу, вѣдь онъ нѣсколько лѣтъ не говѣлъ, не былъ въ церкви, ибо за пьянствомъ некогда ему было этимъ заниматься, а думаю — у него добрая душа. Я ему уже объ этомъ говорилъ, и онъ пожелалъ Васъ видѣть". Поѣхали мы. Входимъ въ палату. „Петя" лежитъ худой, слабый, но въ полномъ умѣ и сознаніи. Повидались, я ему предложилъ поисповѣдаться, причаститься и пособороваться. На все сіе онъ съ великою любовью согласился. И, вотъ, началась молитва. У кровати стоялъ я, позади меня добрый его нареченный отецъ. И что же бы вы думали? Сей „Петя" такъ сильно и умиленно молился, что я былъ тронутъ до глубины души. Когда мнѣ приходилось кое-какія слова молитвы не совсѣмъ внятно и тихо выговорить, „Петя" меня останавливалъ и просилъ еще разъ повторить повнятнѣе, дабы и ему слова молитвы повторить и лучше понять. Оглянулся я назадъ и увидѣлъ его отца, также разстроганнаго и плачущаго... Съ полной вѣрой, раскаяніемъ и молитвою перешелъ сей рабъ Божій Петръ, много пострадавшій въ жизни, въ лучшій небесный чертогъ. Послѣ сего случая меня взяло раздумье. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, смотрѣть на этихъ несчастныхъ пьяницъ или, какъ мы часто говоримъ, послѣднихъ людей? Можно ли ихъ осуждать, можно ли ими пренебрегать? Смерть „Пети" мнѣ дала почувствовать сердцемъ, что нѣтъ и нѣтъ... Когда ты видишь несчастнаго падшаго человѣка, не питай къ нему брезгливости, а лучше въ это время пылай гнѣвомъ на врага рода человѣческаго, одержащаго человѣка той или иной страстію, на самого же человѣка смотри съ любовію, ласкою, умиленіемъ, и такъ думай: вѣдь и я могу очутиться въ такомъ же состояніи, если и меня врагъ сею страстію полонитъ; только обстоятельства у меня благопріятныя, потому я и не такой, а кто знаетъ, если бы и я былъ въ такомъ же положеніи, въ какомъ былъ онъ, быть можетъ

и со мною то же бы случилось. И знаете ли, братіе, мнѣ даже показалось, что своими тѣлесными скорбями, голодомъ, холодомъ, униженіемъ—эти люди уже здѣсь на землѣ значительно искупаютъ свой грѣхъ. Врагъ тащитъ человѣка въ погибель, а Господь тѣлесною скорбію здѣсь же его очищаетъ. Когда я смотрѣлъ на умиравшаго „Петю“ и видѣлъ его свѣтлый пріятный видъ, я это именно и думалъ. Но вы скажете: не значитъ ли, думая такъ, оправдывать и самый грѣхъ? О, нѣтъ, далеко до этого! Надо различать два вида грѣховности или грѣховнаго состоянія грѣшниковъ. Первое,—когда человѣкъ только еще начинаетъ грѣшить... О, тогда онъ достоинъ всякой укоризны, ибо у него много еще силъ для того, чтобы остановиться, но онъ самъ не хочетъ, или лѣнится, или, быть можетъ, пренебрегаетъ даже Божіей помощію; такихъ согрѣшающихъ людей слѣдуетъ поругать, а, кому слѣдуетъ, даже и наказать. Но есть предѣлъ, перейдя который страсть совершенно одолѣваетъ человѣка, такъ, что человѣкъ уже не принадлежитъ себѣ, а — только этой страсти. Это—второе состояніе грѣховности, при которомъ люди уже достойны всякаго сожалѣнія. Такихъ людей надо только жалѣть, всячески ласкать, ибо замѣчено, что только любовь, только человѣческое отношеніе къ нимъ можетъ ихъ пробудить отъ страшнаго духовнаго сна и вызвать у нихъ искру добра, чувство человѣческаго достоинства, когда и они вспомнятъ о Богѣ, о благѣ, добрѣ и, быть можетъ, прольютъ цѣлительныя слезы раскаянія и обратятся на путь спасенія.

* * *

Яко сокровище пребогатое, многолѣтно въ земли сокровенное, честныя мощи твоя обрѣтошася чудоточащія, всеблаженне отче святителю Алексіе: отъ нихъ же врачество пріемлюще обогащаемся и Христа славословимъ глаголюще: слава прославляющему святыя своя.

Если вы остановитесь когда нибудь у раки почивающаго угодника Божія, святителя Алексія и станете наблюдать, вы увидите, что многіе, приходящіе, припадаютъ къ нетлѣнно почивающему угоднику, какъ живому, увидите выраженія самой горячей любви къ нему, увидите слезы, услышите воздыханія. „Святый угодникъ, родной нашъ батюшка, свѣтильникъ Божій“ —взываетъ къ нему добрая христіанская душа. Что-же заставляетъ насъ притекать къ сей многоцѣлебной ракѣ?—вѣра въ живое общеніе святыхъ съ нами, вѣра въ предстательство и покровительство предъ Господомъ святыхъ за насъ грѣшныхъ. И сія вѣра не посрамитъ насъ. Вѣдь, Церковь Христова вмѣщаетъ въ себѣ небо и землю. Въ этомъ ея цѣлостность. Какъ въ живомъ нашемъ тѣлѣ жизненная сила проходитъ по всѣмъ членамъ и разрывъ какого-либо члена даже въ частяхъ его есть уже разрушеніе всего тѣла, такъ и въ тѣлѣ Христовой Церкви невозможно разъединеніе вѣрующихъ, живущихъ на землѣ, отъ вѣрующихъ, переселившихся на небо. Какъ съ разлучившимися отъ насъ здѣсь, на землѣ—пространствомъ, мы не только не теряемъ связи и общенія, но даже они, живущіе отъ насъ вдали, могутъ на насъ вліять, могутъ намъ матеріально помогать, могутъ за насъ ходатайствовать предъ земными царями и владыками и черезъ это улучшать наше земное благополучіе, такъ и съ переселившимися на небо наша связь не порывается, а продолжается, съ тѣмъ лишь различіемъ, что эта связь, благодаря новымъ условіямъ жизни умершихъ, бываетъ уже не физиче-

ской, матеріальной, а—нравственной, духовной. Пречистая Божія Матерь, святые Ангелы, всѣ святые угодники Божіи близъ насъ, они—наши первые благодѣтели, помощники и покровители. Они благодѣтели, и это потому, что вся жизнь праведниковъ и на землѣ и на небѣ—одна только любовь къ Богу и ближнимъ. Эта-то любовь и влечетъ вѣрующихъ къ порогамъ келлій праведныхъ людей еще при ихъ жизни, влечетъ, къ свѣтильникамъ вѣры,—святителямъ Церкви,—подъ сѣнь ихъ благословляющей руки. Какъ все, ищущее силы и здоровья, тянется къ теплу и свѣту, такъ и наше сердце, часто разбитое и скорбное, стремится подъ кровъ любви Божіихъ праведниковъ. И въ любящемъ сердцѣ ихъ никому не бываетъ тѣсно. Ихъ сострадательность, ихъ братскій привѣтъ, ихъ благодатная молитва согрѣваютъ всѣхъ и цѣлительнымъ елеемъ какъ бы дѣйствуютъ на изнуренныя наши души. „Всѣхъ онъ принималъ съ любовію", читаемъ мы о преп. Серафимѣ въ его житіи, „всѣхъ встрѣчалъ земнымъ поклономъ, всѣхъ успокаивалъ своею любовію". И что же? Развѣ, по переселеніи ко Господу, могутъ сіи праведники забывать насъ, своихъ присныхъ? Могутъ ли они вытѣснить изъ своей памяти нашу бѣдную, скорбную, земную жизнь, которой и сами были причастны? О, конечно, нѣтъ... „Любы", говоритъ св. апостолъ Павелъ, „николиже отпадаетъ" (1 Кор. XIII, 8). Напротивъ, на небѣ она еще дѣйственнѣе, просвѣтленному взору съ небесъ яснѣе является нашъ міръ со всѣми своими скорбями и воздыханіями, освобожденное отъ плотскихъ узъ земли, сердце видитъ дальше, чувствуетъ глубже, обнимаетъ любовію шире.. И душа христіанская чувствуетъ это, чувствуетъ любовь къ намъ небесныхъ сродниковъ, святыхъ Божіихъ человѣковъ, и спѣшитъ къ нимъ, къ ихъ останкамъ со всѣми своими скорбями, нуждами, печалями, зная, что они по своей любви не отринутъ ея. И приходится намъ, поставленнымъ близъ сей раки святителя Алексія часто слышать отъ боголюбивыхъ людей умилительныя повѣствованія о любве-

обильной помощи сего угодника Божія. Многіе положительно считаютъ его своимъ покровителемъ. Въ одной семьѣ замѣтили его помощь въ исцѣленіи болѣзней, въ другой — помогъ онъ въ устроеніи семейныхъ и служебныхъ дѣлъ, а сколь многіе получаютъ у раки его утѣшеніе въ многообразныхъ скорбяхъ и несчастіяхъ. На любовь нашу къ святителю, Онъ отвѣчаетъ намъ тою же любовію, и, при этомъ, сторицею. Такая же вѣра въ святителя живетъ и среди преданныхъ насельниковъ, сыновъ сей обители его святой. Пользуйтесь же, добрые насельники сего богоспасаемаго града, великимъ утѣшеніемъ, великимъ сокровищемъ среди васъ обитающимъ,—честною ракою мощей угодника Божія святителя Алексія. Приходите сюда вожди и начальники и угодникъ Божій научитъ васъ твердости духа и преданности своему отечеству. Приходите сюда пастыри Церкви, и святитель Христовъ дастъ вамъ урокъ вѣры и ревности о славѣ Божіей. Приходите сюда простецы, и святитель Христовъ покажетъ вамъ примѣръ всѣхъ добродѣтелей; приходите къ нему всѣ, отягченные скорбями и несчастіями, и добрый пастырь утѣшитъ и успокоитъ васъ; идите къ нему грѣшники, и великій молитвенникъ. Св. Алексій внушитъ вамъ рѣшимость и испроситъ благодатную помощь отстать отъ всего дурного; идите сюда всѣ боголюбивые христіане, и любвеобильный угодникъ Божій —святитель Алексій никого не отринетъ и щедро всѣхъ покроетъ своею любовію.

†

Нужно знать, что всѣ бѣдствія и невзгоды посылаются намъ Господомъ по грѣхамъ нашимъ. „Аще послушаете Мене, благая земли снѣсте, а не послушаете, мечъ вы поястъ", еще въ Ветхомъ Завѣтѣ говорилъ Господь. По всей вѣроятности, и мы ужъ слишкомъ прогнѣвали Господа, когда такъ трудно намъ живется. Провѣримъ себя. Вотъ, предъ нами, съ одной

стороны, св. Евангеліе, заповѣди Христовы, примѣры жизни святыхъ Божіихъ людей, а съ другой — наша жизнь, наше сердце, наше настроеніе... Господь повелѣваетъ почитать Единаго истиннаго Бога въ Троицѣ поклоняемаго, предъ Нимъ благоговѣть, Ему молиться. А, вѣдь, мы забыли Бога и на мѣсто Его поставили свои способности, свой разумъ, самихъ себя... „Посмотрите, какъ силенъ человѣкъ, какія изобрѣтенія имъ сдѣланы — телефоны, летающія по воздуху машины,— онъ богъ, онъ творецъ".—такъ говорятъ безумцы, забывая, что стоитъ пронестись одному порыву бури,— и человѣкъ падаетъ;—разразиться молніи, —и человѣка нѣтъ. И какъ жалокъ человѣкъ, когда его сражаетъ смерть! Минуту тому назадъ онъ былъ силенъ на словахъ, а, быть можетъ, и на дѣлѣ, гордился, былъ неприступенъ, буйствовалъ, отошла душа, — и онъ сдѣлался разползающимся, безмолвнымъ, неподвижнымъ прахомъ; это ли богъ, это ли творецъ?! Да, сильно у насъ поколебалась вѣра въ истиннаго Бога, сильно пошатнулось, упало религіозное чувство. Вмѣсто усерднаго посѣщенія храма Божія, вмѣсто молитвы, вмѣсто чтенія духовныхъ религіозныхъ книгъ, вмѣсто исполненія святыхъ постановленій Церкви, напр., поста, праздниковъ Божіихъ, у насъ водворилась разнузданность, свобода, которая проявляется въ склонности къ театральнымъ зрѣлищамъ, въ чтеніи книгъ свѣтскихъ, дурныхъ, въ нарушеніи постовъ, въ языческомъ препровожденіи праздниковъ Божіихъ, выражающемся въ пляскахъ, пѣсняхъ, въ пьянствѣ, развратѣ, сквернословіи. Слово Божіе велитъ, далѣе, почитать родителей, почитать наставниковъ, властей; родителямъ же заповѣдуетъ не раздражать чадъ своихъ, а начальникамъ ходить достойно своего званія, пещись о душахъ младшей братіи. У насъ же опять все это забыто, все уничтожено. Дѣти, едва выйдутъ изъ своего возраста, какъ уже оскорбляютъ отцовъ и матерей, своевольничаютъ, не признаютъ ихъ. Родители же, въ свою очередь, не подаютъ дѣтямъ добраго примѣра, не воспитываютъ

ихъ въ страхѣ Божіемъ, почему и выходитъ, что ребенокъ лѣтъ 5—6 умѣетъ уже отлично плясать, пѣть пѣсни, браниться, играть въ карты, но не умѣетъ истово перекреститься, прочесть правильно хотя бы одну молитву. А подростки городскіе въ 10 и болѣе лѣтъ, умѣютъ уже сквернословить, курить табакъ, пить вино — и это будущіе граждане, будущіе отцы!..

Далѣе, Господь велитъ довольствоваться своимъ прибыткомъ, своимъ состояніемъ и не желать ничего чужого; „не укради, не пожелай ничего, что у ближняго твоего", гласитъ заповѣдь Божія. У насъ же не признаютъ теперь собственности, завистливо смотрятъ на нее; разбой, воровство широкой рѣкой разливаются по нашему отечеству. Св. Евангеліе заповѣдуетъ отъ сердца свободно дѣлиться имуществомъ, мы же насиліемъ думаемъ достигнуть матеріальнаго уравненія. Но напрасно. Насиліе только разоряетъ, разстраиваетъ людей. Насиліе, равно, какъ и бездѣльное скопленіе богатствъ, —признаки нашего грубаго жестокаго сердца. Нужно намъ всѣмъ, и богатымъ, и бѣднымъ, умягчить свои сердца, усвоить духъ Христовъ, укрѣпиться въ вѣрѣ, тогда только не будетъ той страшной бѣдноты, какую мы теперь встрѣчаемъ.

Слово Божіе, далѣе, говоритъ—будь цѣломудренъ, „не прелюбы сотвори". Но, о Боже, какъ страшно нарушается нами теперь эта заповѣдь! Незаконныя сожительства, раннія паденія, свободное похотливое обращеніе съ другимъ поломъ, современное выведеніе женщины изъ семьи на такія должности, гдѣ она легко теряетъ свою чистую женственность и обращается въ грубое, злое созданіе—вотъ качества нашего времени. А о смиреніи, кротости, сокрушеніи сердечномъ, честности, правдивости, исполнительности, доброжелательствѣ, постоянной борьбѣ съ испорченнымъ отъ природы нашимъ сердцемъ, объ этомъ нечего и говорить. Мы и горды, и своенравны, и лживы, и гнѣвливы. Если св. Евангеліе, заповѣди Христовы такъ высоки, такъ чисты, небесны и благоухающи, то мы сами исполнены

всякаго грѣха, смрада и беззаконія. Въ этомъ отношеніи мы представляемъ изъ себя смрадный, гноящійся струпъ. Такова общая картина нашего нравственнаго состоянія. Неудивительно поэтому, если насъ стали посѣщать бѣдствія, невзгоды, смуты. Быть-можетъ, Господь этими несчастіями старается насъ образумить, призвать къ покаянію, очищенію, ибо Онъ „всѣмъ хощетъ спастися и въ разумъ истины пріити“ (I Тим II, 4). Мы теперь находимся въ страшной опасности, а всякая опасность заставляетъ человѣка встрепенуться, опомниться, образумиться. А опасность настоящаго времени дѣйствительно велика! Теперь, благодаря злобѣ людской, выходя изъ дому, не знаешь, вернешься ли домой живымъ или нѣтъ; теперь не знаешь, будутъ ли у тебя завтра средства къ пропитанію, — не похитятъ ли ихъ у тебя, не разорятъ ли, не разграбятъ ли твое достояніе; теперь не знаешь, удержишься ли ты завтра на своей должности или тебя принудятъ уйти. Ко всему этому присоединились еще бѣдствія войны. Опасность велика, смерть къ каждому изъ насъ теперь крайне близка: пусть же все это послужитъ намъ поводомъ къ покаянію, исправленію, очищенію. Одумаемся, братія, вспомнимъ Христа и Его святые завѣты, вспомнимъ, какъ глубоко мы пали, чистосердечно раскаемся во всѣхъ своихъ прегрѣшеніяхъ, смиримся предъ Господомъ, сокрушимся духомъ, восплачемъ и, повѣрьте, возлюбленные, покаяніе избавитъ насъ отъ столь великихъ бѣдствій настоящаго времени. Покаяніе всѣмъ намъ нужно, это требованіе—необходимое по отношенію къ каждому изъ насъ. Но каково наше отношеніе должно быть къ тѣмъ изъ братіи, которые отказываются каяться, производятъ смуту, бросаютъ работу, чего то своего добиваются, безчинствуютъ? Долгъ всякаго добраго, сдержаннаго христіанина — прежде всего молиться о успокоеніи этихъ мятущихся умовъ, молиться о водвореніи тишины, спокойствія въ нашемъ общежитіи. Тебѣ, можетъ быть, покажется неяснымъ,— какимъ образомъ мятущійся, раздраженный около тебя

человѣкъ отъ твоей сердечной молитвы успокоится? Тебѣ казалось бы, что для его усмиренія лучше употребить силу, нужно его связать? Усмирять дѣло властей. Твоя же задача состоитъ въ томъ, чтобы повліять на брата, умиротворить раздраженное его сердце, успокоить его мятущійся умъ, а это ты и можешь сдѣлать прежде всего молитвой. Мы вѣруемъ, что существуетъ міръ духовный, существуетъ сродство живущихъ въ мірѣ душъ, существуетъ вліяніе однихъ душъ на другія души. Почему, напр., когда молится угодникъ Божій, то тебѣ въ то время дѣлается легче? Что это значитъ? А то, что молитва угодника въ силу, существующаго между душами, общенія, какъ благодатная роса, канула въ твою душу, сошла на твое сердце и произвела успокоительное, благодатное на тебя вліяніе. Такъ и теперь, если всѣ мы обратимся съ пламенной сердечной молитвой ко Господу и угодникамъ Его о мятущихся нашихъ братіяхъ,—повѣрьте, наша пламенная молитва не пропадетъ даромъ, она успокоитъ, образумитъ озлобленныхъ нашихъ братій незамѣтно для нихъ самихъ. Сегодня они волновались, а завтра они охладѣютъ къ жестокой борьбѣ. Кромѣ молитвы много значитъ еще убѣжденіе, словесное вразумленіе. Несомнѣнно, многіе наши знакомые, а, можетъ быть, даже и родные заражены современными растлѣвающими вѣяніями. Если ты замѣтишь близко къ тебѣ стоящаго человѣка мятущимся, безпокойнымъ, то попроси его выслушать тебя, почему, и справедливо ли онъ такъ волнуется? Онъ раздражается, а ты старайся говорить спокойно. И, прежде всего, спроси его, — руководится онъ въ своихъ дѣйствіяхъ св. Евангеліемъ, заповѣдями Христовыми, или же своимъ умомъ и своей свободой? Если скажетъ своею свободою, отойди отъ него, ибо онъ предтеча антихристовъ, сынъ сатанинъ, и молись о его вразумленіи; если же онъ скажетъ,—желаю жить по Евангелію, укажи ему на смиреніе, любовь, кротость, миръ, на всѣ заповѣди Христовы; разъясни ему, согласны ли съ ними его дѣйствія. Если не согласны,

то обличи его. А если онъ тебѣ скажетъ—у меня цѣль хорошая — братолюбіе, будущее счастье... На это ему отвѣть, что хорошее только и можетъ достигаться хорошими средствами; изъ дурнаго же не можетъ выйти хорошаго. Въ моемъ представленіи, воображеніи предносится напр. хорошее красивое зданіе съ фронтонами, украшеніями... Но представьте—если я стану его строить изъ необожженныхъ, мягкихъ, дурныхъ кирпичей Не разрушится ли оно? —Такъ и въ дѣйствіяхъ людей. Добро достигается только добромъ, ибо какое общеніе тьмы со свѣтомъ, говоритъ Слово Божіе. Такъ, покаяніе, молитва и взаимное вразумленіе нужны намъ въ настоящее время. Но что я скажу въ утѣшеніе смиреннымъ, кроткимъ сынамъ и дщерямъ Матери нашей Церкви, которые въ столь смутное время, какъ трепетныя лани, всего боятся, сильно безпокоятся и много плачутъ? Ничего не бойтесь, дорогіе мои! Вы со Христомъ, а съ Нимъ—не страшно. Чаще ограждайте себя крестнымъ знаменіемъ, постоянно творите молитвы, и сила вражія не коснется васъ.

†

7-го августа совершалъ я отпѣваніе старца—протоіерея о. Петра Стефановича Шумова. Предъ отпѣваніемъ сказалъ такъ: Господь привелъ меня знать близко покойнаго. Слѣдующія черты его духовнаго устроенія всегда меня умиляли. Онъ имѣлъ ревность истинно-пастырскую. Въ чемъ она проявлялась—много объ этомъ пришлось бы говорить. Мнѣ хочется сказать только, какъ я подмѣтилъ, узналъ о его любви къ пастырству. Когда до покойнаго дошелъ слухъ, что нѣкоторыя христіанскія души не гнушаются мною, а идутъ ко мнѣ за благословеніемъ, и что я не прочь иной разъ по мѣрѣ моихъ силъ принять страждущаго брата, покойный одобрилъ мою дѣятельность и пожелалъ со мной познакомиться. Онъ самъ ко мнѣ пришелъ, долго бесѣдовалъ о пастырствѣ и обвѣялъ меня своею отеческою любо-

вію. Да, любовь—это было его второе, дивное душевное качество. Любовію дышало каждое его поученіе, любовь онъ проявлялъ къ каждому, съ кѣмъ ему приходилось имѣть общеніе. Особенно тронулъ онъ меня, когда явился однажды ко мнѣ послѣ смерти своего горячо любимаго сына, преподавателя духовнаго училища. Съ какою отеческою нѣжностью онъ говорилъ мнѣ о своемъ сынѣ! Въ глазахъ старца блистала слеза любви, но не было на устахъ его ни ропота, не слышалось огорченія на Промыслъ Божій. Незадолго предъ этимъ я потерялъ своего отца также, старца—протоіерея и чувствовалъ въ сердцѣ своемъ сильную рану, большой пробѣлъ. Вотъ, у меня нѣтъ теперь такого любящаго отца, сказалъ я ему, какимъ вижу Васъ, примите же меня въ свое сердце вмѣсто сына и о. протоіерей съ слезой на глазахъ—далъ согласіе. И я глубоко почувствовалъ, что покойный, дѣйствительно, въ своемъ любящемъ сердцѣ отвелъ уголокъ и для меня. Далѣе, покойный былъ чуждъ какихъ-либо узкихъ, предвзятыхъ взглядовъ въ дѣлахъ, имѣющихъ отношеніе къ церковному устроенію и къ лицамъ духовнымъ. Онъ одинаково любилъ, какъ святыя обители, такъ и всякій храмъ Божій, съ уваженіемъ относился какъ къ инокамъ, такъ и бѣльцамъ. Онъ цѣнилъ сердце человѣка, искалъ проявленія благодати Божіей и гдѣ ее замѣчалъ, тамъ онъ останавливался своимъ христіанскимъ, высокимъ вниманіемъ. Его, поэтому, часто можно было видѣть молящимся въ храмахъ Московскаго Священнаго Кремля, онъ былъ почитателемъ многихъ монастырскихъ старцевъ. Эта черта свидѣтельствовала о его свободѣ, широтѣ и высотѣ христіанскаго духа.

Счастливъ я, что Господь привелъ меня отдать тебѣ, незабвенный о. протоіерей, послѣдній долгъ—совершить отпѣваніе,—проводить тебя въ жизнь загробную. Прими же отъ меня это молитвенное служеніе, какъ самое искреннее, отъ всей души тебѣ приношеніе.

РѢЧИ.

сказанныя Епископомъ Арсеніемъ
въ 1914 году.

Рѣчь, сказанная намѣстникомъ Чудова монастыря архимандритомъ Арсеніемъ, при нареченіи его во епископа Серпуховскаго, викарія Московской епархіи.

Надъ каждымъ человѣкомъ бдитъ промыслъ Божій, вся жизнь человѣка находится подъ непосредственнымъ, хотя и незримымъ водительствомъ промышляющей и руководящей десницы Вышняго. Обыкновенно же, когда человѣкъ живетъ въ житейской суетѣ, изо дня въ день, то не замѣчаетъ и не вдумывается, почему и отчего именно такъ течетъ и складывается его жизнь, а не иначе. Но, вотъ, время проходитъ, человѣкъ оглядывается назадъ и видитъ, какъ все совершившееся нацъ нимъ было чудесно, промыслительно. и въ особенности онъ это чувствуетъ, находясь среди важныхъ и чрезвычайныхъ перемѣнъ и моментовъ своей жизни. часто въ конецъ измѣняющихъ его внутренній и внѣшній жизненный строй. Тогда ему кажется. что все. что случилось и было съ нимъ раньше, оно-то и вело и подготовляло его именно для этого послѣдняго, рѣшающаго момента, и онъ готовъ бываетъ воскликнуть, что воистину *отъ Господа стопы человѣку исправляются* (Пс. XXXVI, 23).

Такъ и теперь со мной. Въ жизни моей наступилъ важный моментъ—возведеніе меня въ санъ епископа И. вотъ, когда оглядываешься на прошедшее, вспоминаешь прожитое, то невольно замѣчаешь, что многое въ моей жизни, обычно казавшееся вполнѣ естественнымъ, промыслительно подготовляло настоящее мое положеніе, было какъ бы нѣкіимъ предуказаніемъ свыше.

Десятилѣтнимъ отрокомъ родители отдали меня въ Харьковское духовное училище. Среди своихъ товари-

щей я оказался самымъ малымъ по росту Пріѣхалъ, вспоминаю, къ намъ однажды въ училище приснопамятный Амвросій, архіепископъ Харьковскій. Насъ — учениковъ — въ актовомъ залѣ выстроили въ ряды. Владыка-архіепископъ, проходя по рядамъ, обратилъ вниманіе на меня, какъ на самаго между всѣми другими маленькаго ученика, вывелъ меня на средину зала и, обратившись къ сопровождавшимъ его лицамъ, сказалъ: „смотрите, вотъ теперь самый маленькій ученикъ, а будетъ архіереемъ". Конечно, на эти слова, какъ это всегда бываетъ въ нашей жизни, никто тогда не обратилъ никакого вниманія. А, вотъ, теперь приходится вспоминать ихъ и приводить ихъ, какъ слова, сказанныя устами знаменитаго церковнаго витіи-святителя пророчески.

Благополучно окончивъ курсъ въ духовной семинаріи, я поступилъ на должность надзирателя-репетитора въ духовное училище. Но служба эта оказалась непродолжительной. Въ скорости отецъ мой, старецъ-протоіерей, безнадежно заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ. Доктора предрекли ему неминуемую смерть. Уже домашніе всѣ собрались у одра умиравшаго моего отца и составили такой совѣтъ: просить нашего владыку Амвросія объ опредѣленіи меня священникомъ на мѣсто отца. Родной кровъ, родныя мѣста, нашъ приходскій уютный храмъ, нашъ домъ и благоустроенное хозяйство, друзья дѣтства и юности, любовь прихожанъ — все это манило меня, приковывало къ себѣ, и я думалъ уже, что лучшаго и болѣе счастливаго положенія, какъ именно остаться на родинѣ пастыремъ, не можетъ и быть.

Но Господь судилъ иначе. Въ самыя тяжелыя минуты болѣзни моего отца посылаю я письмо Кронштадтскому о. Іоанну, въ которомъ прошу, молитвенника Россіи, помолиться за болящаго протоіерея Іоанна и вмѣстѣ съ этимъ, указывая на предлежащее мнѣ служеніе, испрашиваю и совѣта его о томъ, какой мнѣ лучше избрать жизненный путь. Великъ былъ мой ду-

ховный восторгъ, когда я въ скоромъ времени получилъ отвѣтъ отъ о. Іоанна, въ которомъ онъ выражалъ пожеланія скорѣйшаго выздоровленія моему отцу, а мнѣ совѣтывалъ избрать путь жизни евангельскій, монашескій, созерцательный. Результаты этого письма поистинѣ были чудесны! Отецъ мой отъ болѣзни поправился и еще шесть лѣтъ продолжалъ быть служителемъ Св. Престола и приходскимъ пастыремъ, а я, не колеблясь, подалъ прошеніе о постриженіи въ монашество. И, удивительно, какъ скоро двинулось мое дѣло и затѣмъ пошло легко и свободно!

Тотъ же приснопамятный архіепископъ Амвросій тогда же разрѣшилъ мнѣ принять постриженіе въ Святогорской пустыни, Харьковской губерніи, съ условіемъ поступленія моего въ Московскую духовную академію. Проѣзжая черезъ Москву, помню, посѣтилъ я священный Московскій Кремль и, между прочимъ, зашелъ въ Чудовъ монастырь. Подходя къ ракѣ святителя Алексія, я почувствовалъ необыкновенную отраду и утѣшеніе и показалось мнѣ тогда, что самую раку окружаетъ какъ бы нѣкій лучезарный свѣтъ, — то, очевидно, любовь святителя Алексія уже тогда приняла и меня грѣшнаго въ свое попеченіе. И, вотъ, этою любовію я пользуюсь 11 лѣтъ. Сердце мое сроднилось со святителемъ, который часто тайно обвеселяетъ меня. Сроднилось мое сердце и съ братіей Чудова монастыря, братіей смиренной, кроткой, трудолюбивой и не по заслугамъ любящей меня. Сроднилось мое сердце и со всѣми тѣми московскими обитателями, которые окормляются у раки святителя Алексія. Любя святителя, они и меня окружаютъ тою же любовію и ихъ любовь такъ бываетъ сильна, что умиляетъ меня, нерѣдко исторгаетъ слезы и заставляетъ невольно стремиться къ Господу. Неудивительно поэтому, когда ходили слухи о моемъ возможномъ уходѣ изъ Чудова монастыря, то жутко дѣлалось мнѣ и я въ душѣ молился святителю Алексію. И Господь по его молитвамъ посылалъ мнѣ утѣшеніе. Еще такъ недавно былъ у насъ въ монастырѣ святой

жизни старецъ игуменъ Герасимъ, который не разъ предрекалъ мнѣ, что если возведутъ меня въ санъ епископа, то непремѣнно оставятъ жить въ Чудовомъ монастырѣ. Вотъ, и это предуказаніе чтимаго народомъ и братіей старца сбылось. Опредѣленіемъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, утвержденнымъ Его Императорскимъ Величествомъ, я возвожусь въ епископскій санъ и остаюсь жительствовать въ томъ же, родномъ для меня, монастырѣ.

Я стою на порогѣ епископства. Душу мою въ настоящее время охватываетъ, съ одной стороны,—смущеніе, робость, а съ другой,—умиленіе и радость. Подобно тому, какъ хозяйка дома при внезапномъ и неожиданномъ приходѣ высокаго гостя смущается, теряется и, стараясь уже при гостѣ все привести въ порядокъ, извиняется, что она не ожидала такого высокаго посѣщенія и потому не успѣла убрать жилища своего и въ то же самое время отъ сознанія того, что ее посѣтилъ такой высокій гость, радуется, ликуетъ, приходитъ въ восторгъ, такъ точно и моя бѣдная, немощствующая, многогрѣшная душа смущается. Она смущается отъ принятія епископскаго сана, она трепещетъ отъ сознанія своего недостоинства, скверны и нечистоты. Куда Ты войдешь, Господи, какъ я Тебя приму: *Вѣмъ яко нѣсмь достоинъ, нижде доволенъ, да подъ кровъ внидеши храма души моея, занеже весь пустъ, и палея есть, и не имаши во мнѣ мѣста достойна, еже главу подклонити* (2-я молитва ко Св. Причащенію), взываетъ голосъ души моей. Я долженъ бы сказать такъ же, какъ нѣкогда сказалъ, пораженный чудеснымъ уловомъ рыбъ, апостолъ Петръ Христу-Спасителю: *Выйди отъ меня, Господи, потому что я человѣкъ грѣшный* (Лук. V, 8).

Но, съ другой стороны, какое-то духовное утѣшеніе, радость и умиленіе охватываютъ теперь и наполняютъ мою душу. И, въ самомъ дѣлѣ, какъ не радоваться, какъ не умиляться, когда Самъ Господь призираетъ на меня Своею благодатію. Вѣдь, все, что исходитъ отъ

Господа, что сближаетъ насъ съ Нимъ, все это должно быть пріятно, любезно, даже больше—безцѣнно нашему сердцу. Такъ на горѣ Преображенія, когда свѣтлый благодатный обликъ осѣнилъ свв. апостоловъ, имъ сдѣлалось такъ легко и отрадно, что апостолъ Петръ не могъ удержаться и засвидѣтельствовалъ Преобразившемуся: *Господи, добро есть намъ здѣ быти* (Матѳ. XVII, 4). И меня ожидаетъ снисшествіе благодати епископскаго сана. И ко мнѣ, грѣшному, грядетъ витати самъ Великій Архіерей, прошедый небеса; Онъ мнѣ даруетъ высшую благодать священства, на меня приникаетъ Своимъ милостивымъ взоромъ. Какъ же мнѣ не восторгаться духомъ и не радоваться о Господѣ. Дай только, Боже, мнѣ эту благодать сохранять и не нерадѣть о ней, какъ нѣкогда поучалъ св апостолъ Павелъ своего ученика Тимофея: *„не неради“*, писалъ онъ ему, *„о пребывающемъ въ тебѣ дарованіи, которое дано тебѣ по пророчеству съ возложеніемъ рукъ священства“* (I Тим. IV, 14).

И предносится моему сознанію, когда именно и прикакихъ условіяхъ даруемую мнѣ благодать я могъ бы сохранять, о ней ревновать и ее возгрѣвать. Это, вопервыхъ, при беззавѣтной преданности святой православной Церкви. Относительно святой Церкви въ отношеніи ея къ переживаемому нами времени должно сказать слѣдующее. Съ одной стороны она, Церковь, въ православно-христіанскомъ сознаніи представляется какъ явленіе не земное и потому учрежденіе твердое, незыблемое, несокрушимое, которое не могутъ одолѣть никакія силы. Но съ другой — въ наше слабое время есть люди, не воспитавшіе и не усвоившіе въ себѣ духа Церкви Вселенской, которые стараются найти въ ней недочеты, думаютъ ее преобразовать, усовершенствовать, исправить, не говоря уже о томъ, что явные враги Церкви стремятся даже ее сокрушить. Что же будетъ дѣлать пастырь Церкви? Вѣдь въ угоду людямъ, въ угоду собственному благополучію пастырю легко не постоять за Церковь, измѣнить ей. Вотъ, тутъ-то и

нужна твердость и непоколебимая преданность Церкви. Воспитываясь въ лонѣ ея, подъ ея постояннымъ попеченіемъ, храня ея завѣты и преданія, вслушиваясь въ ея голосъ, пастырь можетъ вырабатывать въ себѣ такъ называемую, пастырскую совѣсть, которая и не допустить его уклоняться отъ устоевъ и основъ церковныхъ. Эту пастырскую совѣсть дай и мнѣ, Господи, имѣть всегда, чтобы при свѣтѣ ея твердо стать на защиту Церкви и ея интересовъ

Далѣе необходима любовь къ пастырству, такая любовь, при которой не должна погибнуть ни одна ввѣренная тебѣ словесная овца. Какъ тамъ—св. Церковь и современный ей міръ, такъ и здѣсь опять будутъ выступать два начала: съ одной стороны — ты самъ, твое настроеніе, твой характеръ, съ другой — паства, какъ весьма разнообразный и сложный матеріалъ. Въ пастырскомъ дѣлѣ ты будешь одинъ, а твоихъ пасомыхъ множество, съ множествомъ различныхъ характеровъ, настроеній и требованій. Какъ здѣсь быть пастырю? Пасомые ли къ тебѣ должны приспособляться или ты къ нимъ? Слѣдуя примѣру апостола Павла, который *всѣмъ бывъ вся, да всяко нѣкія спасу* (1 Кор. IX, 22), пастырь Церкви долженъ забыть себя, свое себялюбіе, свое благополучіе, свой покой и посвятить себя всецѣло служенію ближнимъ. Онъ долженъ однихъ спасать молитвой, другихъ призывать къ Господу терпѣніемъ, третьихъ смирять кротостію, иныхъ обличать, а инымъ и совсѣмъ запретить. Смотри на ввѣренныхъ тебѣ словесныхъ овецъ съ одной истинно-пастырской точки зрѣнія, которая часто будетъ вѣдома только тебѣ одному и никому иному. Люди со стороны будутъ не понимать твоего образа дѣйствій и говорить, зачѣмъ онъ ѣстъ съ мытырями и грѣшниками, какъ нѣкогда говорили іудеи Спасителю, будутъ осуждать тотъ или другой твой поступокъ, зачѣмъ онъ допускаетъ это, почему онъ не обратитъ вниманія на то, -недоумѣвать, зачѣмъ онъ позволяетъ къ себѣ такъ относиться, будутъ недовольствовать,—почему онъ не поступитъ съ такими-то

строго, а иныхъ не отстранитъ отъ себя совсѣмъ и т. д., и т. д. Все это, однако, будутъ сужденія людей, не понимающихъ пастырскаго долга и дѣла. Ты же, пастырь, одно имѣй предъ собою спасеніе ввѣренныхъ тебѣ душъ. Молись Пастыреначальнику-Христу, чтобы Онъ давалъ тебѣ познаніе истины, озарялъ и просвѣщалъ твой умъ, воспитывалъ въ тебѣ пастырскій долгъ и благоразуміе, одушевлялъ тебя силою любви Своей.

Наконецъ, для епископа нужна чистота жизни, безстрастіе... Правда, и всѣмъ христіанамъ для спасенія нужна чистота, но я хочу въ данномъ случаѣ поставить въ связь это требованіе съ благодатію священства, хочу сказать о томъ, что только на почвѣ безстрастія могутъ возгрѣваться тѣ дары, какіе даются епископу Пастыреначальникомъ Господомъ. Вотъ почему для епископа по церковнымъ правиламъ и требуется 40-лѣтній возрастъ, когда человѣкъ нравственно и физически начинаетъ устанавливаться. Епископъ въ Церкви Христовой долженъ и можетъ быть только свѣтильникомъ. А такъ какъ дѣло свѣтильника—горѣть и свѣтить, то и епископу надлежитъ и самому постоянно горѣть и другимъ непрестанно свѣтить, для чего,—какъ елей для свѣтильника,—епископу нужна чистота жизни и помысловъ или бестрастіе и огонь любви, благодатной любви къ людямъ.

Я позволилъ себѣ, богомудрые и святые отцы, кратко начертать, что требуется отъ пріемлющаго святительскій санъ и этимъ какъ бы намѣтилъ программу, которой я долженъ слѣдовать при своемъ служеніи. Но кто мнѣ поможетъ, не скажу выполнить, а хотя бы, при моей худости, отчасти ей слѣдовать? Молюсь прежде всего Пастыреначальнику-Христу-Спасителю, Которому всецѣло себя ввѣряю, Ему Одному отдаю всего себя и посвящаю всѣ свои силы, какія у меня есть: *Твой есмь азъ, спаси мя.* (17-я каѳ.).

Усердно прошу и васъ, богомудрые святители, когда будете возлагать на меня ваши святительскія руки,

помолитесь, дабы Господь помогъ мнѣ невозбранно носить святительскій санъ.

Прошу и васъ, братія мои родные, о томъ же. Епископъ поставляется для народа (Евр. V, 1). Для васъ, братіе, готовитъ меня Господь. Молитесь же о мнѣ, дабы я былъ вашъ, вамъ принадлежалъ, вамъ служилъ и васъ къ Господу приводилъ.

Рѣчь, сказанная въ Московской Городской Думѣ 22 іюля 1914 г., предъ молебномъ о дарованіи побѣды.

Господь посылаетъ намъ, дорогіе братія, великое испытаніе. Надъ нами нависла гроза, страшная гроза — война. Если въ частной жизни каждаго человѣка горе чувствуется имъ однимъ и немногіе со стороны его замѣчаютъ, то не это нужно сказать относительно общественнаго бѣдствія, особенно такого, какъ война. Здѣсь каждый изъ насъ чувствуетъ боль и боль тяжелую. За что же намъ такое испытаніе? Видно, мы виноваты предъ родиной, что дается намъ такая скорбь. Да, всякое общественное бѣдствіе есть наказаніе Божіе за грѣхи людскіе. Не станемъ говорить, какая наша вина предъ родиной. Каждый изъ насъ хорошо ее знаетъ, если вспомнитъ послѣднее десятилѣтіе, когда проявилось шатаніе умовъ, неуваженіе къ завѣтамъ старины, св. вѣрѣ. Не станемъ однако, винить и судить другъ друга. Не этому теперь мѣсто Намъ нужно теперь сознаніе своихъ прегрѣшеній, нужно покаяніе... Прости же намъ, дорогая наша отчизна, нашъ родной край, эти наши необозримые лѣса и широкія поля, дающія намъ приволье и славу! Прости намъ, нашъ родной Державный Царь-Батюшка! Мы и Тебя огорчали нестроеніями и ссорами, а Ты, любвеобильный, любишь насъ, какъ своихъ родныхъ дѣтей и печешься о благоустроеніи нашей отчизны. Прости намъ, наша св. вѣра и Церковь Православная, наша св. мать! И Тебя мы не мало огорчали отступленіемъ и невѣріемъ, тогда какъ

ты, въ союзѣ съ державными нашими царями, сдѣлала изъ насъ, русскихъ, то, что мы есть, сдѣлала нашу Русь святую сильной и славной. Теперь въ сторону должны отойти всякая гордость и самолюбіе; покаянное же чувство пусть охватитъ наши сердца!.. Въ рукѣ Творца Вселенной жизнь и дыханіе всѣхъ живущихъ на землѣ, а покаяніе есть путь примиренія съ Творцемъ... Покаемся же, дорогіе братія, и Творецъ міра проститъ, помилуетъ и сторицею возвеличитъ насъ! Аминь.

Рѣчь, сказанная въ Московскомъ Политехническомъ музеѣ 24 августа 1914 г, предъ открытіемъ чтеній для рабочихъ.

При тяжелыхъ обстоятельствахъ, братіе, приходится намъ начинать кругъ нашихъ чтеній. Мы теперь съ Вами переживаемъ тяжелое испытаніе. Могущественные наши сосѣди-нѣмцы, вмѣстѣ съ союзной Германіи двуединой монархіей Австро-Венгріей, объявили намъ войну. Такое чрезвычайное въ жизни нашей событіе заставляетъ насъ прежде всего остановить наше вниманіе на размышленіи, что это за война и какъ на нее смотрѣть? Борьба съ нѣмцами—наша исконная борьба. Уже Благ. Князь Александръ Невскій воевалъ съ ними. Однажды, готовясь вступить въ бой съ ливонскими нѣмцами, онъ такъ воскликнулъ: „разсуди, Боже споръ мой съ этимъ высокомѣрнымъ народомъ", и воины въ порывѣ воодушевленія сказали: „о, честный и дорогой нашъ княже, приспѣлъ часъ сложить намъ за тебя свои головы"! И отъ того времени до нашихъ дней нѣмцы—этотъ высокомѣрный, по словамъ св. Александра Невскаго, народъ не переставалъ намъ—русскимъ наносить вредъ, хотя часто-часто мы, по своей добротѣ, гостепріимству и смиренію, и не замѣчали этого. Какой причинялся намъ нѣмцами вредъ, объ этомъ говорила и еще скажетъ въ подробности исторія, намъ же хочется сейчасъ указать только на тѣ опасности

отъ нѣмцевъ, какія настоящая война намъ такъ рельефно уже выдвинула. Это, во-первыхъ, притѣсненіе и угнетеніе нашихъ братьевъ-славянъ германскимъ народомъ, во-вторыхъ, засилье русской земли нѣмцами, которыя захватили у насъ въ свои руки промышленность, торговлю, даже повели, незамѣтное для насъ, территоріальное завоеваніе, основывая свои колоніи и забирая въ свои руки сельское хозяйство, и въ треть ихъ.—нѣмцы сдѣлали подрывъ нашей св. вѣрѣ Православной, посѣявъ у насъ штундизмъ, баптизмъ и т. п. нѣмецкіе секты. Невѣріе, протестантское направленіе въ церковно-религіозныхъ взглядахъ—все это плоды насильственной культуры нѣмцевъ И, въ концѣ всего, они объявили намъ братоубійственную войну. Всякая война есть бѣдствіе, но и война не бываетъ безъ Промысла Божія. Прочитайте въ Библіи исторію еврейскаго народа и вы увидите, что Самъ Господь выводилъ на брань съ язычниками избранный народъ Свой. Кто знаетъ, можетъ быть, и сія война попущена Господомъ Богомъ не безъ цѣли для насъ. Трудно человѣку угадывать пути Промысла Божія. Но, если мы распознаемъ свое призваніе, и посмотримъ на нашу Русь, какъ на Русь святую, на русскій народъ, какъ на народъ Богоизбранный, то отчасти мы уразумѣемъ и тѣ задачи, какія намъ предлежитъ выполнить чрезъ ниспосланную намъ войну. Вы знаете, что нѣмцы всѣ усилія употребляли на изобрѣтеніе и усовершенствованіе военныхъ приспособленій, пока, наконецъ, не рѣшили ихъ примѣнить на дѣлѣ, направивъ на насъ всю ихъ смертоносность. А развѣ подобаетъ христіанскому народу проливать кровь? Миръ, а не войну заповѣдалъ намъ Христосъ. И что сказалъ бы Онъ намъ, если бы былъ свидѣтелемъ настоящей братоубійственной войны? Есть такая картина: поле сраженія; масса лежитъ на немъ убитыхъ воиновъ, еще больше раненыхъ и въ ранахъ мучащихся. Въ сіяніи заходящаго солнца изображенъ пришедшимъ на это страшное поле Христосъ Спаситель, Который съ жалостью взираетъ

на все это и кротко говоритъ: „братіе, развѣ не говорилъ Я вамъ: любите другъ друга!“ Между христіанскими народами, какъ это ни прискорбно, временами ведутся войны и это отъ того, что тотъ или другой народъ чувствуетъ собственную силу, возможность усилиться насчетъ другого. А что было бы, если бы какой-нибудь одинъ миролюбивый христіанскій народъ съ помощію Божіею настолько усилился бы, что послѣ ни одинъ другой народъ не дерзнулъ бы поднять руки на своего брата христіанина? Страхъ предъ могуществомъ этого народа не позволялъ бы и другимъ воевать другъ съ другомъ. И кто знаетъ, можетъ быть, миролюбивому русскому народу пришло время чрезъ настоящую войну усилиться настолько, чтобы потомъ поддерживать миръ среди всѣхъ немирствующихъ христіанъ. Далѣе, русскому народу дано храненіе вѣры православной, но смотрите,—она въ гоненіи то въ Галиціи отъ тѣхъ же нѣмцевъ, то на Балканахъ отъ турокъ-мусульманъ. Опять, кто знаетъ, быть можетъ, Господь призываетъ Русь святую поддержать, встать на защиту Вѣры Православной, высвободить нашихъ братьевъ-славянъ изъ подъ гнета враждебныхъ Православной Вѣрѣ народовъ и дать ей свободу, просторъ. И еще,—нѣмецкое засилье извратило нашъ русскій коренной строй—подорвало и унизило національное наше чувство, развило у насъ гордость, задушило нашу русскую простоту, ко всему этому присоединились еще и наши собственные пороки, въ особенности усилилась страсть къ винопитію. И, вотъ, какъ черезъ огонь искушается золото, такъ мы черезъ огонь войны призываемся къ исправленію нашей жизни, къ возвращенію на прежній путь доброй христіанской жизни, къ перемѣнѣ изнутри и снаружи самихъ себя. Дай же, Господи, чтобы мы уразумѣли пути Промысла Божія, являемаго намъ въ настоящей войнѣ! Дай Господи, чтобы эта война послужила намъ къ вящей славѣ, чести и могуществу!

Рѣчь въ Московскомъ Алексіевскомъ военномъ училищѣ 22-го октября въ день храмоваго праздника.

Еще такъ недавно, до начала войны, когда мы получали извѣстія о томъ, что въ Галиціи наши русскіе братья православные терпятъ утѣсненія, возмущалось наше русское сердце и мы сознавали себя обязанными имъ помочь, ихъ освободить; насъ словно укоряла совѣсть, что мы, будучи сынами столь великой державы какъ Россія, допускаемъ порабощеніе нашихъ братьевъ. Или, когда доходили до насъ слухи, что православный востокъ угнетается мусульманами, когда видѣли мы Св. Софію Константинопольскую и другія святыни Востока попранными и поруганными, невольно рождалась мысль, до какихъ поръ все это будетъ, казалось, что на насъ лежитъ долгъ свергнуть съ Православнаго Востока мусульманское иго, чувствовалось даже, что намъ дана сила совершить это. Или еще, когда развилось у насъ засилье нѣмецкое до большихъ размѣровъ, такъ что стало вытравляться у насъ все русское родное, думалось,—долго продолжаться это не можетъ, русскій народъ еще силенъ—онъ долженъ поднять свое самосознаніе, постоять за свои исконныя русскія права. Но выполнить надлежащія намъ задачи мы не рѣшались или, лучше, не могли. Не могли потому, что не пробилъ для насъ этотъ часъ. Русскій человѣкъ крѣпко вѣритъ въ промыселъ Божій, прислушивается къ Нему и всю свою жизнь направляетъ по тому пути, куда ведетъ его Господь. Онъ не дерзаетъ предвосхищать то, что отъ Господа устрояется. Самъ Промыслъ Божій не разъ выводилъ Россію на выполненіе своихъ судебъ. Такъ и теперь. Настоящая вынужденная война ясно обрисовала намъ, зачѣмъ она допущена для насъ Господомъ. И, вотъ, именно вамъ, теперешнимъ воинамъ, выпала доля выполнить предлежащія намъ задачи. Счастливы же вы, что ради высокой идеи вступили въ ряды христолюбивыхъ воиновъ. Счастливы потому, что

кто не ради чести, славы и корысти дѣлается воиномъ, а ради идеи святой, тотъ легко несетъ тяжелый воинскій подвигъ, легко не для тѣла, которое часто принуждено страдать, а для души, для сердца, ибо за святое дѣло легко и умирать. Призри же съ небесе, Боже, и виждь и посѣти виноградъ сей –сихъ христолюбивыхъ воиновъ, и всели въ ихъ умы сознаніе великаго дѣла, ими предпринимаемаго, а сердца ихъ исполни безстрашіемъ, мужествомъ и легкостію. Призри съ небесе, Боже, и виждь и посѣти виноградъ сей – сихъ христолюбивыхъ воиновъ, и пошли имъ Ангеловъ хранителей, которые бы, и при ихъ тяжеломъ воинскомъ подвигѣ, хранили ихъ невредимыми, ибо писано есть: „Ангеломъ своимъ заповѣсть о тебѣ сохранити тя во всѣхъ путехъ твоихъ и на рукахъ возмутъ тя, да не преткнеши о камень ногу твою“ (пс. 90, II, 12).

Рѣчь, при совершеніи общественнаго молебна на Введенской площади въ Москвѣ.

Когда бываетъ туманъ, трудно намъ тогда различать предметы. Тогда легко упасть въ яму, наткнуться на предметъ, если мы на сушѣ, а корабль, напр., во время тумана легко наскакиваетъ на подводный камень. Такимъ туманомъ застилала нашу русскую землю нѣмецкая культура—именно, она наводила на насъ туманъ своимъ, якобы полезнымъ для насъ, вліяніемъ. То обстоятельство, что нѣмцы живутъ съ нами по сосѣдству, давало намъ поводъ думать, — что они наши добрые сосѣди. То обстоятельство, что они приходили къ намъ и занимали у насъ разныя должности, строили фабрики, заводы и даже пріобрѣтали земли наводило насъ на мысль, что они подымаютъ наше экономическое благосостояніе, а то, что они у себя развивали, якобы ученость—давало имъ мѣсто и у насъ быть просвѣтителями, и не только въ свѣтской, научной области, но и религіозной, церковной Но, вотъ, война, которую

они съ нами такъ незаконно повели, открыла намъ глаза, разсѣяла туманъ, какой нѣмцы наводили на насъ, обнаружила намъ, кто такіе эти нѣмцы. И то, что они живутъ рядомъ съ нами, теперь показываетъ, какъ нужно быть съ ними осторожными, какъ намъ всегда надо быть на чеку, быть готовыми отразить натискъ, если онъ будетъ сдѣланъ на насъ дерзкимъ нашимъ сосѣдомъ. А экономическое благосостояніе они подымали не наше, а свое собственное, нѣмецкое, ибо жили на счетъ Россіи, выжимали изъ нея соки, все тащили въ свою Германію. А просвѣтителями они оказались для насъ пагубными и, особенно, въ религіозной области. Кто посѣялъ у насъ разныя секты; штундизмъ, баптизмъ, адвентизмъ, какъ не нѣмцы? Уже самыя названія этихъ сектъ показываютъ, что онѣ произведеніе нѣмецкое. И руководители ихъ первые были нѣмцы. И какъ намъ теперь стыдно: мы пошли учиться у нѣмцевъ даже вѣрѣ, оставивъ въ сторонѣ нашу Св. Православную Церковь! Но это поистинѣ было страшное недоразумѣніе. Теперь этого не будетъ. Мы сознаемъ всю свою ошибку и, какъ одинъ человѣкъ, должны объединиться подъ кровомъ нашей матери Православной Церкви. Да, возлюбленные братія, намъ нужно любить все наше русское, свое родное. Любите эту простоту, смиреніе, трудъ—свойства, отъ которыхъ русскій человѣкъ доселѣ считался Богоносцемъ. Любите Царя Самодержавнаго, Православнаго. Что у насъ есть такой Царь, это наше счастіе, наше величіе и слава. Мы имѣемъ русскаго православнаго Царя, значитъ у насъ есть отецъ народа, есть его печальникъ, защитникъ, доброжелатель. Хорошо той семьѣ, гдѣ живъ отецъ, тамъ ведется порядокъ, такая семья и матеріально обезпечена и часто разстройство въ семьѣ бываетъ съ потерею отца. Тоже и въ большой семьѣ—Государствѣ И какъ не можетъ быть двухъ или болѣе отцевъ, а только одинъ, такъ и въ Государствѣ, правильно поставленномъ, долженъ быть одинъ Царь Самодержавный. Любите, далѣе, братіе, Церковь Святую,

ибо она привела насъ къ вѣрѣ Христовой и уготовляетъ намъ Царство Небесное. Любите эти Святыни русскія, съ которыми такъ много у насъ связано воспоминаній какъ историческихъ, такъ и семейныхъ. И такая любовь ко всему нашему родному привлечетъ къ намъ и любовь Божію, которая помилуетъ насъ въ сіи дни испытаній.

Рѣчь, при открытіи лазарета для раненыхъ воиновъ Московскимъ Дворянскимъ Собраніемъ.

Нѣкогда съ береговъ Галилейскаго озера раздавался призывъ Господа Спасителя — любить ближнихъ, сострадать несчастнымъ, больнымъ и страждущимъ, - при этомъ дѣло состраданія къ ближнимъ такъ высоко Господомъ поставлялось, что даже чаша студеной воды, поданная страдающему, вмѣнялась въ великую заслугу. Нынѣ Господь Спаситель зоветъ насъ къ той же любви къ ближнимъ, но не съ береговъ Галилейскаго озера, а съ полей брани, зоветъ насъ въ лицѣ нашихъ воиновъ, такъ мужественно отражающихъ нашего врага, защищающихъ своею грудью дорогое намъ Отечество, Царя и Св. вѣру нашу и за нихъ проливающихъ свою кровь. Тамъ, къ берегамъ Галилейскаго озера, стекались на призывъ Спасителя люди, нравственно перерождались, и начинали творить добро, и—наше русское Общество, какъ только услышало стоны христолюбивыхъ воиновъ съ полей брани, умягчилось сердцемъ и готово съ нѣжною любовію перевязывать ихъ раны. Двѣ черты можно отмѣтить въ настоящей войнѣ. Это, во первыхъ, то, что война намъ навязана, мы стали воевать только ради высокой цѣли защитить Отечество и нашихъ братьевъ-славянъ. Вторая черта та, что русское Общество съ любовію старается отнестись къ нашимъ добрымъ воинамъ-братьямъ, обагрившимъ своею кровію поля брани. И эти двѣ черты, двѣ особенности настоящей войны, каждый скажетъ, суть явленія выс-

шаго нравственнаго порядка. Въ самомъ дѣлѣ, защищать Отечество, выручать единовѣрныхъ и единокровныхъ братьевъ развѣ это не великое нравственное дѣло? А обвязывать раны, —вѣдь это евангельская добродѣтель милосердаго Самарянина, коего такъ восхвалилъ Господь нашъ Спаситель. За нами, значитъ, братіе, добрыя начала настоящей войны, съ нами, поэтому и Господь Богъ, ибо онъ Богъ добра, правды, любви и милосердія .. Призываю Божіе благословеніе на всѣхъ желающихъ потрудиться здѣсь ради нашихъ дорогихъ братьевъ-воиновъ.

Рѣчь во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ въ день храмоваго праздника 8-го ноября.

Вашъ храмъ, дорогіе братіе, посвященъ небесныхъ воинствъ Архистратигу Михаилу. Михаилъ слово еврейское и означаетъ: „кто яко Богъ", т. е. нѣтъ выше Бога никого, Богъ—Творецъ вселенной, Альфа и Омега, начатокъ и конецъ всего: небо и земля, видимый міръ и невидимый—все существующее имѣетъ конечную цѣль въ Богѣ. И Архистратигу Михаилу усвоено это имя потому, что онъ является первымъ и главнымъ ратоборцемъ за славу Божію. Онъ низвергъ съ неба Денницу—перваго Ангела съ его воинствомъ, когда тотъ возсталъ противъ Бога, онъ въ теченіе всей міровой исторіи ведетъ борьбу со всѣми тѣми, кто воюетъ противъ Бога и въ концѣ всего побѣдитъ антихриста—этого послѣдняго и ужаснаго врага Царства Христова. Архистратигъ Михаилъ вмѣстѣ съ этимъ является покровителемъ и помощникомъ и во всѣхъ тѣхъ дѣлахъ, когда вопросъ касается той же славы Божіей. Общественное ли это дѣло, или частное, отдѣльнаго человѣка, коль скоро цѣль его—слава Божія—здѣсь и Архистратигъ Михаилъ, какъ помощникъ и покровитель. Въ данномъ случаѣ я имѣю въ виду воинское дѣло, какъ близко къ намъ относящееся.

Вѣдь, и война можетъ имѣть въ послѣдней своей цѣли—ту же славу Божію. Возьмемъ исторію еврейскаго народа. Какъ народъ богоизбранный, онъ въ Ветхомъ Завѣтѣ велъ войны, Промысломъ Божіимъ допускаемыя. И что же? Мы видимъ Архистратига Михаила, помогающаго еврейскому народу въ ихъ воинскомъ дѣлѣ: то онъ является Іисусу Навину предъ завоеваніемъ обѣтованной земли и города Іерихона, причемъ при его покровительствѣ падаютъ стѣны Іерихона: то онъ является еврейскому судіи Гедеону и воодушевляетъ его на борьбу съ врагами народа...

Перенесемся теперь къ нашему воинству. Архистратигъ Михаилъ, несомнѣнно, является покровителемъ и нашего воинства, ибо наше воинство называется христолюбивымъ, т. е. оно носитъ мечъ не для иной какой цѣли, какъ только для прославленія имени Христова на землѣ, для славы Божіей. И, посмотрите, какъ это назначеніе нашего воинства прекрасно нашъ Державный Царь выразилъ въ первомъ манифестѣ предъ настоящей войной: *„да благословитъ Господь Вседержитель наше и союзное оружіе, и да поднимется вся Россія на ратный подвигъ съ желѣзомъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ“*—для защиты нашихъ братьевъ, дорогого намъ Отечества и Вѣры святой. Цѣль войны ясна—слава Божія, а, значитъ, и нашъ помощникъ, и нашъ защитникъ—св. Архистратигъ Михаилъ, этотъ ревнитель славы Божіей. И съ такимъ великимъ покровителемъ намъ не страшна никакая война Въ святоотеческихъ писаніяхъ встрѣчаются мысли, что тѣ мѣстности, тѣ храмы, которые посвящены въ честь св. Архистратига Михаила — несокрушимы, ибо они имѣютъ великій оплотъ въ Архистратигѣ небесныхъ силъ; эти мѣста устоятъ и при послѣдней борьбѣ антихриста съ Царствомъ Христовымъ. Счастливы и тѣ лица, которые носятъ имена свои въ честь Архистратига Михаила. И они также находятся въ рукахъ надежнаго покровителя. Запомните же, дорогіе питомцы сего учебнаго заведенія, что счастливы и вы, потому

что воспитываетесь подъ небеснымъ покровомъ Архистратига Михаила. Сохраняя Васъ здѣсь, Онъ не оставитъ васъ и въ вашей жизни, какъ мирной, такъ и на бранномъ полѣ, если только вы Его всегда будете помнить и въ помощь себѣ Его призывать.

Рѣчь въ Златоустовскомъ Религіозно-Философскомъ Кружкѣ учащихся г. Москвы, предъ молебномъ небесному покровителю Кружка.

Дорогіе юноши и дѣвицы и вся учащаяся молодежь! Я хочу васъ спросить, почему человѣкъ въ юношескомъ возрастѣ бываетъ привлекательнымъ и симпатичнымъ? Если мы въ сообществѣ съ добрымъ юношей, то такъ и хочется ему сказать: останься съ нами. не уходи отъ насъ, мы рады тебѣ, твое присутствіе насъ бодритъ и успокаиваетъ. Это происходитъ отъ того, что юношескій возрастъ, какъ неизломанный жизнію, бываетъ исполненъ идеальныхъ, добрыхъ стремленій. Юношескій возрастъ таковъ, что человѣкъ начинаетъ жить сознательною жизнію. когда онъ уже все оцѣниваетъ. переживаетъ. А то, что юность недалеко отошла отъ дѣтства, даетъ ей черту непорочности и чистоты. Юноша — это разцвѣтшій цвѣтокъ. Мужъ никогда не можетъ быть такимъ симпатичнымъ, пріятнымъ, какъ юноша. Жизнь накладываетъ на человѣка свой отпечатокъ. У мужа уже на лицѣ въ складкахъ и морщинахъ можно наблюдать пережитую имъ борьбу, да и усвоенныя имъ привычки именно этими морщинами и ложатся на его лицѣ. Здѣсь въ складкахъ можно усматривать ту или другую нажитую мужемъ страсть. И молитва мужа не такова, какъ юноши. Юноша молится радостною, свѣтлою молитвою, мужъ же въ молитвѣ часто скорбитъ и льетъ слезы въ покаянномъ чувствѣ о своихъ пережитыхъ грѣхахъ, паденіяхъ и немощахъ. Правда, настоящая жизнь все доброе старается сокрушить: она стремится и юность, какъ можно скорѣе ввергнуть во

всѣ жизненныя треволненія, развратить ее, испортить; но, однако, какъ не силенъ этотъ жизненный натискъ, юность во многихъ своихъ представителяхъ продолжаетъ рваться къ благородному, высокому, идеальному, и, такъ какъ религія даетъ для этого основы, то, вотъ, мы и видимъ, какъ лучшее юношество начинаетъ образовывать: то христіанское содружество учащейся молодежи въ Петроградѣ, то религіозно-филосовскій Златоустовскій кружокъ въ Москвѣ. Есть еще „всемірный христіанскій студенческій союзъ", но мы о немъ умалчиваемъ, потому что онъ, какъ порожденіе заграничное и чуждое истиннаго христіанскаго направленія, можетъ быть только порицаемъ. Но, вотъ, у насъ Златоустовскій Кружокъ. Какое прекрасное названіе! Святитель Іоаннъ Златоустъ—покровитель его. А если такъ, то этотъ Кружокъ долженъ отъ своего небеснаго покровителя брать и примѣръ для подражанія. Іоаннъ Златоустъ въ молодости былъ пылкій и весьма способный юноша: онъ сильно стремился къ знанію и много увлекался искусствами и зрѣлищами. Но у него была благочестивая мать Анфуса и также другъ Василій. Мать своею молитвою, убѣжденіемъ и любовію много сдерживала пылкаго юношу—Іоанна, а добрый другъ Василій—былъ для него примѣромъ, поддержкою и лучшимъ совѣтникомъ. Пусть же и для васъ—юношей Златоустовскаго Кружка Анфусой будетъ Церковь православная, добрая мать наша, а другомъ Василіемъ—самъ св. Іоаннъ Златоустъ и всѣ хорошо настроенные добрые ваши товарищи, какъ и весь нашъ религіозно-филосовскій Златоустовскій Кружокъ.—Но предъ нами Іоаннъ Златоустъ не только какъ юноша, но и какъ святитель Христовъ, пастырь и учитель Церкви. Онъ, вспоминая свою бурно прожитую молодость, много потомъ писалъ о воспитаніи и постоянно повторялъ о томъ, какъ опасенъ юношескій возрастъ, въ смыслѣ возможности удаленія отъ истиннаго пути, и совѣтовалъ юношамъ быть крайне осторожными и осмотрительными. Запомнимъ и этотъ

урокъ нашего небеснаго покровителя. Воспитываясь подъ покровомъ св. Церкви, и, имѣя содружество съ добрыми людьми,—будемъ постоянно помнить слова св. ап. Павла: „блюдите убо, како опасно ходите, не яко-же немудри, но якоже премудри, искупующе время, яко дни лукави суть".

Рѣчь, при служеніи въ Ильинской церкви подмосковнаго села Черкизова 16-го августа 1914 г.

Русскій человѣкъ часто своимъ горькимъ опытомъ доходитъ до сознанія пагубности того, отъ чего предостерегаютъ его и св. Церковь, и власть, и добрые благожелательные наставники наши. Кажется, сколько разъ намъ говорилось—любите все русское, родное, природное, національное, остерегайтесь иностранцевъ, не довѣряйте имъ, разсматривайте внимательно — дѣйствительно ли они ваши друзья, или же только стремятся пользоваться вашимъ добромъ, вашимъ имуществомъ, вашимъ трудомъ и силами. Но нѣтъ, всякій иностранецъ у насъ въ почетѣ, своего же русскаго брата мы не жалѣемъ, —готовы его при случаѣ притѣснить, унизить. Пришлось намъ, однажды, путешествовать въ чужеземныхъ водахъ на русскомъ пароходѣ. Здѣсь были кромѣ русскихъ —греки, евреи, турки и люди разныхъ національностей. Всѣ они чувствовали себя на пароходѣ, какъ дома,—смѣло заявляли свои требованія, держали себя во всемъ развязно и свободно, и наши пароходные власти, повидимому, имъ старались угодить, оказать вниманіе, только русскіе пассажиры и особенно простые, бѣдные паломники чувствовали себя приниженными и занимали послѣднія мѣста Хорошо быть гостепріимнымъ, любить странныхъ и чужеземныхъ, но не хорошо пренебрегать, унижать, забывать и стыдиться своего родного, природнаго, русскаго. За нами былъ этотъ грѣхъ и, вотъ, теперь пожинаемъ плоды его: наши гости нѣмцы ведутъ съ нами кровопролитную войну.

Далѣе, сколько писалось и говорилось проповѣдей о томъ, какъ пагубно пьянство, сколько погибло у насъ отъ вина людей—пьянство такъ у насъ усилилось, что мы на каждомъ шагу стали встрѣчать алкоголиковъ—больныхъ, несчастныхъ, оборванныхъ. Но нѣтъ! затвердилъ себѣ русскій человѣкъ, что „веселіе Руси пити",—и пилъ безъ конца пагубную водку, пока, наконецъ, чуть было не пропилъ всю Россію, все ея духовное и матеріальное благосостояніе. Вѣдь всѣ послѣднія несчастія Руси – бѣдность крестьянъ, забастовки рабочихъ, нестроенія въ обществѣ, оскудѣніе вѣры и нравственности — все это тѣсно связано съ пагубнымъ виномъ. Русскій человѣкъ черезъ вино былъ наканунѣ духовнаго и матеріальнаго краха, но Господь милостивъ къ намъ! Черезъ голосъ Державнаго нашего Царя-Батюшки объявлена намъ трезвость, и народъ внялъ этому голосу. Русскій народъ, ты долженъ быть трезвымъ, а иначе погибнешь!—пронеслось по всему лицу земли русской, и, вотъ, повсюду послышался откликъ на этотъ призывъ: вездѣ стали закрывать винныя лавки и объявлять трезвость. Несомнѣнно, что горькій опытъ пагубности вина привелъ насъ къ сознанію необходимости трезвости.

И еще... всегда св. наша Церковь черезъ своихъ пастырей предохраняла и предохраняетъ насъ отъ ересей и расколовъ. Мы, русскіе люди, коль скоро называемся—православными, должны принадлежать единой Св. Церкви, должны находиться въ духовномъ единеніи и со всѣмъ православнымъ Востокомъ. Но не внимали мы и этому голосу Св. Церкви. И что же случилось? Появился у насъ расколъ, распавшійся на безчисленное множество отдѣльныхъ согласій. Появились у насъ самыя разнообразныя секты: баптисты, штундисты, адвентисты, хлыстовщина и т. п. и, что ужаснѣе всего, стали учить насъ вѣрѣ тѣ же нѣмцы. Отъ нихъ и самыя секты стали называться по-нѣмецки. Что это пріятное и нормальное явленіе? Развѣ намъ мало было единой, святой, православной вѣры со множествомъ

храмовъ, со множествомъ святынь, мощей, чудотворныхъ иконъ? Ясно, что русскій человѣкъ глубоко прегрѣшилъ предъ Господомъ, когда пошелъ учиться вѣрѣ у нѣмцевъ и непризванныхъ учителей, забывъ свою родную мать — Церковь православную. И неужели и впредь мы будемъ блуждать? Да не будетъ этого. Забудемъ всякія секты, покаемся въ грѣхахъ и возсоединимся съ Св. Церковью, ибо только въ ней наше духовное благо, наше счастье и спасеніе! Итакъ, мы научены горькимъ опытомъ, а потому будемъ и жить и вѣровать, какъ подобаетъ православнымъ христіанамъ.

Рѣчь, при служеніи въ Троицкой церкви, за Крестовской заставой, въ Москвѣ 9-го ноября 1914 г.

Въ несчастіяхъ, говорятъ, познается человѣкъ. Счастіе часто затуманиваетъ нашу голову. Мы тогда живемъ внѣ себя, внутреннее наше принижается, забывается. Тоже нужно сказать и относительно цѣлаго общества и даже народа. Мы теперь переживаемъ великое несчастіе-войну. И, вотъ, это несчастіе выдвинуло многія добрыя качества нашей русской души. И прежде всего любовь къ родинѣ. Про насъ стали говорить, и не безъ основанія, что скоро нами завладѣютъ иностранцы, что мы потеряли національное чувство, что русскіе готовы свое родное продать, своему родному измѣнить. Но...—началась война, и русскіе люди, какъ одинъ, встали на защиту своей родины. Подъемъ духа произошелъ необычайный. Матери охотно посылаютъ своихъ мужей, своихъ дѣтей на войну. Вотъ, напр., что пишетъ одна русская мать своему сыну-воину. „Твой отецъ былъ убитъ далеко отъ насъ за Ляояномъ, тебя я отдала святому дѣлу защиты нашей милой родины отъ близкаго и страшнаго врага. Помни, что ты—сынъ героя. Мое сердце сжимается и глаза плачутъ, когда я говорю тебѣ: „будь его достоинъ!“ Вѣдь, я знаю весь роковой ужасъ этихъ словъ, и все-таки въ мукѣ за тебя пов-

торяю ихъ. Насъ всѣхъ не будетъ. Что—наша жизнь? Это—капля въ океанѣ прекрасной Россіи. Насъ всѣхъ не будетъ, но пусть цвѣтетъ и радуется она. Я знаю, мы будемъ забыты, наши счастливые потомки и не вспомнятъ тѣхъ, кто истлѣетъ въ братскихъ могилахъ... Цѣлуя и благословляя тебя, я простилась съ тобою. Когда тебя пошлютъ на подвигъ, не помни моихъ слезъ, помни только мои благословенія... Да хранитъ тебя Богъ, мой дорогой, свѣтлый, любимый"!.. (Арм. Вѣст.). Не далѣе, какъ вчера, подходитъ ко мнѣ въ церкви подростокъ лѣтъ 14 и со слезами говоритъ: „благословите меня пойти на войну добровольцемъ". „Вѣдь ты еще малъ", говорю я ему. „Но мнѣ жаль нашихъ солдатъ, проливающихъ за насъ кровь, мнѣ жаль смотрѣть, какъ ихъ раненыхъ привозятъ къ намъ. Я сижу дома здоровымъ, а они тамъ мучатся, я хочу также пострадать за Россію". Выдвинула, далѣе, война русское милосердіе, любовь къ страждущему человѣчеству. Въ одной Москвѣ открыто до 700 лазаретовъ. Всѣ спѣшатъ въ чемъ-нибудь проявить участіе въ общемъ, посѣтившемъ нашу родину, несчастьи. Кто записывается въ сестры милосердія, кто ухаживаетъ за больными и ранеными, кто шьетъ одежду, кто матеріально помогаетъ... Открылись, какъ и у васъ, между прочимъ, при многихъ церквахъ лазареты. Здѣсь приходъ, подъ покровомъ Церкви и при благословеніи своихъ пастырей, объединяется для благотворенія. И замѣчено, что въ этихъ приходскихъ лазаретахъ дѣло идетъ хорошо, и главное, въ нихъ чувствуется какая-то благодатная атмосфера, а дѣятели вмѣстѣ съ пастыремъ переживаютъ особый религіозный подъемъ духа, очевидно, Господь принимаетъ жертву доброхотовъ и ихъ духовно утѣшаетъ. Вотъ истинная благотворительность. Она должна исходить и группироваться въ приходѣ, при храмѣ. И дай Богъ, чтобы примѣры такой приходской благотворительности, данные войною, имѣли откликъ и на будущее время. Пробудила война и вѣру нашу православную. Эта вѣра вездѣ слышится въ цар-

скихъ словахъ. Эта вѣра охватила все русское общество. Теперь горячо молятся супруги о мужахъ, матери о дѣтяхъ, а всѣ мы о своихъ братьяхъ—воинахъ. Горячо молятся и сами воины. Передаютъ трогательныя повѣствованія о молитвахъ ихъ на полѣ брани. И, видимо, Господь пріемлетъ ихъ молитвы. Было уже нѣсколько случаевъ чудесныхъ явленій. Видѣли на небѣ явленіе Божіей матери... Или, вотъ, разсказъ объ иконѣ Спасителя (тайной вечери) въ одномъ домѣ, который подвергался бомбардировкѣ непріятеля. Почти весь домъ былъ разрушенъ, но икона оставалась невредимой и присутствующіе здѣсь наши воины чувствовали отъ нея благодатную помощь. Въ одномъ мѣстѣ раненыхъ вздумали занимать веселыми разсказами и шутками, но они попросили читать имъ назидательное и душеспасительное. Св. Евангелія, крестики они принимаютъ съ любовію и радостію.

Вы, прихожане св. храма сего, во всѣхъ указанныхъ добрыхъ начинаніяхъ, вызванныхъ войною, проявляете горячее участіе. Вы, то отправляете на поле брани своихъ домашнихъ, то спѣшите въ свой храмъ, дабы здѣсь, предъ Господомъ излить свои молитвы; то, наконецъ, устраиваете приходскій лазаретъ и комитетъ для оказанія пособія семействамъ воиновъ, ушедшихъ на войну. Не ослабѣвайте же въ вашихъ добрыхъ чувствахъ и дѣлахъ. Доброе дѣло тогда особенно пріятно Господу Богу, когда оно дѣлается не урывками и случайно, а регулярно и безостановочно. Божіе благословеніе да будетъ съ вами!

Рѣчь въ 3-мъ кадетскомъ корпусѣ, въ день храмоваго праздника 23-го ноября 1914 года.

Въ христіанскомъ мірѣ наблюдается такое явленіе. Святые небожители являются покровителями цѣлыхъ странъ, мѣстностей, городовъ, народовъ, семействъ и отдѣльныхъ людей. Подтвержденіе этому мы находимъ

въ священной книгѣ Апокалипсисѣ. гдѣ говорится о семи ангелахъ, охраняющихъ семь отдѣльныхъ церквей. Въ православной Сербіи есть въ каждой семьѣ праздникъ славы. Этотъ праздникъ состоитъ въ томъ, что каждая семья чтитъ своего небеснаго покровителя, каковымъ является тотъ святой, въ день памяти котораго предки той или другой семьи приняли христіанскую вѣру. Напр., такая-то семья была крещена 6-го декабря, значитъ святитель Николай является и покровителемъ ея. Св. Кириллъ и Меѳодій покровители всего славянства. А нынѣ празднуемый св. благовѣрный князь Александръ Невскій является покровителемъ гражданской доблести русскихъ. И это не произошло какъ-либо случайно, не создалось искусственно, а естественно и таинственно. Почувствовалъ русскій народъ своимъ христіанскимъ сердцемъ, что св. Александръ Невскій и самъ доблестный, и любитъ доблесть, и подаетъ ее просящимъ—и свою вѣру въ это сталъ выражать въ своемъ къ нему почитаніи. Вотъ, поэтому-то его честныя мощи переносятся изъ г. Владиміра въ царствующій градъ, и полагаются, какъ бы краеугольнымъ камнемъ Петрова града, основаніемъ могущества всей русской земли. Вотъ почему и наши державные цари одинъ за другимъ носятъ имена въ честь св. благовѣрнаго князя Александра. Но вопросъ: почему именно этотъ, а не другой святой является въ томъ или другомъ случаѣ покровителемъ? Здѣсь нужно усматривать соотношеніе между покровительствуемыми и покровителемъ, между людьми и святыми. Св. бл. князь Александръ Невскій является покровителемъ доблести русскаго народа потому, что онъ воплотилъ въ себѣ его идеалы. Изъ его житія мы узнаемъ, что онъ отличался физической силою, дородностію, внѣшней красотой. Одинъ нѣмецкій рыцарь, Андріашъ, путешественникъ того времени, свидѣтельствуетъ: „объѣхалъ я много странъ и земель, видѣлъ многихъ царей и князей, но такого дороднаго и красиваго, какъ князь Александръ, я не встрѣчалъ“. Современники св. бла-

говѣрнаго князя Александра Невскаго говорили о немъ, что когда онъ говорилъ съ народомъ или отдавалъ приказанія, то голосъ его звучалъ, какъ труба. А, вѣдь, могущество, сила, дородность — свойства русскаго народа. Далѣе, св. Александръ соединилъ въ себѣ религіозную настроенность и воинскую доблесть. Онъ былъ воспитанъ въ древнемъ благочестіи, по св. книгамъ, онъ любилъ церковное пѣніе, любилъ помогать нищимъ и убогимъ и въ то же время умѣлъ прекрасно владѣть мечемъ, чтобы защищать отечество и вѣру православную отъ враговъ. Онъ считался современниками непобѣдимымъ. И, вотъ, опять идеалъ русскаго воинства – быть христолюбивымъ, т.-е. соединять въ себѣ воинскую доблесть и любовь ко Христу, и черезъ это быть непобѣдимымъ. И еще одну замѣчательную черту изъ жизни св. благ. князя Александра Невскаго слѣдуетъ указать, какъ подходящую къ современнымъ событіямъ. Онъ всю свою жизнь велъ войны съ нѣмцами. Однажды, выступая на ратный подвигъ съ Ливонскимъ орденомъ, онъ говорилъ: „Боже. Ты Самъ разсуди мой споръ съ этимъ высокомѣрнымъ народомъ!“ И, дѣйствительно, нѣмцы являются исконнымъ врагомъ русскихъ и всего славянства. Нынѣ память св. бл. князя Александра Невскаго. Здѣсь храмъ въ честь его и училище подъ его небеснымъ покровительствомъ; помолимся же ему, дабы онъ не оставлялъ насъ своею защитою и не только не оставлялъ, но и помогалъ намъ осуществлять тѣ завѣты и идеалы, носителемъ и ратоборцемъ которыхъ онъ былъ.

Арсеній, Епископъ Серпуховскій.

4 05 360

Епископъ Арсеній.

ДУХОВНЫЙ ДНЕВНИКЪ

(выпускъ седьмой).

1915 годъ.

Москва.

11205.

Духовный дневникъ.

„Всѣ вы—сыны свѣта и сыны дня... Будучи сынами дня, да трезвимся, облекшись въ броню вѣры и любви и въ шлемъ надежды спасенія“—(1 Θес. сал. 5 г. 5, 8 ст.).

Въ монашествѣ сознаніе того, что ты посвятилъ себя на служеніе Господу Богу, что ты никому не принадлежишь, кромѣ Господа Бога—въ минуты размышленія о бренности всего земного,—можетъ давать тебѣ притокъ новыхъ силъ на дальнѣйшіе подвиги, можетъ тебя бодрить и дѣлать духовно счастливымъ.

Былъ на духовномъ концертѣ въ большомъ залѣ Консерваторіи. Пѣлъ хоръ г. Астафьева. Получилъ духовное наслажденіе. Слушая прекрасныя, умилительныя мелодіи, являлась мысль—а, вѣдь, все это св. Евангеліе вдохновляло духовныхъ композиторовъ. При такомъ размышленіи, предстало предъ моимъ сознаніемъ все величіе христіанства. Я подумалъ, какъ реально, очевидно ведетъ оно человѣчество къ совершенству... О, св. вѣра Христова! о, мой Спаситель Хри-

стосъ!—ни на минуту я не долженъ въ Христовой вѣрѣ сомнѣваться, а стараться пользоваться каждой минутой жизни, чтобы не прошла она даромъ для вѣчности!

✝

Напѣвы церковныхъ пѣснопѣній Страстной недѣли и Пасхальной одинаково умилительны, и тогда какъ пѣснопѣнія Страстной недѣли исполнены грусти, скорби и печали, Пасхальной—радости, отрады и ликованія.

✝

Спасеніе души! Всѣ объ этомъ знаютъ, всѣ объ этомъ говорятъ, всѣ другъ другу спасенія желаютъ, но вдумайтесь хорошенько, какъ часто поверхностно скользитъ рѣчь объ этомъ, какъ далеко, далеко отъ дѣйствительнаго спасенія нашей души. И что такое спасеніе души? Изложить, объяснить, выразить словами мы, пожалуй, всѣ съумѣемъ. Это, мы скажемъ, пріобрѣтеніе нашимъ внутреннимъ существомъ, нашею душею—высоконравственнаго состоянія, когда мы находимъ удовольствіе не въ грѣховныхъ помыслахъ, чувствахъ и дѣлахъ, а въ молитвѣ, въ созерцаніи духовныхъ благъ и самомъ дѣланіи добра. Мы всѣ это хорошо знаемъ, всѣ и желаемъ спасенія души, но именно только знаемъ и желаемъ. Нужно еще отъ насъ что-то такое, чтобы спасеніе не было лишь пустымъ звукомъ. О необходимости благодатной помощи я не говорю, ибо если не Господь созиждетъ домъ —всуе трудишася зиждущіе—или „никто не можетъ придти ко Мнѣ“. Что же нужно именно отъ насъ самихъ, чтобы начать спасеніе души? Пусть намъ объ этомъ скажутъ тѣ, которые объ этомъ спасеніи думали и дѣйствительно спасались. Изъ ихъ жизни мы узнаемъ, что нужно отреченіе отъ своей грѣховной, немощной воли и подчи-

неніе волѣ другого, желающаго намъ спасенія, (нужно) подчиненіе духовнымъ руководителямъ, старцамъ, нужно послушаніе. Трудно это, но зато спасительно. Кто не знаетъ, что всякое доброе дѣло трудомъ стяжевается. Подчинившимъ себя водительству другихъ можетъ также казаться, что духовные руководители только тормозятъ нашъ духовный ростъ. Охъ, не думайте этого! Знайте, что духовные руководители окормляются отъ Св. Церкви. А если такъ,—имъ мы должны довѣрять. Пожалуй, черезъ подчиненіе другимъ, мы почувствуемъ стѣсненіе нашей воли—отсюда нужно намъ терпѣніе, смиреніе, но вѣдь это все такія добродѣтели, которыя и даютъ намъ спасеніе.

✝

Господь далъ намъ образецъ нравственнаго совершенства. Онъ оставилъ намъ образъ, да послѣдуемъ Его стопахъ. Онъ былъ искушаемъ, да и мы понесемъ искушенія.

Но этого мало... Онъ далъ намъ не только образъ, но и силу достигать этого нравственнаго совершенства. Въ жизни Своей все претерпѣвая и перенося все земное—человѣческое, Онъ въ то же время, какъ Богъ, пріобрѣталъ силу для насъ—дѣйствительно переносить, препобѣждать все земное и достигать нравственнаго совершенства.

✝

Чистота внѣшняя, опрятность, благоуханіе, свѣтъ, красота—имѣютъ благотворное вліяніе на наше внутреннее состояніе: все это освѣжаетъ, подымаетъ наше настроеніе, отодвигаетъ въ сторону дурныя мысли и чувства, очищаетъ наше сердце, загрязненное душевное состояніе.

✝

Замѣчено, что Господь многихъ тѣхъ, которыхъ болѣзнь приковываетъ къ одру на много лѣтъ, посѣщаетъ Своей благодатью: даруетъ имъ даръ терпѣнія, благодушія, мира, назиданія. Въ Тамбовѣ, Ялтѣ, въ нѣкоторыхъ обителяхъ мы встрѣчали подобныхъ людей. Эти люди являются какъ бы живыми проповѣдниками терпѣнія, они какъ бы говорятъ всѣмъ намъ: смотрите, наше положеніе самое безотрадное, но мы духомъ бодры: какое же вы имѣете право роптать на Господа, на свою судьбу, когда ваша болѣзнь, ваши скорби ничто въ сравненіи съ нашимъ положеніемъ.

✝

Не будь никогда увѣреннымъ въ томъ, что подавивши искушеніе, другой разъ ему не подвергнешься, что, если ты захочешь, то не сотворишь грѣха. Въ этой самоувѣренности чувствуется еще человѣческая гордость. Нѣтъ, держись за Господа Бога, трепещи, какъ бы Господь Богъ не оставилъ тебя, стой передъ Нимъ, сознавай крайнее безсиліе, надѣйся и думай, что только Господь можетъ вывести тебя изъ грѣховной тьмы. А если такъ, то мысль о Богѣ, молитвенное настроеніе не должно тебя покидать ни на одну минуту, ибо оторвешься своимъ существомъ отъ Господа, тѣмъ самымъ дашь просторъ грѣху, сдѣлаешься удобоподвижнымъ на всякое искушеніе.

✝

Порочность развивается постепенно. Условія для развитія ея—повторяемость грѣха, отсутствіе покаяннаго чувства, мірская попечительность. При этомъ воля все болѣе и болѣе слабѣетъ, и человѣкъ дѣлается безсильнымъ въ борьбѣ съ грѣхомъ. Молитвенный жаръ, раз-

рывъ со всѣмъ тѣмъ, что давало поводъ къ повторяемости грѣха, укореніе и постоянное бичеваніе себя,— даютъ возможность человѣку подавлять, ослаблять порочность и снова возстановляютъ его въ добрѣ.

✝

Для нашей выдержки и нравственной исправности большое имѣетъ значеніе довѣріе, преданность и уваженіе къ старцу, духовнику, пастырю. Эта преданность, довѣріе и уваженіе заставляютъ насъ какъ бы постоянно держаться въ порядкѣ: случится поводъ къ грѣху, произойдетъ нравственная расшатанность,— вспомнишь своего духовнаго уважаемаго отца и придешь въ порядокъ и захочется стремиться къ добру и свѣту. Это постоянно я испытывалъ при общеніи съ батюшкой о. Іоанномъ Кронштадтскимъ.

✝

Чувствую, глубоко чувствую, что моя виновность предъ Господомъ такъ велика, что не загладить мнѣ ея никакими подвигами, никакими добрыми дѣлами. Если Господь меня и милуетъ, и не наказуетъ, то единственно по неизрѣченной Своей милости. Господи! исповѣдую предъ всѣми Твое безконечное милосердіе и прежде всего ко мнѣ грѣшному, прогнѣвляющему Тебя на всякій день и часъ. Твое милосердіе заставляетъ меня еще сильнѣе зрѣть свои грѣхи и недостатки, сильнѣе чувствовать Твою благость и любовь. Но меня охватываетъ стыдъ предъ Тобою, Твоимъ величіемъ, святостію и чистотою. Вѣдь можетъ случиться такъ, что Ты уже не потерпишь моего окаянства и отринешь меня, чего я давно достоинъ. Но что мнѣ тогда дѣлать? Вѣдь я погибну, погибну для сей и будущей жизни. А потому прошу, молю—помоги мнѣ творить

добро. Твоя нужна въ этомъ помощь. Чувствую, что безъ Тебя я уже ничего добраго не способенъ дѣлать. Все доброе, приписываемое мнѣ, не мое, а Твое, отъ Тебя исходящее, Тобою укрѣпляемое.

✝

Хочешь положить начало благое, начать исправленіе жизни, иди прежде всего къ духовному отцу и скажи ему всѣ свои грѣхи. Для этого тебѣ не потребуется выбирать духовника: твоя цѣль, твоя забота—покаяться предъ Господомъ. Излюбленный или знакомый можетъ и не оказать для тебя той пользы, какую окажетъ духовникъ незнакомый. Снисходительность, всепрощеніе извѣстнаго духовника, нестѣснительность предъ нимъ могутъ парализовать въ тебѣ тотъ страхъ, тотъ трепетъ, который такъ нуженъ бываетъ при глубокомъ покаяніи. Бываетъ къ великому прискорбію даже такъ, что намъ пріятно для чувственности говорить любимому духовнику—плотскіе грѣхи, чѣмъ, конечно, наносится вредъ какъ ему, такъ и намъ. Сохрани насъ, Боже, отъ этого!

✝

Нѣтъ у насъ любви къ Господу Богу, вотъ почему мы такъ и увлекаемся всѣмъ дурнымъ, сквернымъ, земнымъ. Когда ты любишь кого-либо, не всегда ли ты думаешь о любимомъ человѣкѣ, не стараешься ли угодить, дѣлать ему все пріятное? Такъ и по отношенію ко Господу Богу. Нужно внѣдрить въ наше сердце любовь къ Богу,—тогда у тебя будетъ и все доброе.

✝

Война продолжается. Раздаются голоса о необходимости всенародныхъ моленій. Это хорошо, но, однако, этого мало. Господь смотритъ на сердце человѣка, а

не на внѣшнюю его молитву Нужно намъ въ глубинѣ души каяться, нужно позаботиться объ исправленіи жизни, укрѣпленіи вѣры, добрыхъ дѣлахъ. А то мы утромъ составимъ оффиціальное молебствіе, а вечеромъ пойдемъ въ театры, которые продолжаютъ дѣйствовать въ прежней силѣ. И представляется намъ,—что вотъ. по распоряженію властей, вездѣ идутъ молебствія, а успѣха въ войнѣ нѣтъ, ибо молятся устами, сердце же далеко отстоитъ отъ Господа, и, наоборотъ, какъ будто бы этого общественнаго моленія не замѣчается, а народъ въ сердечной клѣти сокрушается, кается, плачетъ и Господь призираетъ на этотъ вопль и подаетъ Свою помощь. И кажется намъ, что до тѣхъ поръ Господь насъ не помилуетъ, пока не наполнится нужное и опредѣленное Имъ число кающихся русскихъ людей. Аминь.

✝

Желающіе проводить духовную жизнь, должны непремѣнно подчинить себя водительству какого-либо старца, духовника, пастыря, При этомъ условіи духовный ростъ пойдетъ правильно и успѣшно. Въ противномъ случаѣ легко впасть въ прелесть. И долженъ быть такой моментъ, такой срокъ, когда необходимость въ руководствѣ старца сама собой отпадаетъ, это — наступленіе духовной зрѣлости. Преподобная Ксенія, когда ради спасенія души оставила родительскій домъ и поселилась на отдаленномъ островѣ, то прежде всего позаботилась найти себѣ духовнаго отца, старца—и достигла потомъ сама духовной мудрости и пріобрѣла спасеніе души. (Житіе препод. Ксеніи 24 января).

✝

И возвратился Іисусъ въ силѣ духа въ Галилею (Луки 4 гл. 14 ст.). Это было послѣ сорокодневнаго поста и молитвы. Если Самъ Господь Спаситель уеди-

нялся на молитву и постился, дабы потомъ проявлять еще большую силу духа, то что сказать про пастырей Церкви и всѣхъ духовныхъ вождей и наставниковъ: какъ имъ нужно это уединеніе для поста и молитвы! И кажется намъ, что, кто временами изъ указанныхъ лицъ заявляетъ о своемъ желаніи духовнаго уединенія, надо не препятствовать имъ. Повидимому, отъ этого можетъ быть упущеніе его службы. Но это только такъ кажется. Возвратившись въ силѣ духа, духовный дѣятель потомъ принесетъ гораздо больше пользы, чѣмъ если бы онъ не уединялся и безпрерывно работалъ.

✝

Господь сподобилъ меня въ Зосимовой пустыни совмѣстно съ тамошними старцами поговѣть и пособороваться. Въ количествѣ семи человѣкъ мы собрались въ кельяхъ о. игумена. Вечеръ. Святая тишина. Переживается молитвенное благодатное чувство. У насъ стремятся въ обществѣ устраивать какія то домашнія собранія, такъ называемые спиритическіе сеансы, на которыхъ думаютъ войти въ общеніе съ духовнымъ міромъ посредствомъ или столоверченія, или заклинаній, какихъ то таинственныхъ движеній и тому подобныхъ нелѣпостей. Но зачѣмъ все это, — зачѣмъ искать общенія съ духовнымъ міромъ путемъ окольнымъ, опаснымъ и неизвѣстнымъ? Св. Церковь предлагаетъ намъ молитву въ храмѣ или общую на дому съ пресвитеромъ церковнымъ. А входить въ общеніе съ міромъ духовнымъ св. Церковь предлагаетъ посредствомъ св. таинствъ. Пользуйся всѣмъ этимъ, если ты имѣешь запросы духовные, и ты получишь великую духовную пользу. Хочешь молиться, входить въ общеніе съ Самимъ Христомъ Спасителемъ — стремись къ

св. Причащенію; думаешь духовно созидаться, бороться съ грѣхомъ—прибѣгай къ исповѣди; желаешь получить особую цѣлительную силу отъ Господа въ болѣзни, изгладить забвенные и непрощенные грѣхи, подавить бушующія въ тебѣ страсти, — прими соборованіе. Ты скучаешь по умершимъ роднымъ, страдаешь отъ неизвѣстности, какая участь ихъ постигла за гробомъ, подавай за умершихъ просфоры на божественной литургіи, служи паннихиды, и повѣрь — твоя скорбь по умершимъ уляжется, ты духомъ успокоишься и не будешь о нихъ тосковать. Спиритизмъ якобы не отвергаетъ Церкви, вѣры и святыни, но и; такъ называемая, духовная прелесть, которою поражается иной разъ христіанинъ, свободна отъ этого, но то и другое вредны для самаго человѣка, а именно: губятъ въ немъ святую настроенность.

Приснопамятный митрополитъ Филаретъ Московскій одному іерею, объявившему ему о несчастномъ случаѣ пролитія св. Даровъ, такъ сказалъ: „видно, ты своимъ небреженіемъ отогналъ отъ себя ангела хранителя, иначе бы съ тобой сего не произошло“. Чудная мысль святителя! Продолжительное служеніе, утомленіе, торопливость при экстренныхъ требахъ, слабость здоровья, невѣрность и дрожаніе въ рукахъ, близорукость, и т. п. — какъ, при всѣхъ этихъ обстоятельствахъ, легко проронить св. частицу Тѣла Господня, или пролить честную Кровь Его! Поистинѣ, только ангелъ хранитель оберегаетъ священнослужителя отъ несчастнаго случая, могущаго произойти при обращеніи со св. Дарами. Итакъ, по мысли святителя, небреженіемъ, нерадѣніемъ мы ангела-хранителя отъ себя удаляемъ. Запомнимъ сіе, братіе священнослужители, и потщимся

хранить вниманіе къ Св. Тайнамъ, дабы съ нами былъ и ангелъ-хранитель.

Когда ты можешь знать, что у тебя нѣтъ страха Божія? Когда ты, согрѣшая, не желаешь объявлять свой грѣхъ изъ-за боязни позора отъ людей, изъ за боязни потерять силу и значеніе въ обществѣ и т. п., но тебѣ и въ голову не приходитъ, что твой грѣхъ оскорбляетъ Господа, лишаетъ тебя чистоты и святости. Знай, что тогда ты живешь безъ страха Божія, и твое положеніе весьма шатко. Ты тогда легко можешь и нравственно пасть, и не скрыться въ своихъ грѣхахъ отъ людей.

Отчего бываетъ засилье, и кто виноватъ въ засильѣ— та ли сторона, которая производитъ засилье, или та, которая это засилье терпитъ? Та и другая сторона. Первая своею настойчивостью, энергіей, силою, въ худшемъ случаѣ нахальствомъ, безцеремонностію пріобрѣтаетъ вліяніе, значеніе, а вторая — своею слабостію, попустительствомъ, невниманіемъ къ дѣлу и небрежностію этому засилью даетъ ходъ, даетъ возможность жить и дѣйствовать.

Нужно пастырю церкви хранить тайну Тѣла и Крови Господней. „Пріими залогъ сей и храни его цѣлъ и невредимъ“, говоритъ архипастырь новопосвященному іерею, вручая ему часть Св. Тѣла послѣ освященія Св. Даровъ. Что это значитъ? Св. Тайны, служеніе предъ престоломъ Божіимъ, принесеніе безкровной жертвы, совершеніе божественной литургіи, это — центръ, это

исходный пунктъ для пастыря Церкви. На этомъ должна быть сосредоточена вся его мысль, все его сердце, вся его духовная сторона. Отъ Св. Таинъ онъ долженъ отправляться въ своей жизни и дѣятельности и къ Нимъ восходить. Въ болѣе близкомъ смыслѣ хранить тайну Тѣла и Крови это значитъ — имѣть вниманіе, усердіе и попеченіе и о самихъ вещественныхъ Св. Дарахъ заботиться о тщательномъ храненіи ихъ въ чистотѣ, опрятности и благоговѣйной обстановкѣ, а также не преподавать ихъ явнымъ блудникамъ и грѣшникамъ нераскаяннымъ. Вотъ что, напримѣръ, намъ пришлось наблюдать въ Святогорскомъ монастырѣ въ отношеніи къ св. Дарамъ. Для Агнца просфора печется отдѣльная, ровная, красивая. Послѣ освященія Св. Даровъ всѣ поклоны священнослужителя направляются къ нимъ. Во время причастнаго стиха уборка св. антиминса и св. Даровъ совершается неспѣшно, весьма тщательно и благоговѣйно. Запасные св. Дары хранятся не во всѣхъ алтаряхъ, а въ одномъ — особо для этого предназначенномъ, гдѣ горитъ неугасимая лампада на горнемъ мѣстѣ предъ образомъ Спасителя, и куда безъ нужды никто не входитъ. Когда нужда бываетъ взять отъ запасныхъ Св. Даровъ, то іеромонахъ предварительно надѣваетъ эпитрахиль, поручи, кладетъ три земныхъ поклона, усердно молится, и затѣмъ уже приступаетъ къ вынутію нужной частицы, при этомъ діаконъ или пономарь стоятъ съ вожженной свѣчей. Ношеніе Св. Даровъ также бываетъ благоговѣйное, съ надѣтою эпитрахилью, поручами и при непрерывномъ чтеніи молитвы: „Вѣрую, Господи, и исповѣдую“ и „Вечери Твоея тайныя“. Когда я все это видѣлъ, то у меня являлась мысль, что такое благоговѣйное отношеніе къ Св. Таинамъ также есть — храненіе тайны Тѣла и Крови Господней священнослужителемъ.

Сегодня нашъ маститый старецъ, митрополитъ Макарій, сказалъ: „такъ называемая любовь легко можетъ переходить въ слабость, а строгость — въ жестокость. Трудно удерживать ту святую средину, когда любовь можно назвать истинной любовію, а строгость — справедливой, отеческой строгостью".

Хорошо читать въ Великую Пятницу предъ плащаницею, послѣ выноса ея, вмѣсто обычныхъ проповѣдей— чудную, умилительную молитву Кресту, помѣщенную въ іерейскомъ молитвословѣ послѣ канона Кресту.

Мы часто стѣсняемся обнаруживать свои религіозныя чувства предъ людьми, обществомъ. Даже пастырь церкви, и тотъ часто бываетъ не свободенъ отъ этого. Вотъ онъ, напримѣръ, стѣсняется предложить пасомымъ что-либо всѣмъ пѣть, стѣсняется сдѣлать объявленіе, распоряженіе, навести надлежащій порядокъ въ храмѣ и т. п. Не осмѣливается онъ и самъ обнаруживать предъ другими порыва своего молитвеннаго чувства, а то и просто обычныхъ религіозныхъ обязанностей. Между тѣмъ пастырю прежде всего нужно быть свободнымъ отъ указанной стѣснительности и какъ бы независимымъ. Его молитвенный, религіозный духъ долженъ быть свободнымъ. Таковъ и былъ о. Іоаннъ Кронштадтскій. Онъ какъ самъ свободно, безъ стѣсненій, легко обнаруживалъ свое религіозное чувство, также свободно руководилъ онъ этимъ чувствомъ и своихъ пасомыхъ. Припоминается мнѣ слѣдующій случай: послѣ одного посѣщенія Москвы о. Іоанномъ, мы собрались

на вокзалъ провожать его. Было открыто для него помѣщеніе, такъ называемое „царское“. Поѣздъ Севастопольскій запоздалъ. Пришлось о. Іоанну нѣсколько ожидать. Поговоривъ нѣсколько съ провожающими, и благословивъ ихъ, онъ вдругъ объявилъ всѣмъ: „а теперь позвольте мнѣ почитать правило, такъ какъ я намѣренъ завтра служить божественную литургію“. И тутъ же на глазахъ всѣхъ сталъ сосредоточенно ходить по залѣ и наизустъ про себя читать каноны. Вотъ свобода религіознаго чувства, такъ необходимая для всѣхъ насъ, а для пастыря въ особенности!

✝

Смотри на женщину чистыми очами и чистымъ сердцемъ, помышляя, что ея утроба удостоилась принять въ себя Богочеловѣка, что отъ нея заимствовалъ плоть Свою Христосъ Спаситель. Видишь какую-либо женщину и боишься, какъ бы отъ лицезрѣнія ея не возникли въ тебѣ дурные помыслы и чувства—перенесись тогда мыслію къ Божіей Матери Непорочной Дѣвѣ, Честнѣйшей Херувимъ, которая, однако, была матерію. Мысль о Ея чистотѣ и непорочности подавитъ въ тебѣ все дурное, и возвыситъ умъ твой и сѐрдце горѣ, къ Богу, ко всему святому.

✝

Смыслъ страданій тотъ, что они вводятъ насъ въ кругъ, если такъ можно выразиться, страданій Господа. А это-то и нужно для души христіанской. Можно жить спокойной, безпечной жизнію и никогда не вспоминать о спасительныхъ страданіяхъ Господа. Но тогда, гдѣ же цѣль жизни христіанина — усвоеніе искупительной жертвы нашего Спасителя!

Кому приходилось оставаться въ одиночествѣ ночью въ пустомъ домѣ, подъ вечеръ въ глухомъ лѣсу и т. п., тотъ пойметъ, какой великій подвигъ несли наши подвижники св. отцы, когда удалялись въ пустыни для спасенія.

Если человѣкъ, пожелавшій благоугождать Господу въ монашествѣ или иномъ подвигѣ, въ жизни своей не имѣлъ преткновеній, у него можетъ появиться злодѣйская, сатанинская мысль, что онъ уже безъ подвиговъ покаянія, поста и молитвы имѣетъ нѣкоторое право на блаженство, на царство небесное. Нужно быть избраннымъ сосудомъ благодати Божіей отъ чрева матери, чтобы жить и духовно подвизаться ради одной только горячей вѣры и любви ко Господу. И вотъ, когда у тебя этого нѣтъ, когда ты начинаешь подвергаться опасности впасть въ бездну самомнѣнія и превозношенія, тогда Господь, мудрый нашъ воспитатель, начинаетъ тебя смирять—болѣзнію, скорбями, бореніями и даже искушеніями.

„Слово—часть или, лучше сказать, искра души“. Такъ говорилъ старецъ Геѳсиманскаго скита іеромонахъ о. Исидоръ. И вотъ, если душа твоя объята огнемъ благодати, тогда и слово твое будетъ благодатное, а если душа твоя исполнена страстей, то и слово твое будетъ такое же. Отсюда проповѣдь хороша только тогда, когда исходитъ изъ устъ живого проповѣдника, живого, въ смыслѣ высоко-настроеннаго, пріосѣненнаго благодатію. При этомъ даже не важно, будетъ ли эта проповѣдь

читаться по тетрадкѣ или же говориться наизустъ. У благодатно настроеннаго проповѣдника она будетъ дѣйственна въ томъ и другомъ случаѣ. Представьте себѣ, предъ нами предсталъ бы преподобный Ефремъ Сиринъ или преподобный Сергій и сталъ бы намъ говорить. Одинаково трепетала бы наша душа отъ его рѣчи, читалъ бы онъ или говорилъ изустно. И, наоборотъ, проповѣдникъ неубѣжденный не произведетъ впечатлѣнія, хотя бы онъ говорилъ живую рѣчь. Что слово исходитъ изъ души и есть часть ея, хорошо видно изъ того, что послѣ многорѣчія чувствуется пустота въ сердцѣ, и это отъ того, что душа отъ указанной причины какъ бы расходуется, много теряетъ.

Посвятившій себя на служеніе Господу Богу не долженъ поддаваться душевнымъ волненіямъ, которыя такъ возможны при соприкосновеніи съ современнымъ міромъ. Онъ долженъ не слишкомъ радоваться, не слишкомъ печалиться и огорчаться, не слишкомъ надѣяться на поддержку міра. Въ особенности пастырь церкви долженъ вырабатывать эту твердость духа — ничѣмъ не смущаться. Его жизнь и дѣятельность проходитъ на глазахъ пасомыхъ, и неуравновѣшенность пастыря пагубна бываетъ для послѣднихъ.

Въ нѣкоторыхъ православныхъ церквахъ на литургіи Символъ Вѣры поетъ весь молящійся народъ. Какъ это прекрасно! Православный народъ предъ Господомъ Богомъ во всеуслышаніе, сообща, и въ тоже время какъ бы каждый въ отдѣльности исповѣдуетъ свою вѣру. Что, если бы вся православная Россія на божественной литургіи запѣла это исповѣданіе! Намъ кажется—это

обстоятельство до нѣкоторой степени застраховывало бы многихъ отъ уклоненія въ ереси и расколы. Въ самомъ дѣлѣ, сегодня я произнесъ исповѣданіе православной вѣры, завтра и т. д. Этимъ я незамѣтно для себя укрѣпляю въ сердцѣ своемъ намѣреніе не только устами произносить это исповѣданіе, но и держаться его. Вѣдь, многому мы не знаемъ цѣны лишь только потому, что это многое пришло у насъ въ забвеніе.

Наши театры, поистинѣ,—подмѣна почитанія Господа Бога. Театры — это тѣ же капища, гдѣ совершается служеніе чему хотите,—только не Господу Богу. Недаромъ въ театрахъ выставляютъ статуи, изваянія языческихъ боговъ, которые въ язычествѣ служили олицетвореніемъ силъ природы и духа человѣческаго. И это тѣ изваянія боговъ, которыхъ не могли терпѣть первые христіане, истребляли ихъ, и изъ-за которыхъ кровь свою проливали. Вдумаешься въ это, и невольно приходишь къ мысли, какъ мало мы еще восприняли христіанство, эту чистую, божественную религію!

Господь творитъ часто чудеса по молитвѣ праведниковъ. А развѣ Самъ Господь не видитъ нашей нужды? Не по Его ли волѣ ни одинъ власъ съ нашей главы не упадетъ? Совершая то или другое чудо по молитвѣ праведника, Господь этимъ какъ бы хочетъ возвеличить, возвысить праведника, или лучше не его самого, а его праведность, возвеличить добродѣтель, нравственный законъ и этимъ расположить къ нему людей.

То обстоятельство, что всякій человѣкъ имѣетъ человѣческое достоинство, а это мы чувствуемъ въ глу-

бинѣ своей души и преклоняемся предъ этимъ достоинствомъ, производитъ часто то, что мы подпадаемъ вліянію людей, вѣримъ имъ, соглашаемся съ ихъ убѣжденіями. Этимъ объясняется, по всей вѣроятности, распространеніе среди общества разныхъ мнѣній и взглядовъ. Одни люди своимъ вліяніемъ захватываютъ другихъ и такъ получается общее теченіе. Напримѣръ, современные люди стали уклоняться отъ вѣры и религіи. Не могутъ они въ себѣ таить своего безвѣрія. При всякомъ случаѣ они обнаруживаютъ его предъ другими, и тѣмъ заражаютъ все большее и большее количество людей. Какая поэтому для человѣка нужна самостоятельность, твердость! Его руководящею точкою долженъ быть Господь Богъ, Богооткровенный законъ и авторитетъ людей, по сему закону жившихъ.

✝

Какъ не удивительно, а можно возымѣть ненависть и къ нравственному закону. Въ чинѣ монашескаго постриженія мы читаемъ: „Не имать врагъ, внушая ненависть къ добродѣтельному житію". Все видимое нами теперь противозаконное, безнравственное, грѣховное происходитъ не столько отъ несовершенства и слабости человѣческой, сколько отъ ненависти къ добру. А что это такъ видно—изъ того, что современный міръ старается оправдывать грѣховность, доказывать неосновательность нравственныхъ требованій.

✝

Говорятъ, что просвѣщеніе и культура испортили нашу жизнь. Правда ли это? Грѣхъ, наша грѣховность, наша падшая природа тому виною, а не просвѣщеніе. Падшая природа человѣка такова, что она ищетъ повода къ грѣху. Діаволъ пользуется нашимъ просвѣщеніемъ для развитія зла на землѣ. Въ этомъ отношеніи просвѣщеніе является какъ бы древомъ познанія добра и зла.

Возьмемъ грамотность. Черезъ грамотность человѣкъ можетъ узнавать дурное, но черезъ нея же—она ему и многое открываетъ относительно мірозданія Божія. Можно пѣть для чувственнаго услажденія, но одухотворенное пѣніе, напоминающее ангельское, способно вызывать умиленіе и небесный восторгъ. Живописью можно изображать грѣхъ и добродѣтель. Картина Васнецова „Распятіе Спасителя" вызываетъ слезы. Техническое искусство можетъ направляться къ истребленію человѣчества, и оно же помогаетъ страждущему человѣчеству въ его трудѣ, на который опредѣлилъ его Господь. Все зависитъ отъ того, съ какимъ чувствомъ будетъ человѣкъ пользоваться культурой. Для добраго христіанина она только средство къ большему и большему совершенству, къ которому призвалъ человѣка Творецъ міра, сказавшій: „Будьте совершенны, какъ Отецъ Вашъ совершенъ есть!"

-|-

Говорятъ: въ настоящее время монастыри съ скитскимъ устройствомъ потеряли свое значеніе. Вѣра Христова одна, Св. Евангеліе одно и дано на всѣ времена. Люди, хотя и мѣняютъ свое настроеніе, свои взгляды, подъ вліяніемъ развитія, культуры и т. п., однако есть такія особенности въ настроеніи людей, которыя могутъ проявляться въ отдѣльности у каждаго человѣка во всѣ времена и для таковыхъ нуженъ скитъ, также вѣчно и неизмѣнно стоящій на твердомъ основаніи вѣры Христовой. Скитъ прежде всего нуженъ кающимся, которые свою жизнь провели во многихъ паденіяхъ. Многіе умираютъ въ грѣхахъ, но иныхъ Господь призываетъ къ покаянію и нѣкоторымъ изъ таковыхъ хотѣлось бы въ изглажденіе грѣховъ понести личные подвиги и монастырскіе труды, что и даетъ имъ скитъ. Онъ нуженъ для слабыхъ волею, на которыхъ грѣхов-

ный міръ неотразимо вліяетъ. Хотѣлось бы спасаться, да міръ не пускаетъ. Нужно бѣжать отъ соблазновъ въ скитъ, а иначе свою душу погубишь. Скитъ, наконецъ, нуженъ тѣмъ, кто отъ природы имѣетъ склонность къ уединенію и созерцательной жизни. Но не будетъ ли эгоизмомъ заботиться только о спасеніи своей души? Конечная цѣль всего человѣчества—спасеніе. Если скитскимъ житіемъ эта цѣль, по крайней мѣрѣ нѣкоторыми людьми, достигается, значитъ и скитъ имѣетъ свое право на существованіе. Помимо всего этого Господу Богу можно служить дѣвствомъ, чистою жизнью. Это какъ бы своего рода жертва Богу, даръ Ему лично отъ себя и за все человѣчество. Хотя не многіе люди къ дѣвственной жизни способны, но кто, имѣя этотъ даръ, отдаетъ его Господу Богу, предъ тѣми мы преклоняемся, благоговѣемъ и стараемся способствовать устроенію ихъ внѣшняго благополучія, свидѣтельствуя тѣмъ самимъ (не давая даже себѣ отчета), что жертва дѣвственниковъ нужна для всѣхъ насъ, нужна для всего христіанскаго міра. Нѣкоторые считаютъ для человѣка необходимымъ трудъ, и если они мало его видятъ въ насельникахъ обителей, даже скитскихъ, то готовы ихъ обвинять въ тунеядствѣ. Хотя молитва выше всякаго труда и за молитвенный трудъ всегда тебя накормятъ и одѣнутъ, но, въ виду спасительности труда и чтобы не быть никому въ тягость, необходимо и въ скитахъ столько трудиться, столько употреблять времени каждому на физическій трудъ, сколько нужно для добыванія насущнаго куска хлѣба.

✝

Иногда вдругъ у тебя появляется какая-то раздражительность, недовольство окружающими тебя людьми, а то и просто дурное, угнетенное состояніе духа, тоска,

разочарованіе. Малѣйшій поводъ — и твое настроеніе испортилось. Отчего это? Очевидно, ранѣе душевная твоя почва бываетъ подготовлена къ такому настроенію. Раздражительность, недовольство людьми вызывается завистью, недоброжелательствомъ къ нимъ. Тоска, уныніе, угнетенное состояніе духа вызывается предшествующими грѣховными помыслами, чувствами, дѣлами. Благодать Божія, какъ утренняя роса, прогоняетъ все это, освѣжая сердце и все внутреннее существо человѣка. Счастливъ тотъ, кто умѣетъ или, лучше сказать, способенъ быстро привлекать къ себѣ эту благодать Божію: тотъ легко освобождается отъ тѣхъ душевныхъ страданій, о которыхъ мы говоримъ.

✝

Нужно прилѣпляться всею душею, всѣмъ сердцемъ къ Господу Богу, Его Пречистой Матери и св. угодникамъ Божіимъ и ихъ мысленно лобызать, имъ умиленно взывать: „Іисусе Сладчайшій, спаси насъ!“ „Царице моя преблагая, надеждо моя пресвятая, пріятелище сирымъ и страннымъ Заступнице!“—такъ вопіетъ отъ сердца ко Господу и Его Пречистой Матери вѣрующая христіанская душа. Возгрѣтое подобнымъ образомъ чувство отвлекаетъ насъ отъ любви къ міру и прелестей его.

✝

Нравственное состояніе людей таково, что миръ среди людей можетъ поддерживать только мечъ. Пояснимъ примѣромъ. Стоитъ на посту полицейскій, чтобы онъ могъ поддерживать порядокъ, охранять мирныхъ жителей отъ злодѣевъ, ему дается вооруженіе,—въ противномъ случаѣ онъ будетъ безсиленъ исполнить свой долгъ, свою обязанность. Такъ и въ жизни цѣлыхъ народовъ. Проповѣдью о мирѣ — мира не водворишь.

А кто силенъ и могущественъ—тотъ, если пожелаетъ, можетъ поддержать и миръ среди народовъ.

✝

„Твое бо яко воистину и великое врѣсноту таинство“ (Изъ молитвы на вечернѣ въ день Св. Троицы). Что значитъ „врѣсноту?“ „Врѣсноту“—отъ слова рѣсницы глазныя. Когда мы внимательно на что-либо смотримъ, то мы прищуриваемъ рѣсницы, и это помогаетъ намъ вглядѣться въ предметъ. Такъ и сила и дѣйствіе таинства для насъ столько ясны, столько очевидны, какъ и тотъ предметъ, который мы врѣсноту разсматриваемъ.

✝

Мы въ настоящее время много проповѣдуемъ объ улучшеніи жизни, стремимся какъ будто бы къ правдѣ, справедливости, возмущаемся злоупотребленіями, словомъ--думаемъ, повидимому, проводить въ жизнь начала Св. Евангелія о правдѣ, истинѣ, добрѣ, справедливости. Однако, жизнь наша не улучшается, а наоборотъ,—зло все болѣе и болѣе укрѣпляется: отчего это? Господь сказалъ: „если хотите да творятъ вамъ человѣцы, тако и вы творите имъ (гл. 7, ст. 12 Матѳея). Сначала ты соверши добро, а потомъ требуй и отъ другого. Мы остановились на своемъ счастьѣ. Мы стремимся, чтобы намъ только было хорошо, себѣ только ищемъ счастья и довольства, о другихъ же мало помышляемъ. Такимъ положеніемъ дѣла жизнь людей не улучшится. Св. Евангеліе заповѣдуетъ отвергнуться себя, взять крестъ и слѣдовать за Христомъ, заповѣдуетъ каждому терпѣть скорби, лишенія, болѣзни и труды, а по отношенію къ другимъ быть милостивыми, сострадательными, не забывать нищихъ и убогихъ, облегчать положеніе страждущихъ. Не помни себя, а все дѣлай для другого. Вотъ что мо-

жетъ улучшить нашу жизнь, уменьшить наше земное несчастье. Тогда будетъ и то, о чемъ говоритъ опять таки Слово Божіе: „другъ друга тяготы носите“, то-есть, если мы понесемъ скорби и несчастья другихъ, то понесутъ и наши скорби и облегчатъ ихъ, и тѣмъ улучшится общее положеніе всѣхъ людей. Современный соціализмъ, проповѣдующій объ улучшеніи жизни, не можетъ послѣдняго сдѣлать, потому что онъ не въ состояніи внушить личнаго совершенствованія каждаго человѣка, безъ котораго невозможно и общее. Это дѣлаетъ только Св. Церковь со своимъ вѣроученіемъ и таинствами. Соціализмъ истекаетъ изъ личнаго желанія каждаго соціалиста добиться на землѣ счастья. Соціализмъ вредная и пагубная идея, какъ развивающая самолюбивые инстинкты и губящая личное, нравственное усовершенствованіе каждаго.

✝

Грѣхъ въ лицѣ праматери Евы низвелъ, унизилъ женское естество, но безпредѣльная Любовь Божія возвысила то же естество въ лицѣ Пречистой Дѣвы выше ангельскаго: „Ева убо недугомъ преслушанія клятву вселила есть: Ты же, Дѣво Богородице, прозябеніемъ чревоношенія, мірови благословеніе процвѣла еси: тѣмъ Тя вси величаемъ“ (9 пѣснь канона Понедѣл. 4-го гласа).

✝

Праздничный отдыхъ инока долженъ заключаться въ усиленной молитвѣ и богомысліи, ибо онъ сожитель и собесѣдникъ безплотныхъ ангеловъ, которые всегда славятъ Господа.

✝

Такъ называемая „симпатичность“ человѣка зависитъ отъ качества его души. Красота души и некрасиваго человѣка дѣлаетъ пріятнымъ и, наоборотъ, грубыя страсти и красиваго человѣка дѣлаютъ отвратительнымъ.

✝

Нищіе духомъ, плачущіе, алчущіе и жаждущіе правды, кроткіе, милостивые, чистые сердцемъ, миротворцы, страдальцы за правду, — вотъ почетная семья, въ которую Господь зоветъ всѣхъ насъ ежеминутно.

✝

Въ настоящій вѣкъ много враговъ у Церкви, Св. Евангелія и заповѣдей Христовыхъ. Явный признакъ упадка нравовъ, огрубѣнія сердца, потемненія ума. Только чистые сердцемъ узрятъ Бога. Знай всякій, что если ты судишь Церковь, Ея іерархію, порицаешь таинства и обряды, то ты плотяной человѣкъ, и, какъ таковой, не чувствуешь Христа, не ощущаешь Его, ибо ты для этого слѣпой и глухой.

✝

Каждое доброе слово, сказанное ближнему отъ сердца, возвращается въ твою душу новымъ теплымъ приливомъ благодати.

✝

Ложь, хотя бы и въ видѣ шутки, причиняетъ безпокойство, какъ прираженіе діавольское.

✝

Чаще спрашивай себя, гдѣ ты—со Христомъ или со врагомъ?—и будешь всегда въ добромъ чинѣ.

Живи настоящей минутой такъ, чтобы она въ прошедшемъ была залогомъ будущей радости.

Чистота — одежда человѣка предъ Господомъ, любовь — горѣніе души предъ Нимъ, молитва — ѳиміамъ предъ Престоломъ Господа.

Раскали сердце любовію ко Господу,—тогда, если и придетъ скверный помыслъ, тотчасъ сгоритъ въ этомъ божественномъ огнѣ.

Мнѣ одна духовная дочь сказала: „всякій разъ, оставляя храмъ, я испытываю такое чувство, какъ будто меня изъ родного милаго дома, гдѣ меня такъ ласкали и утѣшали, гдѣ такъ тепло и уютно, выводятъ на зимнюю стужу, гдѣ каждую минуту у меня могутъ отнять мое сокровище — миръ душевный, чистоту помысловъ, святое настроеніе“. Какъ понятно это признаніе доброй, христіанской души, когда представишь себѣ весь ужасъ мірской суеты и развращенія и благодатную обстановку храма Божія.

Счастливъ тотъ, кто отъ юности заключился со Христомъ въ своемъ сердцѣ. Для такого шумный, развращенный міръ — невѣдомая, непонятная, холодная, тяжелая и непривлекательная пустыня, попавъ въ которую, онъ стремится скорѣе снова укрыться въ свой уютный уголокъ сердца, гдѣ съ нимъ пребываетъ Христосъ.

Нѣкоторымъ дѣятелямъ удается порученное имъ дѣло вести съ успѣхомъ. Обитель, училище и т. д. могутъ быть благоустроенными, находиться въ порядкѣ, въ исправности. Но все это имѣетъ цѣну только тогда, когда внѣшнее благоустройство въ основѣ своей имѣетъ смиренномудріе, когда и самъ дѣятель не услаждается своимъ успѣхомъ, своими способностями и также всѣ члены учрежденія не гордятся, не превозносятся предъ другими тѣмъ, что ихъ дѣло стоитъ высоко. Безъ смиренномудрія успѣхъ показной, внѣшній, не имѣющій сердцевины, а потому можетъ легко пасть и разсѣяться.

Если ты искренній монахъ, то дорожи клобукомъ, не стыдись его и не забывай его надѣвать, когда слѣдуетъ. Помни, что клобукъ далъ тебѣ то высокое положеніе, какое имѣешь. Не потому ли добрые, настроенные иноки не разстаются съ нимъ ни дома, ни въ церкви, ни въ путешествіяхъ и, надѣвая его, предварительно лобызаютъ. По любви монаха къ клобуку отчасти можно судить и о его любви къ своему званію, монашеству. Не разстается монахъ съ клобукомъ, значитъ онъ добрый инокъ.

Духъ человѣческій можно сравнить съ самымъ нѣжнымъ цвѣткомъ, для котораго всякое постороннее вліяніе пагубно. Есть, наприм., такія растенія, которыя отъ малѣйшаго прикосновенія свертываются, пятнаются и вянутъ. Такъ точно и духъ человѣческій подавляется, заглушается отъ всего матеріальнаго, земного, плот-

скаго, чувственнаго. Нынѣ вѣкъ матеріализма, поэтому не ищи теперь чистыхъ проявленій духа: онъ упалъ, угасъ, онъ теперь является достояніемъ немногихъ избранниковъ Божіихъ. А если нѣтъ духа, то вѣдь человѣка ожидаетъ скотоподобіе, и Слово Божіе говоритъ: „Духа не угашайте!“

Въ настоящій шаткій вѣкъ все быстро мѣняется. Кто сегодня въ силѣ, завтра тотъ въ униженіи, кто сегодня имѣетъ власть, завтра самъ въ подчиненіи. Шаткость времени многихъ заставляетъ приспособляться, человѣкоугодничать, дабы продвинуться впередъ, занять болѣе выгодное положеніе и т. д. Но шаткость времени никого не щадитъ, не щадитъ она и тѣхъ, кто, забывая вѣчныя истины: правду, долгъ, справедливость, стараются жить въ угоду времени. Но посмотрите, какая разница между исповѣдниками истины, вѣчной правды и служителями временныхъ благъ. Первые, если и сходятъ со сцены, то съ ними Самъ Богъ, лучшіе изъ людей, вѣчные идеалы, съ ними остается сознаніе исполненнаго долга; вторые, жалкіе рабы превратнаго сего міра, не могутъ имѣть внутренняго спокойствія, ни уваженія отъ людей. Вспоминаются намъ мученики, исповѣдники... Что давало имъ мужественно, терпѣливо переносить мученія, что потомъ прославило ихъ на всѣ времена — любовь ихъ къ Богу, правдѣ, вѣчной истинѣ. Помните это современные люди и крѣпко стойте за истину вѣчную, святую!

Укоры отъ людей, непріятности, скорби, болѣзни и разные жизненные толчки принимай какъ справедливое возмездіе за твои грѣхи, недостатки и несовершен-

ства; тогда легче тебѣ страдать, тогда и самое страданіе будетъ возвышать твой духъ, тебя совершенствовать.

Если ты стараешься хранить цѣломудріе, то тебѣ кажутся крайне непріятными и низкими тѣ личности, которыя по отношенію къ тебѣ, хотя бы въ самомъ маломъ видѣ, проявляютъ чувственное влеченіе. Такимъ же низкимъ каждый разъ бываешь и ты, когда самъ упускаешь узду своего цѣломудрія.

Ты ввѣрился какому-нибудь человѣку. Посмотри, съ какимъ усердіемъ ты ему служишь, какъ ты его защищаешь, дорожишь его именемъ. Теперь сравни съ этимъ свое отношеніе къ Господу Богу. Какое забвеніе, какое постоянное отступленіе отъ Него ты проявляешь! Поистинѣ,—ты измѣнникъ и предатель Господа Бога, а не Его другъ и служитель, какимъ фальшиво себя предъ людьми выставляешь.

Добродѣтели въ высоконастроенномъ человѣкѣ хорошо сравнить съ запахомъ цвѣтовъ. Кто среди этихъ цвѣтовъ, кто надышался ароматомъ ихъ, тому незамѣтно благоуханіе, но стоитъ свѣжему, стороннему человѣку появиться среди этихъ цвѣтовъ, какъ его обоняніе ощутитъ тонкій, пріятный запахъ. Такъ и для смиреннаго, нравственнаго дѣлателя незамѣтна его высокая, духовная жизнь; его смиреніе, простота и сознаніе необходимости для человѣка добра отдаляютъ отъ него въ сторону самоуслажденіе добродѣтелями, за

то для посторонняго свидѣтеля онѣ видны и, какъ цвѣты, благоухаютъ.

Отчего происходитъ, что нѣкоторые учители нравственности, проповѣдники не имѣютъ вліянія на своихъ слушателей. Кто беретъ на себя миссію проповѣдывать, у того слово не должно расходиться съ дѣломъ, тотъ прежде всего самъ долженъ позаботиться на дѣлѣ выполнять то, что проповѣдуетъ. Поэтому, по степени вліянія на окружающихъ можно отчасти распознавать и самую жизнь, самое настроеніе проповѣдующаго. Проповѣдывалъ Толстой и сильно вліялъ на другихъ, значитъ онъ, какъ говорится, до мозга костей самъ былъ невѣромъ, богоборцемъ. Проповѣдывали Апостолы, и своею проповѣдью весь міръ просвѣтили. Знай это каждый учитель нравственности, каждый іерей и, совмѣстно съ своей проповѣдью, своимъ служеніемъ, исправляй, совершенствуй свою собственную, личную жизнь.

Собственныя, подлинныя Слова Господа нашего Іисуса Христа во Св. Евангеліи творятъ великія чудеса, когда христіанинъ съ вѣрою и благоговѣніемъ приводитъ ихъ себѣ на память въ потребныхъ случаяхъ. Такъ, наприм., ты имѣешь въ чемъ-либо нужду, просишь у Господа себѣ мѣста, матеріальнаго достатка, читай: „Просите и дастся вамъ, ищите и обрящете“....., тебя постигли несчастія, скорби и лишенія—повторяй Слова нашего Спасителя: „Претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ“... Тебя гонятъ, притѣсняютъ, несправедливо обвиняютъ — молись: „Блаженни есте, егда поносятъ

вамъ и изжденутъ, и рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы лжуще, Мене ради". Трудно тебѣ работать надъ своимъ грѣшнымъ „я", исправлять свои недостатки и пороки, трудно пробивать тебѣ путь къ Царству Небесному,—не забывай Словъ Божественнаго Учителя: „Царствіе Божіе нудится, и только нужницы восхищаютъ е", „возьмите иго Мое на себѣ, и научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ и обрящете покой душамъ вашимъ". „Тѣсными враты подобаетъ внити въ Царство Небесное". Ахъ, если бы мы не забывали пользоваться великимъ, чудодѣйственнымъ средствомъ, даннымъ намъ во Св. Евангеліи въ Божественныхъ Словахъ нашего Спасителя,—какъ бы тогда облегчилась наша жизнь со скорбями, несчастіями, наша работа надъ внутреннимъ нашимъ міромъ.

✝

Святыя обители съ ихъ насельниками и насельницами хорошо сравнить съ воздѣланнымъ, фруктовымъ садомъ, цвѣтникомъ, или какимъ-либо уютнымъ, красивымъ уголкомъ природы. Все въ видимомъ мірѣ можно встрѣтить—красивое и безобразное, пріятное и отвратительное. Пропасть, топкія болота, дикая песчаная пустыня и т. д.—тяжелы для насъ, но вотъ садъ, цвѣтникъ, гора съ открывающимся вдали чуднымъ ландшафтомъ — какъ тутъ хорошо, какъ легко дышется, какое благоуханіе, какое благорастворение воздуха... И въ мірѣ духовномъ, въ мірѣ человѣческой души—какое разнообразіе нравственнаго состоянія. Городская жизнь среди роскоши и довольства, или, тяжелая жизнь въ вертепахъ и притонахъ, жизнь рабочихъ въ мастерскихъ, фабрикахъ и вообще вся наша теперешняя общественная и семейная жизнь, — сколько здѣсь грѣха

и порока! И вотъ Св. обители стоятъ среди насъ. какъ цвѣтники, гдѣ благоухаетъ ароматъ стремящагося къ Господу Богу человѣческаго духа, гдѣ созрѣваютъ и духовные плоды. Но садъ можетъ придти въ запустѣніе, и цвѣтникъ порасти сорной травой. И наши Св. обители могутъ падать. приходить въ нравственное запустѣніе и это тогда, когда въ обители начинаетъ вторгаться человѣкъ съ своимъ развращеніемъ, когда насельники или насельницы живутъ такъ, какъ живутъ люди въ міру. Но да не будетъ сего, особенно въ этотъ тяжелый, развращенный вѣкъ! Потеряются обители, гдѣ же тогда христіанской больной душѣ отдохнуть, утѣшиться и умиротвориться?.. Спасителю нашъ, Пастырю добрый, Ты Самъ охрани и защити Св. обители наши отъ волковъ. вторгающихся и губящихъ ихъ!

Знаю я, Господи, что безъ преткновеній, соблазновъ и искушеній не проживешь, знаю и то, что все это необходимо для признанія цѣнности нравственнаго добра, для выработки твердости духа, но боюсь и трепещу, какъ бы всѣ эти грѣховныя преткновенія не отдалили меня отъ Тебя, моего Свѣта и Счастья!

Духовное благо, жизнь въ Богѣ и съ Богомъ, какое духовное счастіе они даютъ человѣку и какъ послѣ нихъ кажутся жалкими, ничтожными земныя утѣшенія, чувственныя наслажденія! Блаженный Августинъ, когда обратился ко Христу, часто такъ восклицалъ: „Поздно я, Господи, возлюбилъ Тебя, Красота столь древняя, и столь новая! Поздно я возлюбилъ Тебя!... Далеко меня держали отъ Тебя тѣ предметы, которые безъ Тебя

вовсе не могли существовать!“ (Исповѣдь,—книга X, глава 27). Помоги же и мнѣ, Господи, никогда не возвращаться вспять, на злыя мои дѣла. Жизнь идетъ, жизнь проходитъ, много времени потрачено на грѣхъ, пустоту и удовольствія, кажется—ничего еще не пріобрѣтено для вѣчности... Помоги же мнѣ, Господи, хотя въ остающееся время моей жизни, Тебя возлюбить, какъ прежде я любилъ грѣхъ, и Тебѣ поработать, какъ прежде я работалъ сатанѣ лукавому!...

Отцы сказали: „разсужденіе главнѣе всего, молчаніе лучше всего, смиреніе прочнѣе всего, а послушаніе—такая добродѣтель, безъ которой никто изъ страстныхъ не узритъ Господа“.

Старецъ-игуменъ Зосимовской Пустыни говорилъ мнѣ: „уединенникамъ врагъ приводитъ на память прежніе грѣхи и, раздувая самые малые до ужасныхъ размѣровъ, повергаетъ уединенниковъ въ уныніе, въ страшную тугу. Все это можно отогнать отъ себя только молитвой. Поэтому, кто не навыкъ молитвѣ, тотъ и не думай объ уединеніи, затворѣ“.

Въ предсмертный часъ врагъ также устрашаетъ умирающихъ памятью о прежнихъ грѣхахъ. Не потому ли во время кончины отъ многихъ приходится выслушивать такіе вопли: „не проститъ меня Господь, вѣчная мука ожидаетъ меня“... Несомнѣнно, что ужасъ содѣянныхъ въ жизни грѣховъ вызываетъ такое чувство отчаянія у умирающихъ. И здѣсь много можетъ помочь молитва; счастливъ тотъ, кто сумѣетъ ее стяжать въ жизни!

-|-

Дѣланіе молитвы Іисусовой есть дѣло духовное и какое-либо физіологическое средство здѣсь не годится. Въ наставленіяхъ Преосвященнаго Ѳеофана, Вышенскаго затворника, мы относительно молитвы Іисусовой читаемъ: „Когда творишь молитву Іисусову—стань умомъ въ сердцѣ“. Здѣсь, конечно, разумѣется духовная, внутренняя сосредоточенность, когда нашъ умъ и сердце объединяются въ одномъ дѣлѣ—молитвѣ. Но вотъ два инока, любители искусственныхъ средствъ для достиженія молитвы, поняли вышеуказанное наставленіе Преосвящ. Ѳеофана слишкомъ реально: они представили себѣ, что умъ и сердце, какъ внутреннія наши силы, нужно непремѣнно сосредоточить на самыхъ внѣшнихъ органахъ, именуемыхъ у насъ умомъ и сердцемъ, и вотъ они отправились къ доктору съ просьбой—показать имъ сердце. Когда тотъ показалъ имъ, иноки срисовали его и, возвратившись домой, стали творить молитву, имѣя каждый предъ собою рисунокъ съ изображеніемъ сердца. Вниманіе ихъ, сосредоточенное на внѣшнемъ видѣ—сердцѣ, было напряженное. И вотъ начинаетъ казаться одному, что сердце все расширяется и расширяется, такъ что оно какъ бы уже охватываетъ всего его, и онъ весь самъ уже сидитъ въ сердцѣ. Итакъ, цѣль достигнута: онъ весь умомъ находится въ сердцѣ. Въ радости этотъ инокъ хвалится другому, а тотъ подтверждаетъ, что и онъ уже достигъ этого, какъ вдругъ у перваго сердце лопается, миражъ разсѣивается и предъ нимъ остается простой рисунокъ на бумагѣ. Со скорбію передаетъ инокъ своему товарищу о несчастіи, а этотъ послѣдній признается, что и съ нимъ случилась такая же скорбь.

Такъ, всякія физіологическія средства при совершеніи молитвы опасны. Они могутъ приводить къ разгоряченію тѣла, къ кровянымъ движеніямъ, что граничитъ съ чувственностью, а гдѣ чувственность, тамъ и нечистота и всякая прелесть.

-|-

Чтеніе дневника о. Іоанна Кронштадтскаго весьма воодушевляетъ пастыря. Видно великая благодать Божія именно, —пастырская ревность почивала на о Іоаннѣ и, отобразившись на его писаніяхъ, передается пастырямъ, при чтеніи его дневника.

-|-

Замѣчено, что временами приходятъ въ голову добрыя мысли, но, къ сожалѣнію, онѣ быстро забываются. Эти мысли, какъ говоритъ митрополитъ Московскій Филаретъ, есть искры Божіей благодати, которыя, исходя отъ огнезрачнаго Престола Божія, бросаются въ нашъ умъ Ангелами Божіими, но какъ искры быстро угасаютъ, такъ и эти мысли мгновенно проходятъ въ нашемъ умѣ, всецѣло занятомъ бреннымъ, земнымъ. То же нужно сказать и относительно чувствъ. И добрыя, святыя чувства временами охватываютъ наше сердце, но скоро на смѣну ихъ является все дурное, чувственное. Сердце человѣка—христіанина, освященнаго Духомъ Святымъ, можно сравнить со свѣтильникомъ, который временами то вспыхиваетъ, то замираетъ, то едва мерцаетъ, то ярко горитъ. Добрыя чувства и есть мерцанія облагодатствованнаго нашего христіанскаго сердца.

-|-

Много у тебя почитателей. Но вотъ тогда какъ одни изъ нихъ, проявляя къ тебѣ только довѣріе, довольствуются молитвеннымъ общеніемъ съ тобою,

другіе, и это часто тѣ, которые въ особенности обнаруживаютъ привязанность къ тебѣ, обсуждаютъ твои поступки, слѣдятъ за твоею жизнію, за твоимъ отношеніемъ къ людямъ и т. д.—отсюда они-то и бываютъ виновниками всякихъ о тебѣ слуховъ, наговоровъ, пересудовъ. Гдѣ искать причину этому? Ищи ее и въ себѣ самомъ, и въ людяхъ. По всей вѣроятности, ты еще подаешь поводъ къ этимъ пересудамъ и толкамъ, а твои почитатели еще не такъ высоко настроены, еще не мыслятъ только о горнемъ, а привязаны къ тебѣ лишь своими человѣческими чувствами.

✝

На концѣ жизни духъ человѣческій какъ бы самъ стремится выйти изъ тѣла, которое для него служитъ темницею, оковами. И то недомоганіе, то разрушеніе тѣла, которое бываетъ у стариковъ, совершается какъ бы уже самимъ духомъ человѣческимъ. Представьте себѣ, что вы заперты, но вамъ необходимо выдти. Тогда вы начинаете ломиться въ дверь... Такъ точно и духъ человѣческій, дающій въ жизни много энергіи, силы тѣлу, въ концѣ самъ отказываетъ ему въ помощи и ищетъ себѣ выхода, какъ бы взывая ко Господу, Источнику вѣчныхъ благъ: „изведи изъ темницы душу мою“.

✝

„Любы не раздражается“. Любовь исключаетъ гнѣвъ. Воспитай въ сердцѣ своемъ любовь и ты этимъ самымъ убьешь въ себѣ гнѣвъ. Хочешь ли поэтому бороться, искоренять въ себѣ гнѣвливость,—подави въ себѣ всякое себялюбіе, не помни себя, а помни ближнихъ, ради нихъ трудись, живи. Есть гнѣвъ, какъ злостное чувство по отношенію къ ближнему, и есть горячность,

какъ свойство темперамента, какъ проявленіе энергіи, ревности, при этомъ кто горячится, у того впереди предносится дѣло, о которомъ онъ радѣетъ, изъ-за котораго онъ горячится, тревожится, самаго же человѣка, на котораго эту горячность изливаетъ, онъ не представляетъ, не помнитъ, не желаетъ ему зла. Горячность, быстро проходя, не оставляетъ въ сердцѣ осадка зла на человѣка, а наоборотъ—сожалѣніе о томъ, что ты огорчилъ ближняго. Но и горячность нужно умѣрять, сдерживать. Молитвенное настроеніе, преданность волѣ Божіей, стяжаніе смиренія и кротости разсѣеваютъ и горячность.

✝

Въ твореніяхъ Блаженнаго Августина встрѣчается мысль, что всѣ находящіеся въ отверженіи отъ Церкви, всѣ еретики, раскольники одолѣваются чувственностію, или лучше сказать, не могутъ быть свободны отъ чувственности. Это свидѣтельство Бл. Августина весьма цѣнно, потому что онъ, какъ увлекавшійся вначалѣ разными философскими воззрѣніями, напр., неоплатонизмомъ, и др., и впадавшій въ ересь-манихейство, самъ на опытѣ дозналъ то, о чемъ свидѣтельствуетъ. И понятно, почему внѣ Церкви не можетъ быть чистоты. Очищаетъ человѣческое сердце только благодать Божія, а кто въ разрывѣ съ Церковью, тотъ слѣдовательно лишенъ этой благодати, лишенъ возможности освободиться и отъ чувственности. Но какъ смотрѣть на тѣ бьющія въ глаза добродѣтели, какія повидимому бываютъ и у еретиковъ? Древніе манихеи славились добродѣтелями; наши братцы, раскольники также рекламируютъ себя, какъ людей воздержныхъ, святыхъ. Отвѣтимъ и на это словами того же Блаж. Августина. Объ этихъ добродѣтеляхъ онъ говоритъ: „всѣ добро-

дѣтели людей, находящихся внѣ Церкви, суть блестящіе пороки". Это значитъ то же, что говоритъ и св. Апостолъ Павелъ во 2-мъ посланіи къ Тимоѳею 3 гл. 5 ст.: „въ послѣдніе дни будутъ бо человѣцы. . имущіе образъ благочестія, силы же его отвергшіеся и сихъ отвращайся". Можно имѣть внѣшній образъ благочестія и быть лишеннымъ силы его. Внѣшность можетъ быть хороша, а внутренность гнила. Гробъ съ виду украшенъ, а внутри полонъ костей и смрада. Внѣшне благочестивый человѣкъ можетъ быть исполненъ духовной прелести, тщеславія, гордости, самоуслажденія. Внѣшняя добродѣтель такого человѣка—что представляетъ изъ себя, какъ не блестящій порокъ, по мысли Бл. Августина? Русскіе люди! не отрывайтесь отъ Св. Православной Церкви! Помните, что Христосъ со Своею благодатіею присутствуетъ только во Св. Церкви, а „безъ Мене", сказалъ Онъ, „не можете творити ничесоже"!

„Виждь твоя пребеззаконная дѣла, о, душе моя! и почудися, како тя земля носитъ, како не разсѣдеся, како дивіи звѣріе не снѣдаютъ тебе; како же и солнце незаходимое сіяти тебѣ не преста; востани, покайся, и возопій ко Господу: согрѣшихъ Ти, согрѣшихъ, помилуй мя". (Гласъ 7-й. Стихира покаянная на „Господи воззвахъ", въ недѣлю вечера). Какая сила покаянія вложена въ сіи слова, а вмѣстѣ, какая глубокая мысль просвѣчиваетъ въ нихъ! Человѣкъ—вѣнецъ творенія, царь природы, высшее созданіе. Міръ хочетъ знать и видѣть его только такимъ, въ противномъ случаѣ, когда человѣкъ теряетъ свое нравственное достоинство, тогда для міра онъ ничто, не нужное, а можетъ быть даже вредное существо, и какъ тогда земля тебя,

человѣкъ, терпитъ, какъ тогда звѣри дикіе не растерзаютъ и солнце не перестанетъ надъ тобою сіять. Или вотъ еще образецъ глубокаго покаянія, вложеннаго въ слова молитвы Симеона Метафраста, читаемой іереемъ предъ св. причащеніемъ (Смотр. „Правило молитвенное готовящимся ко святому Причащенію". Изданіе Московской Синодальной Конторы 1893 года стр. 187): „Недостойнѣ высоту небесную зрю, недостойнѣ человѣческое зрю видѣніе (лице), недостойнѣ собесѣдую ближнему". Здѣсь при силѣ покаянія также содержится глубокая мысль. Высота небесная—это олицетвореніе мѣста селенія славы Божіей, человѣкъ—образъ и подобіе Божіе;—то и другое по своему высокому значенію требуетъ и отъ обращающихся къ нимъ приличнаго вида, подобающаго настроенія и чести. Какъ же ты, весь грязный, безстыдный осмѣливаешься взирать на высоту небесную или смотрѣть на лице человѣка, этотъ образъ Божій. Не отъ того ли ты невольно покрываешься краской стыда и опускаешь внизъ глаза, когда послѣ только что содѣланнаго беззаконія ты взираешь на лице ближняго?..

✝

Назначеніе жалованья духовенству не создастъ и не улучшитъ нравственной связи между пастыремъ и пасомыми. Эту связь создастъ только личность самого пастыря, его искренность, его беззавѣтное, пастырское служеніе. Тѣмъ и дорого, глубоко и вѣчно указаніе Св. Апостола Павла, что служащій алтарю отъ алтаря питается, что въ эти слова вложена мысль духовной близости, родства пастыря съ пасомыми: какъ покорныя, добрыя дѣти питаютъ и грѣютъ родителей, такъ преданныя и благодарныя духовныя чада заботятся о внѣшнемъ обезпеченіи своего духовнаго отца. Обѣд-

неніе нашего народа, появленіе сектантскихъ воззрѣній, дороговизна жизни ухудшили матеріальное положеніе нашего духовенства и ему необходимо помочь, назначить достаточное денежное пособіе, которое, однако, можетъ считаться только подспорьемъ, но не главнымъ источникомъ содержанія. Это денежное пособіе, назначаемое отъ казны духовенству, слѣдовало бы называть содержаніемъ, обезпеченіемъ духовенства, но не жалованьемъ, которое слишкомъ напоминаетъ формальное отношеніе къ дѣлу, чего такъ не терпитъ пастырское служеніе.

-|-

Признаки, что ты усваиваешь смиреніе,—это когда ты не замѣчаешь, что тебя обижаютъ, огорчаютъ, унижаютъ, не цѣнятъ.

-|-

1915 года Сентября 22 ѣздилъ въ село Починки. Серпуховск. у., отпѣвать старца іерея Петра. Сей старецъ умеръ 81 года; съ первыхъ лѣтъ священства принялъ подвигъ юродства и былъ отрѣшенъ отъ прихода. Онъ жилъ въ убогой хижинѣ въ простотѣ и скудости. На погребеніе его собралось множество народа. Это почитаніе и уваженіе народомъ старца—подвижника привело меня къ такому размышленію. Нашъ простой народъ, самъ до нѣкоторой степени подвижникъ, ищетъ подвижниковъ и, найдя, преклоняется предъ ними и идетъ къ нимъ толпою. И большое дѣло совершаютъ эти, любимые народомъ, Божьи люди. Они въ силѣ держать всю округу въ повиновеніи Св. Церкви, ея уставамъ, завѣтамъ старины и родинѣ. Они служатъ сильнымъ противовѣсомъ современнымъ народнымъ развратителямъ, вожакамъ

сектъ и пропагандистамъ соціалистическихъ ученій. Безъ совѣта о. Петра никто изъ насельниковъ его села не женился, не продавалъ дома, не предпринималъ ничего существеннаго въ своей жизни. Св. подвижники, сильные Православной Вѣрой и проникнутые русскимъ національнымъ духомъ, по сердцу нашему простому народу и дай Богъ, чтобы побольше ихъ было у насъ, чтобы они горѣли въ разныхъ мѣстахъ нашего отечества, какъ свѣтильники, и ихъ свѣтъ привлекалъ бы вниманіе многихъ русскихъ людей, освѣщая имъ путь любви, преданности къ нашей Св. Православной Вѣрѣ и родинѣ.

Несмотря на то, что въ наше шаткое время враги стараются поколебать, ослабить, подорвать Св. Православную Церковь, ея іерархію и устои—твердому и вѣрному сыну Церкви теперь болѣе чѣмъ когда-либо ясна съ одной стороны—истинность Св. Православной Церкви, а съ другой—ея непоколебимость, святость и неизмѣнность. Всему вредному, противоцерковному, несмотря на сильныя препоны отъ людей и отъ врага рода человѣческаго, Св. Церковь даетъ отпоръ, отвѣтъ, произнося свой справедливый судъ. Не поэтому ли всѣ ея противники такъ и злятся на держателей Св. Церкви? Намъ пришлось бы употребить много времени и бумаги, при перечисленіи всего того, что отстояла, что осудила и на что дала свой безпристрастный отвѣтъ за послѣднее время наша Св. Православная Церковь. Былъ Толстой, есть братцы. Какъ обществу не хотѣлось, чтобы надъ ними былъ произнесенъ церковный судъ, но онъ, слава Богу, состоялся. Былъ свящ. Петровъ, іером. Иліодоръ, выбившіеся изъ пастырской колеи люди,—какой они имѣли успѣхъ среди православ-

ныхъ, о нихъ говорили, какъ объ истинныхъ пастыряхъ, но, однако, Св. Церковь, разоблачивъ ихъ ложный, вредный для Церкви и государства путь, извергла ихъ изъ своей ограды. Появились на Аѳонѣ мечтатели, которые святѣйшее Іисусово Имя стали толковать своимъ умомъ,—Св. Церковь и здѣсь дала справедливую оцѣнку возникшему на Аѳонѣ религіозному спору. Трудно, охъ, какъ трудно теперь для Церкви отстаивать истину! Но, всѣ архипастыри и пастыри Христовой Церкви, будемъ усердно молиться Пастыреначальнику-Христу, да не допуститъ Онъ нашей Русской Помѣстной Церкви отторгнуться отъ единства Вселенской Св. Церкви. Да хранитъ Онъ ее въ истинѣ, святости и въ непоколебимой вѣрности Православію. Аминь.

✝

Первый человѣкъ черезъ вкушеніе древа познанія добра и зла, узнавъ силу грѣха, его горечь, оцѣнилъ то счастіе, то блаженное состояніе, какое даетъ ему жизнь съ Богомъ и въ Богѣ. И какъ не велика та духовная радость, когда человѣкъ возстаетъ отъ грѣха, побѣждаетъ его, получаетъ помилованіе отъ своего Творца и вновь пріосѣняется отъ Него благодатію, но счастливѣе невинное блаженное состояніе перваго человѣка, когда онъ зналъ только добро и не былъ причастенъ ни къ какому злу. Христіанинъ, ты воинъ Христовъ, тебѣ надлежитъ бороться съ собственнымъ грѣхомъ, съ міромъ и духами злобы поднебесной. Собственный грѣхъ можетъ быть у тебя великимъ и малымъ, въ одномъ ты грѣшилъ, а въ другомъ не позналъ грѣха. И если содѣянный грѣхъ приводитъ тебя къ слезамъ покаянія, къ смиренію, къ подвигамъ и самоотверженному служенію Господу Богу, къ бо́льшей

любви, вѣрѣ и надеждѣ на Него, и если черезъ борьбу съ содѣяннымъ грѣхомъ ты пріобрѣтаешь духовную опытность, духовную зрѣлость, то счастливѣе человѣкъ— христіанинъ, который не зналъ грѣха. До грѣха тебя можетъ безпокоить только любопытство, нѣкоторая сладость грѣха, таящаяся въ нашей грѣховной плоти, послѣ же грѣха открывается жажда его, доходящая у нѣкоторыхъ до страданій и муки, открывается угрызеніе совѣсти, скорбь о потерянной чистотѣ, необыкновенная трудность возстановленія себя, изглажденія грѣха. До грѣха если ты и слабъ и удопреклоненъ ко грѣху, но съ тобой неразлучно пребываетъ благодать Божія, которую ты не можешь не чувствовать и которая накладываетъ особый отпечатокъ на твое внутреннее настроеніе, даже на лице и на твои глаза, накладываетъ на тебя отпечатокъ духовной радости и душевнаго спокойствія, послѣ же грѣха ты, по крайней мѣрѣ, на время лишаешься благодати Божіей, лицемъ дѣлаешься печаленъ, скорбенъ, нося на себѣ печать отверженія, а въ глазахъ твоихъ видна растерянность и зависть.

✝

Мнѣ пришлось присутствовать въ Московской Синодальной Конторѣ при допросѣ аѳонскихъ иноковъ, по поводу ихъ взгляда на сладчайшее Имя Господа нашего Іисуса Христа. Получилось тяжелое впечатлѣніе отъ ихъ настроенія: они обнаружили всѣ признаки гордыни, духовной прелести. Вѣдь на собраніи присутствовалъ цѣлый сонмъ архипастырей Православной Русской Церкви (10), во главѣ съ Митрополитомъ Московскимъ Макаріемъ, этимъ высокой духовной жизни старцемъ, который держалъ себя смиренно, кротко, какъ агнецъ. И что же,—аѳонскіе иноки не оказали

должной чести этому сонму. Если бы они чтили и уважали авторитетъ и голосъ православныхъ архипастырей, которымъ, собственно, Господь и вручилъ право учительства въ Церкви, если бы они были смиренны сердцемъ,—они пали бы ницъ предъ святителями и умоляли бы ихъ помочь имъ уяснить тотъ вопросъ, который такъ ихъ встревожилъ. И если бы и послѣ данныхъ разъясненій имъ казалось многое не яснымъ, не точнымъ и даже ошибочнымъ, то и тогда они не переставали бы просить молитвъ у святителей, чтобы Господь помогъ имъ пребывать въ истинѣ. Ничего этого не было. Чувствовалось, что аѳонскіе иноки въ своемъ сердцѣ давно уже произнесли судъ не только надъ собравшимися здѣсь іерархами, но, какъ впослѣдствіи оказалось, и надъ самимъ Святѣйшимъ Сѵнодомъ. И нужно было видѣть, съ одной стороны—спокойное, кроткое обращеніе съ аѳонскими иноками всѣхъ членовъ присутствія, а съ другой—волненіе аѳонскихъ иноковъ, чтобы убѣдиться—кѣмъ руководитъ благодать Св. Духа, которая, по пророку, „ни во огни, ни въ трусѣ, ни въ вихрѣ, а въ гласѣ хлада тонка - въ вѣяніи тихаго вѣтра". Своимъ неспокойнымъ настроеніемъ на собраніи аѳонскіе иноки ясно показали, какою мудростію они проникнуты. „Мудръ ли и разуменъ кто изъ васъ, говоритъ Апостолъ, докажи это на самомъ дѣлѣ добрымъ поведеніемъ съ мудрою кротостью. Но если въ вашемъ сердцѣ вы имѣете горькую зависть и сварливость, то не хвалитесь и не лгите на истину: это не есть мудрость, нисходящая свыше, но земная, душевная, бѣсовская, ибо гдѣ зависть и сварливость, тамъ нестроеніе и все худое. Но мудрость, сходящая свыше, во-первыхъ чиста, потомъ мирна, скромна, послушлива, полна милосердія и добрыхъ плодовъ, безпристрастна и нелицемѣрна" (Іак. III, 13—17).

✝

Въ свѣтильничныхъ вечернихъ и утреннихъ молитвахъ заключено такое глубокое, всестороннее охватывающее человѣка молитвенное чувство, что кажется этихъ молитвъ вполнѣ достаточно для священника, чтобы надлежащимъ образомъ настроиться на предстоящее служеніе Божественной Литургіи. Эти молитвы и вообще могутъ служить священнику въ духовной его жизни путеводной звѣздой. Не потому ли о. Іоаннъ Кронштадтскій такъ любилъ свѣтильничныя молитвы? Къ сожалѣнію, часто приходится читать ихъ безъ всякаго вниманія и чувства и черезъ это многое теряешь.

✝

Какъ нынѣшнія зрѣлища и всякаго рода удовольствія связаны съ темными силами, съ сатаною—это видно, между прочимъ, изъ того, что устраивающіе ихъ не находятъ лучшей вывѣски для нихъ, какъ изображенія разнаго рода драконовъ, чудовищъ, т. е. именно того, что служитъ олицетвореніемъ у христіанъ сатаны. Намъ пришлось, къ великому прискорбію, быть свидѣтелями слѣдующаго случая. Былъ объявленъ сборъ табаку для воиновъ. Устроители этого сбора назначили храмъ Христа Спасителя сборнымъ пунктомъ для всѣхъ сборщиковъ, гдѣ объявленъ былъ и молебенъ предъ началомъ сбора. И вотъ въ храмѣ молебенъ, по нашему мнѣнію, въ обстановкѣ крайне оскорбительной для Господа Бога: кругомъ храма масса фургоновъ для сбора табаку, съ изображеніями разныхъ медузъ и др. чудовищъ!..

✝

Когда вникнешь въ содержаніе молитвъ, тайно читаемыхъ священникомъ на Божественной Литургіи, то поражаешься, какъ вдохновенно, мудро и цѣлесо-

образно онѣ составлены. Сначала священникъ молится, чтобы Господь принялъ бы всѣ молитвы, какія онъ и вѣрующіе будутъ возносить во время службы. Далѣе священникъ испрашиваетъ прощеніе у Господа своихъ грѣховъ, молится объ очищеніи своего сердца отъ всякой скверны плоти и духа въ виду предстоящаго совершенія великаго таинства Евхаристіи. Тайной молитвой Херувимской пѣсни: „никто же достоинъ отъ связавшихся плотскими похотьми и сластьми"—заканчивается этотъ отдѣлъ священническихъ молитвъ. Далѣе идутъ молитвы о предложенныхъ честныхъ Дарѣхъ, о томъ, чтобы наши грѣхи, наше недостоинство не возбранили бы Духу благодати пріити на предложенныя Дары. Сюда же можно присоединить молитвы Евхаристическаго канона, гдѣ воспоминается все дѣло нашего искупленія и установленіе Святѣйшаго Таинства Причащенія. Послѣ освященія Даровъ священникъ молится за живыхъ и умершихъ, о нуждахъ своихъ пасомыхъ—о болящихъ, страждущихъ, труждающихся. Затѣмъ идутъ молитвы о томъ, чтобы Господь сподобилъ достойно причаститься Св. Таинъ и, наконецъ, послѣ причащенія священникъ съ вѣрующими благодаритъ Господа за Св. Причащеніе. Итакъ, іерей Божій, тебѣ намѣчена программа, какія ты чувства долженъ переживать, совершая Божественную Литургію. Сначала ты молись о томъ, чтобы твои молитвы за себя и другихъ были дѣйственны, кайся въ своихъ грѣхахъ, проси у Господа Бога Духа благодати на предложенные Дары, созерцай все дѣло нашего искупленія предъ освященными Св. Дарами, предстоя предъ Самимъ Господомъ отъ всего сердца, молись о своихъ нуждахъ и нуждахъ пасомыхъ, молись далѣе о достойномъ причащеніи, затѣмъ со страхомъ и трепетомъ причащайся Святыхъ и Животворящихъ Таинъ Христовыхъ,

и, наконецъ, въ радости духовной благодари Господа за великую милость, какую Онъ тебѣ даровалъ въ причащеніи Тѣла и Крови Его, и въ той же радости духовной, славя Господа, уходи на ожидающее тебя пастырское дѣло.

✝

Память Свят. Филиппа, Митрополита Московскаго, воочію убѣждаетъ насъ въ истинѣ, что Правда Божія во вѣки живетъ и что часто Господь посмѣевается правдѣ человѣческой, которая иной разъ какъ бы тщится превзойти Правду Божію. Въ самомъ дѣлѣ, казалось, что всѣ мѣры были приняты и властію и людьми, чтобы стереть съ лица земли Святителя Филиппа, чтобы погубить его. И что же? Людская правда, дѣйствовавшая въ то время, забыта, а Правда Божія осталась жить и прославила Свят. Филиппа предъ всѣмъ православнымъ міромъ, какъ исповѣдника и мученика. И выходитъ, такимъ образомъ, что Правда Божія какъ бы еще могущественнѣй, еще сильнѣй и болѣе живуча, когда она современниками не уважается и попирается. Это обстоятельство является какъ бы какимъ залогомъ, капиталомъ, который кладется въ сокровищницу Церкви съ тѣмъ, чтобы со временемъ это сокровище послужило еще большимъ проявленіемъ богатства и славы Церкви. Въ первой стихирѣ Прп. Дометіана на 10-е января хорошо изображено, какъ вѣрными посрамляется всякая гордость человѣческая. „Иже землю истребити... и изсушити море хваляйся, наругаемъ вѣрными показася, яко птица днесь и посмѣятельнѣйшъ комаръ, ему же судися видъ, якоже нѣкое страшилище, и попрася Христовымъ угодникомъ“. Въ настоящее время люди порядка, православно-церковнаго настроенія не цѣнятся, и Св. Церковь унижается,

оскорбляется. —И что же? Неужели вы думаете истребить память о великихъ духомъ людяхъ или разорить Церковь?—Ошибаетесь. Ваше посмѣяніе, ваше поношеніе послужитъ со временемъ еще къ большей силѣ и славѣ Св. Церкви. И посмѣется Правда Божія надъ вашей человѣческой правдой, и окажетесь вы тогда ничтожными, какъ птица или незамѣтный комаръ!

✝

Бываютъ въ Православномъ Богослуженіи такіе моменты, когда уже нѣтъ никакой надобности въ проповѣди. Само Богослуженіе даетъ столько молитвенныхъ чувствъ, назиданія, столько слезъ и утѣшенія, что всякая проповѣдь можетъ только понижать, парализовать высокое настроеніе молящихся. Возьмемъ, напр., Богослуженія Страстной Седмицы. Какая тутъ проповѣдь, когда Церковь въ своихъ вдохновенныхъ молитвословіяхъ все, кажется, даетъ для ума и нашего сердца. Вообще пастырь постоянно долженъ соображаться, когда ему слѣдуетъ говорить и когда лучше молчать. Чѣмъ трогательнѣе Богослуженіе, чѣмъ истовѣе совершается и чѣмъ больше пастырь имъ проникается,—тѣмъ меньше требуется пастырскаго слова. Не умѣлъ пастырь самимъ Богослуженіемъ ублаготворить молящихся, вотъ онъ и поправляется, думая по крайней мѣрѣ своимъ словомъ это сдѣлать, но какъ бы пастырское слово не было хорошо,—оно ничто въ сравненіи съ самимъ Богослуженіемъ.

✝

Вы думаете, что всѣ невѣрующіе, противящіеся Церкви и ея узаконеніямъ таковы отъ того, что слишкомъ умны, начитаны, хорошо изучили исторію Церкви, ея каноны, что на опытѣ сами пережили все то, что

касается Православной Вѣры? Нѣтъ, какъ разъ наоборотъ! Они потому и невѣрующіе, что существа Вѣры нашей не знаютъ. Если бы они ее узнали и на опытѣ пережили бы, —они почувствовали бы отъ Нея такое благо, такое духовное утѣшеніе, что непремѣнно сдѣлались бы Ея защитниками и даже исповѣдниками.

✣

Какъ пріобрѣтается чистота сердца? Большое значеніе для достиженія этого—есть постоянное укореніе себя въ своихъ немощахъ и недостаткахъ. Укореніе даетъ возможность распознать себя, свою грѣховность, оно парализуетъ всякую гордость, духовную прелесть, которая такъ часто тормозитъ нашъ духовный ростъ. Укореніе приводитъ насъ къ смиренію,—этой основѣ для всякаго нравственнаго преуспѣянія. Но укоренія мало. Бываютъ у насъ такія душевныя язвы, которыя и укоренiемъ не исцѣляются. Нужно болѣе сильное средство, чѣмъ укореніе и это—обнаруженіе, открытіе внутренней нашей язвы предъ духовникомъ, старцемъ, или просто другомъ. Одинъ братъ страдалъ отъ дурныхъ помысловъ и чувствъ; много онъ въ этомъ себя укорялъ, но это не помогало, онъ продолжалъ страдать. Онъ тогда пошелъ къ одному старцу и, несмотря на весь стыдъ и внутренній тормозъ, съ Божьей помощью открылся въ грѣхѣ и, какъ только онъ это сдѣлалъ,—вся нечистота, одолѣвшая его, пропала у него Укореніе и открытіе помысловъ это, такъ сказать, личная работа надъ самимъ собою для выработки чистоты сердца. Но надъ нами Господь Богъ, Ему мы повинны въ своихъ грѣхахъ, и вотъ далѣе, что мы должны дѣлать для очищенія сердца,—это постоянно каяться Господу Богу въ своихъ грѣхахъ, ища примиренія со своею совѣстью, и молясь, чтобы Господь простилъ намъ грѣхи. И Милостивый Господь

всегда готовъ принять наше покаяніе и помиловать насъ. Грѣхи—нашъ долгъ предъ Господомъ. Хорошо не быть никому должнымъ. Хорошо чаще уплачивать долги, въ противномъ случаѣ они, накопившись, дѣлаются слишкомъ великими, тягостными, непосильными, неоплатными. Такъ и грѣхи, долги наши предъ Господомъ; хорошо какъ можно чаще ихъ уплачивать, ежедневно, ежечасно, ежеминутно, постоянно каясь предъ Господомъ. Люди, радѣющіе о духовной жизни, удѣляя по требованію своего сердца время для такого внутренняго покаянія, молятся Господу Богу до тѣхъ поръ, пока не почувствуютъ сердцемъ, что Господь имъ прощаетъ. Да, примиреніе со своею совѣстью, прощеніе Господомъ намъ грѣховъ можетъ чувствовать наше христіанское сердце! Но вотъ намъ даны еще для очищенія сердца благодатныя средства—исповѣдь и св. Причащеніе. Здѣсь уже Сама Благодать Божія приходитъ къ намъ и очищаетъ и оживотворяетъ наше сердце, все наше существо. Внутреннее наше дѣланіе можно сравнить съ воздѣлываніемъ земной почвы. Какъ почву нужно разрыхлять, удобрять и поливать, чтобы она производила злаки, такъ и почву нашего сердца также нужно воздѣлывать. Вотъ укореніе и откровеніе—тоже что разрыхленіе, внутреннее покаяніе и молитва—удобреніе, а таинства—благодатный дождь на почву нашего сердца.

✝

Въ притчѣ о неправедномъ домоправителѣ (Ев. Лук. 16 гл. 1—13) Спаситель дѣлаетъ укоръ сынамъ свѣта за то, что они въ своемъ служеніи Господу Богу часто бываютъ непостоянны. Спаситель какъ бы такъ говоритъ: „посмотрите на сыновъ вѣка сего, какъ они бываютъ ловки въ родѣ своемъ, умѣя выходить изъ

затруднительныхъ обстоятельствъ; вы же сыны свѣта, когда вамъ грозитъ опасность отъ врага рода человѣческаго или отъ собственныхъ грѣховъ, часто по неосмотрительности, безпечности, лѣности, по недостатку бодрости и энергіи, попадаете въ сѣти врага и не умѣете выйти изъ опаснаго положенія. Спаситель, значитъ хвалитъ не дурные поступки неправеднаго домоправителя, а указываетъ на него сынамъ свѣта, какъ на примѣръ умѣнія пользоваться средствами, какія приняты у сыновъ вѣка—хитрость, ловкость и т. п., сыны же свѣта имѣющимися у нихъ средствами, разумѣется—благодатными средствами, не пользуются. Проводится, такимъ образомъ, параллель между сынами вѣка и сынами свѣта и указывается, какъ первые въ родѣ своемъ (земномъ, несправедливомъ) хитры, умѣлы и какъ вторые, тоже въ родѣ своемъ (высшемъ, духовномъ) вялы и неумѣлы. И въ жизни нашей мы часто укоряемъ ссылкою на что-либо въ нравственномъ отношеніи низкое, однако гдѣ можно брать примѣръ чисто формальнаго свойства, напр., энергіи, умѣнья и т. п. Мы, напр., говоримъ: „посмотрите на сектантовъ, какая у нихъ сплоченность, поддержка другъ друга“ и т. п. Итакъ, Господь Спаситель имѣлъ въ виду дать назиданіе сынамъ свѣта, чтобы они были въ своемъ родѣ, въ своихъ высшихъ стремленіяхъ—тверды, постоянны, мудры, такъ какъ невозможно въ одно и то же время работать Богу и мамонѣ, словомъ,—такъ умѣлы, какъ сыны вѣка сего въ родѣ своемъ, т. е. въ своихъ мірскихъ, низкихъ дѣлахъ, дѣлахъ вѣка сего, которыхъ съ нравственной стороны, конечно, никогда нельзя похвалить. И если въ этой притчѣ идетъ сравненіе, то и въ слѣдующихъ словахъ девятаго стиха также нужно продолжить тоже сравненіе: „И я говорю вамъ (сынамъ свѣта): пріобрѣ-

тайте себѣ друзей*), (какъ сыны вѣка пріобрѣтаютъ своихъ друзей богатствомъ неправеднымъ, чтобы они, когда обнищаете, приняли васъ въ вѣчныя обители". Слова поставленныя въ скобкахъ въ дѣйствительности въ св. евангеліи не имѣются, но они по смыслу рѣчи сами собой подразумѣваются.

Арсеній, епископъ Серпуховскій.

*) Здѣсь друзья разумѣются—добрые, соотвѣтственно духу и настроенію сыновъ свѣта напр., пастыри Церкви, угодники Божіи и т. п.

2007041539